КЛАССИКА ИД ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Умолкнувший оратор

Умолкнувший оратор
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Умолкнувший оратор
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Рекс Стаут
Умолкнувший оратор

Rex Stout
THE SILENT SPEAKER
Copyright © 1946 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

КЛАССИКА
И
ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Ольги Александровой
Оформление обложки Ильи Кучмы
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Ниро Вулф сидел с закрытыми глазами за письменным столом, откинувшись на спинку огромного кресла.

— Интересный факт… — пробормотал он. — Совместный капитал членов Национальной ассоциации промышленников, присутствовавших на приеме прошлым вечером, оценивается в тридцать миллиардов долларов.

Я запер в сейф чековую книжку, зевнул и вернулся к своему столу.

— Да, сэр, — согласился я, — но не менее интересно, что доисторические строители могильных курганов оставили в штате Огайо больше следов своей деятельности, чем где бы то ни было. В дни моей юности…

— Заткнись! — рявкнул Вулф.

Обидно, конечно, но я смолчал. Во-первых, дело шло к полуночи и меня клонило в сон, а во-вторых, его замечание, возможно, имело отношение к нашему предыдущему разговору, чего нельзя сказать о моей тираде. Мы обсуждали наши финансовые тяготы, изыскивали возможности

уплаты налогов и решали прочие денежные вопросы, среди которых не самой маловажной была проблема выплаты мне жалованья. Наши финансы еще не пели романсы, но дела обстояли не лучшим образом. Когда я зевнул в третий раз, Вулф вдруг решительно сказал:

— Арчи, возьми блокнот. Указания на завтра.

В одну секунду сонливость как рукой сняло. Вулф продиктовал мне свои распоряжения и отправился к себе наверх. Полученные на завтра задания настолько завладели моими мыслями, что я вертелся в постели не меньше тридцати секунд, прежде чем меня сморил сон.

Глава 2

Разговор происходил в среду ближе к концу самого теплого марта за все время существования Нью-Йорка. В четверг погода не изменилась, и я даже не надел пальто, выйдя из нашего особняка на Западной Тридцать пятой улице и направляясь в гараж за машиной. Я был подготовлен к любым случайностям. В бумажнике у меня имелся запас визитных карточек, которые гласили:

АРЧИ ГУДВИН
помощник Ниро Вулфа
Западная Тридцать пятая улица, 922
тел.: Проктор 5-5000

В нагрудном кармане пиджака, помимо обычного содержимого, лежал документ, сфабрикованный мной на пишущей машинке. Он был напечатан в виде служебной записки ОТ Арчи Гудвина ДЛЯ Ниро Вулфа. В записке говорилось: «Разрешение от инспектора Л. Т. Кремера на обследование комнаты в отеле „Уолдорф“ получено. О результатах сообщу по телефону». Сбоку над текстом были нацарапаны чернилами — тоже

моя работа, достойная восхищения, — инициалы: «Л. Т. К.».

Убойный отдел находится на Двадцатой улице, меньше чем в миле от нас, и примерно в половине десятого я уже сидел перед обшарпанным старым письменным столом, владелец которого, восседая во вращающемся кресле, хмуро разглядывал какие-то бумаги. У него было круглое красное лицо, маленькие серые глазки, плотно прижатые к черепу уши. Он перенес на меня угрюмый взгляд и проворчал:

— Я чертовски занят. — Глаза его уставились в точку на три дюйма ниже моего подбородка. — Что это ты так расфрантился? Или думаешь, уже Пасха?

— Я не знаю такого закона, который запрещал бы человеку купить себе новую рубашку и галстук, — парировал я. — А может быть, как и полагается детективу, я маскируюсь? Конечно, вы заняты, и я не намерен отнимать у вас время. Хочу просить вас об одолжении, о большом одолжении. Не для себя, так как совершенно уверен, что, окажись я в горящем доме, вы бы немедленно приказали плеснуть в пламя бензина. Я обращаюсь к вам от имени Ниро Вулфа. Он просит вас разрешить мне осмотреть комнату в отеле «Уол-

дорф», где в прошлый вторник был убит Чейни Бун, и сделать там несколько снимков.

Тут уж инспектор Кремер уставился на мою физиономию, а не на новый галстук.

— Боже правый! — наконец произнес он с горьким негодованием. — Мало мне неприятностей с этим делом! Не хватало только Ниро Вулфа. И вот он тут как тут! — Кремер задвигал челюстью, раздраженно глядя на меня. — Кто ваш клиент?

— Не знаю я ни о каком клиенте, — покачал я головой. — Насколько я понимаю, дело просто в любознательности Ниро Вулфа. Он интересуется преступлениями, которые…

— Ты слышал мой вопрос? Кто ваш клиент?

— Нет, сэр, — с сожалением отозвался я. — Разрежьте меня на куски, выньте сердце и пошлите на исследование в лабораторию, и вы увидите: на нем начертано, что я ничего не…

— Хватит! — Кремер снова уткнулся в бумаги.

— Я знаю, инспектор, что вы заняты. — Я поднялся с места. — Но мистер Вулф будет весьма признателен, если вы разрешите осмотреть…

— Чушь! — не поднимая головы, бросил он. — Вы не нуждаетесь ни в каком разрешении для осмотра комнаты и прекрасно это знаете! Мы проделали там все, что требовалось, а помеще-

ние это является частным владением. Впервые слышу, чтобы вы добивались официального разрешения властей. Будь у меня время, я попытался бы узнать, что за этим скрывается, но я слишком занят. Убирайся!

— Боже мой! — обескураженно произнес я, направляясь к двери. — Подозрительность… Вечно одна подозрительность! Что за человек?!

Глава 3

По внешнему виду и манерам Джонни Дарст был чрезвычайно далек от того представления, которое вы могли бы составить о сыщике, служащем в гостинице. Его скорее можно было принять за вице-президента какого-нибудь треста или за распорядителя гольф-клуба. Мы находились в небольшой комнате. Он молча глядел на меня, а я рассматривал обстановку, состоявшую из маленького столика, зеркала и нескольких стульев. Поскольку Джонни был отнюдь не дурак, я даже не пытался сделать вид, будто что-то скрываю.

— Скажите, а что вы ищете? — вежливо поинтересовался он.

— Ничего определенного, — ответил я. — Я работаю на Ниро Вулфа точно так же, как вы работаете на хозяев «Уолдорфа». Он послал меня сюда, и вот я здесь. Ковры поменяли?

— Сами понимаете — кровь, — кивнул он, — правда, не очень много. Кое-что забрала полиция.

— Судя по газетным сведениям, здесь четыре такие комнаты, по две с каждой стороны сцены?

Он опять кивнул:

— Используются в качестве артистических уборных. Конечно, Чейни Бун отнюдь не был артистом, но хотел подготовиться к выступлению, и его провели сюда, чтобы никто не мешал. Большой бальный зал отеля «Уолдорф» лучше других оборудован…

— Бесспорно! — охотно согласился я. — Хозяева должны платить вам надбавку к жалованью за рекламу. Что ж, весьма признателен.

— Узнали, что было нужно?

— Да, пожалуй.

— Могу показать вам место, откуда он должен был произнести речь.

— Спасибо, в следующий раз.

Он спустился вместе со мной в лифте и проводил до выхода. Мы оба прекрасно понимали, что хозяева отелей одобряют присутствие лишь тех частных детективов, которых сами и нанимают. На прощание он все же, как бы невзначай, спросил:

— А на кого работает Вулф?

— Наивный вопрос, — ответил я. — Он работает, во-первых, во-вторых и в-последних, на Вулфа. Если подумать, то и я тоже. Парень, я преданный.

Глава 4

Без четверти одиннадцать я оставил машину на стоянке у Фоли-сквер, вошел в здание федерального суда и поднялся на лифте.

Я встретил там с десяток сотрудников ФБР, с которыми свел знакомство во время войны, когда Вулф работал на правительство, а я служил в военной разведке. Мы с Вулфом решили, что Дж. Дж. Спиро, будучи процента на три болтливее остальных, окажется для нас полезным, поэтому именно ему я послал свою визитную карточку. Не прошло и мгновения, как аккуратная деловая девица провела меня в аккуратный деловой кабинет, где меня встретило аккуратное деловое лицо — Дж. Дж. Спиро из ФБР. Мы церемонно приветствовали друг друга, и затем, придав своему голосу сердечность, он спросил:

— Ну-с, майор, чем мы можем быть вам полезны?

— Окажите мне две любезности, — сказал я. — Во-первых, перестаньте величать майором. Я уже давно снял форму. Кроме того, я страдаю комплексом неполноценности, так как должен

был бы носить звание полковника. Во-вторых, у меня просьба от Ниро Вулфа, конфиденциальная. Конечно, он мог бы просто позвонить вашему шефу, но не хочет беспокоить его по таким пустякам. Речь идет об убийстве Буна. Нам сказали, что в расследование вмешалось ФБР, а как известно, обычно вы не интересуетесь такими делами. Мистер Вулф хотел бы узнать: может быть, Федеральному бюро нежелательно, чтобы частный детектив проявлял интерес к этому делу?

Спиро все еще пытался играть роль доброжелательного чиновника, но выучка оказалась сильнее его. Он принялся барабанить по столу пальцами, но тут же прекратил и поспешно убрал руку. Сотрудники ФБР не барабанят пальцами по столу.

— Дело Буна… — протянул он.

— Совершенно верно, дело Чейни Буна.

— Да-да, припоминаю… Но если оставить на секунду интересы ФБР, то в чем, собственно, состоит интерес мистера Вулфа?

Он наскакивал на меня со всех сторон. Полчаса спустя я ушел с тем, с чем и ожидал уйти, — ни с чем. Надежда на то, что он на три процента болтливее остальных, не оправдалась.

Глава 5

Последнее задание оказалось самым трудным. Главным образом потому, что я столкнулся с совершенно незнакомыми мне людьми. Я не знал ни единого человека, связанного с Национальной ассоциацией промышленников (НАП), и был вынужден начать с нуля. Как только я поднялся в офис ассоциации на тридцатом этаже здания, расположенного на Сорок первой улице, вся обстановка сразу же произвела на меня дурное впечатление. Приемная слишком велика, слишком много денег потрачено на ковры, обои, мебель. И девица за стойкой, хотя и являлась недурным экземпляром с точки зрения экстерьера, безусловно, была подсоединена к морозильной камере. Уж так холодна, что я не видел ни малейшего шанса растопить лед. Я умею быстро сближаться с представительницами слабого пола в возрасте от двадцати до тридцати и более лет, если они отвечают определенным стандартам в плане силуэта и окраски, но с этим образчиком найти общий язык я не мог. Уразумев это с первого взгляда, я протянул ей свою

визитную карточку и сказал, что желаю видеть Хэтти Хардинг.

Это вызвало такие трудности, словно Хэтти Хардинг являлась богиней-хранительницей храма, а не помощником президента НАП по связям с общественностью. Наконец я был пропущен к ней. Просторный кабинет, ковры, добротная мягкая мебель. Имелись достоинства и у нее лично, но как раз те, что пробуждают во мне один-два моих самых опасных инстинкта, причем отнюдь не те, о которых некоторые могли бы подумать. Ей было где-то между двадцатью шестью и сорока восьмью годами. Высокая, стройная, со вкусом одетая. Строгий, властный взгляд ее темных глаз буквально с первой же секунды говорил вам, что эти глаза многое в жизни повидали и все знают.

— Мне доставляет истинное удовольствие видеть самого Арчи Гудвина, явившегося от самого Ниро Вулфа, — заявила она, крепко пожимая мне руку. — Поверьте, истинное удовольствие. По крайней мере, я надеюсь, что это так. Я имею в виду, что вы явились от Ниро Вулфа.

— По прямой, мисс Хардинг. Как пчела летит с цветка.

— Да? А не на цветок? — рассмеялась она.

В ответ рассмеялся и я. Теперь мы были на дру-

жеской ноге.

— Так действительно будет ближе к истине. Признаюсь, я прилетел сюда заполучить бочку нектара. Для Ниро Вулфа. Ему может понадобиться список членов НАП, которые присутствовали на приеме в отеле «Уолдорф» во вторник вечером, потому Вулф и послал меня к вам. Копия предварительного списка у него имеется, но ему необходимо знать, кто из этого списка не явился на прием, а кто пришел сверх списка. Ну как, я правильно построил фразу?

Она молчала. На лице у нее появилось выражение озабоченности.

— Почему бы нам не присесть? — вовсе не по-приятельски предложила она и направилась к стульям, стоявшим у окна.

Но я сделал вид, что не заметил этого, и подошел к одному из стульев для посетителей перед ее письменным столом, так что ей пришлось занять свое рабочее место. Состряпанная мной записка Ниро Вулфу, которую я завизировал инициалами инспектора Кремера, покоилась в кармане пиджака, и ей предстояло случайно выпасть на пол кабинета мисс Хардинг, а поскольку нас разделял стол, это была несложная операция.

— Интересно, для чего мистеру Вулфу понадо-

бился список? — спросила она.

— Если честно, я могу ответить на ваш вопрос только ложью. — Я улыбнулся. — Список необходим ему, чтобы попросить автограф у присутствовавших на приеме.

— Я буду так же честна с вами, мистер Гудвин, — улыбнулась она в ответ. — Вы, конечно, понимаете, что случившееся несчастье в высшей степени неприятно для нашей ассоциации. Только представьте себе: наш гость, основной оратор на вечере, директор Бюро регулирования цен, убит перед началом приема. Я оказалась в чертовски неловком положении… Даже если в течение последних десяти лет отдел связей с общественностью, которым я руковожу, оставался на высоте, что я отнюдь не вменяю себе в заслугу, все мои усилия могут пойти насмарку из-за того, что произошло там в течение десяти секунд. Поэтому не…

— Почему вы думаете, что это произошло в течение десяти секунд?

Она удивленно заморгала:

— Но ведь… должно быть… так, как все произошло…

— Не доказано, — беспечно сказал я. — Его четыре раза ударили гаечным ключом по голо-

ве. Конечно, это можно проделать и за десять секунд, но предположите, что убийца ударил его в первый раз, Бун потерял сознание, убийца, передохнув, снова ударил его, опять перевел дух, ударил в третий раз…

— О чем это вы?! — оборвала она меня. — Хотите показать, насколько вы несносны?

— Нет. Просто демонстрирую, как могут рассуждать те, кто расследует убийство. Если бы вы заявили полиции, что преступление совершено в течение десяти секунд, вам было бы несдобровать. А у меня это в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Во всяком случае, я этим не интересуюсь. Я пришел по поручению мистера Вулфа, и мы были бы чрезвычайно признательны вам за список, о котором я говорил.

Я приготовился выслушать что-нибудь вроде речи и опешил, увидев, как она закрыла лицо руками. Ей-богу, даже подумал, что она вот-вот заплачет от отчаяния по поводу безвременной кончины связей с общественностью, однако она лишь прижала ладони к глазам и осталась так сидеть. Это был самый подходящий момент, чтобы бросить записку на ковер, что я и проделал.

Мисс Хардинг не отнимала ладони от лица так долго, что я успел бы раскидать по полу целую

кипу бумажек, но когда она наконец убрала руки, ее взгляд оставался по-прежнему властным.

— Извините, — сказала она, — но я не спала две ночи и совершенно разбита. Я вынуждена просить вас уйти. Через десять минут у мистера Эрскина должно начаться еще одно совещание по поводу убийства Буна, и мне надо подготовиться. К тому же вы отлично понимаете, что я не могу дать вам список без ведома и согласия начальства. Кроме того, у мистера Вулфа, как я слышала, тесные связи с полицией. Почему бы вам не затребовать список у нее? Кстати, о вашем умении строить фразы. Слушайте, как я говорю, и учитесь. И наконец, скажите мне — я искренне надеюсь, что вы это сделаете, — кто поручил мистеру Вулфу взяться за это дело?

Я покачал головой и поднялся:

— Я нахожусь точно в таком же положении, как и вы, мисс Хардинг. Я не могу ничего сделать, даже ответить на простой вопрос, без санкции свыше. Может быть, мы придем к соглашению? Я спрошу мистера Вулфа, можно ли мне ответить на ваш вопрос, а вы спросите мистера Эрскина, можно ли дать мне список. Успешного совещания!

Мы пожали друг другу руки, и я не мешкая

прошагал по коврам к двери, чтобы она не успела обнаружить на полу записку и вернуть ее мне.

В это время дня движение на улицах такое плотное, что я едва тащился. Остановив машину у старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, принадлежащего Ниро Вулфу и являющегося моим домом вот уже в течение десяти лет, я поднялся на крыльцо и попытался отпереть ключом дверь, но она оказалась на засове, и мне пришлось позвонить. Открыл мне Фриц Бреннер, повар и домоправитель. Проинформировав его, что шансы на получение в субботу жалованья у нас есть, я направился через прихожую в кабинет.

Вулф сидел за своим столом и читал книгу. Только здесь он чувствовал себя удобно. В доме были и другие кресла, сделанные по специальному заказу и гарантированно выдерживающие нагрузку до пятисот фунтов. Одно из них стояло в его спальне, второе — на кухне, третье — в столовой, четвертое — в оранжерее на крыше, где выращивались орхидеи, и пятое — в кабинете, за его рабочим столом, рядом с огромным глобусом диаметром более двух футов и книжными полками. Именно в этом кресле Вулф проводил большую часть суток.

Как обычно, он даже не поднял глаз, когда я вошел. И как обычно, я не обратил на это ни малейшего внимания.

— Крючки наживлены, — громко сказал я. — Возможно, в этот самый момент по радио передают, что Ниро Вулф, величайший из всех ныне здравствующих частных детективов, когда ему хочется работать, что происходит довольно редко, занялся делом Буна. Включить?

Вулф дочитал до точки, загнул уголок страницы и отложил книгу в сторону.

— Нет, сейчас время ланча, — сказал он и взглянул на меня. — Наверное, вопреки обыкновению, ты был излишне открыт. Звонил инспектор Кремер. Звонил мистер Трэвис из ФБР. Звонил мистер Роде из отеля «Уолдорф». Боюсь, они могут пожаловать сюда, поэтому я велел Фрицу запереть дверь на засов.

Вот и все, что он произнес в этот момент или, вернее, в течение ближайшего часа, так как появившийся Фриц объявил, что кушать подано. Ланч в тот день состоял из кукурузных лепешек и свиной вырезки в сухарях, кукурузных лепешек и острого томатно-сырного соуса и, наконец, кукурузных лепешек с медом. Фриц умел виртуозно рассчитывать время подачи лепешек. Едва

кто-нибудь из нас успевал прикончить, скажем, одиннадцатую лепешку, как Фриц прямо с пылу с жару подавал двенадцатую.

Глава 6

Я назвал это операцией «Платежная ведомость». Согласен, что такое название было дано несколько преждевременно. Помимо жалованья Фрицу Бреннеру, уборщику Чарли, Теодору Хорстману, который ухаживал за орхидеями, мне предстояли и другие расходы, слишком многочисленные, чтобы их перечислять. Однако, исходя из правила называть вещи своими именами, я назвал это именно так.

Утром в пятницу мы наконец поймали рыбку, за которой охотились. В четверг вечером произошли два непредвиденных визита. Первым явился инспектор Кремер, вторым Дж. Дж. Спиро из ФБР. Вулф распорядился не принимать их, и они ушли несолоно хлебавши. Я был настолько уверен, что рано или поздно рыба заглотнет нашу наживку, что всю вторую половину четверга посвятил составлению отчета об убийстве Буна, каким оно представлялось мне по газетным сообщениям и из беседы, которую я имел в среду с сержантом Пэрли Стеббинсом. Перечитав свое творение, я решил не приводить его здесь целиком, а ограни-

читься лишь изложением основных моментов.

Чейни Бун, директор правительственного Бюро регулирования цен, был приглашен выступить с речью на приеме, устраиваемом Национальной ассоциацией промышленников в Большом бальном зале отеля «Уолдорф». Он прибыл туда без десяти семь, когда приглашенные на прием — тысяча четыреста человек — еще не расселись за столы и расхаживали взад-вперед, переговариваясь и попивая коктейли. Его провели в гостиную для почетных гостей. Как обычно, она кишела людьми, которые вовсе не должны были там находиться. Выпив коктейль, пожав множество рук и выслушав кучу комплиментов, Бун попросил указать ему укромное местечко, где он мог бы просмотреть текст своего выступления. Буна отвели в комнату рядом со сценой. Его жена, пришедшая на прием вместе с ним, осталась в гостиной. Его племянница Нина Бун пошла с Буном на случай, если тому что-нибудь понадобится, но он практически сразу отослал ее в гостиную, и Нина ушла.

Вскоре после того, как Бун с племянницей отправились в Комнату убийства — именно так окрестили ее газетчики, — приехала Фиби Гантер, личный секретарь Буна. Она привезла

с собой два консервных ножа, два разводных ключа, две мужские рубашки, две авторучки и детскую коляску. Эти вещи должны были фигурировать в качестве экспонатов, иллюстрирующих отдельные положения речи Буна. Мисс Гантер пожелала немедленно доставить их своему шефу, и кто-то взялся проводить ее в Комнату убийства. Этот некто, член НАП, толкал перед собой коляску с экспонатами, вызывая иронические возгласы гостей. Мисс Гантер оставалась с Буном не больше двух минут. Она вручила ему экспонаты и отправилась в гостиную выпить коктейль, объяснив, что Бун выразил желание остаться в одиночестве.

В семь тридцать собравшиеся в гостиной были приглашены в бальный зал, и тысяча четыреста человек начали усаживаться за столы, а официанты уже готовы были ринуться в бой. Около семи сорока пяти появился мистер Элджер Кейтс, руководитель аналитического отдела Бюро регулирования цен. Он привез последние данные, которые Бун должен был использовать в своем выступлении. Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент НАП, велел официанту проводить его к Буну. Официант провел Кейтса за сцену и показал Комнату убийства.

Элджер Кейтс и обнаружил тело. Бун лежал на полу, голова его была размозжена разводным ключом, валявшимся рядом. То, что в первую очередь сделал Кейтс, расценивалось газетами одинаково. Правда, одни ограничивались намеками, другие прямо называли вещи своими именами, заявляя, что ни один сотрудник Бюро регулирования цен ни в чем не доверяет членам НАП, считая их готовыми на все, вплоть до убийства. Во всяком случае, вместо того чтобы вернуться в зал и сообщить о случившемся, Кейтс нашел за сценой телефон, позвонил управляющему отелем и велел немедленно вызвать полицию.

К вечеру четверга, через сорок восемь часов после того, как произошло убийство, была собрана тысяча деталей, например на рукоятке разводного ключа была обнаружена только грязь, ни отпечатков, ни чего-либо еще и так далее и тому подобное, но основную картину я в своем отчете нарисовал.

Глава 7

В пятницу произошла первая поклевка. Так как каждое утро с девяти до одиннадцати Вулф проводит в оранжерее, я был в кабинете один, когда раздался звонок. Последовала обычная для мира секретарей рутина.

— Мисс Хардинг просит к телефону мистера Вулфа.

Если я начну излагать весь мой разговор сперва с замороженной секретаршей, а затем с мисс Хардинг, это займет не меньше двух страниц. Короче говоря, я сумел втолковать мисс Хардинг, что, когда Вулф занимается орхидеями, он недоступен. Она поинтересовалась, когда мистер Вулф освободится и сможет приехать к мистеру Эрскину, и я объяснил, что мой шеф редко покидает дом, тем более по делам.

— Мне это известно! — отрезала она; по-видимому, провела без сна еще одну ночь. — Но ведь его вызывает сам мистер Эрскин!

Я понял, что рыбка на крючке, и сделал подсечку:

— Это для вас он мистер Эрскин, а для мистера

Вулфа — никто. Мистер Вулф не любит работать даже дома.

Меня попросили не вешать трубку, и я терпеливо ждал. Это продолжалось минут десять. Наконец снова послышался ее голос:

— Мистер Гудвин?

— Постаревший и набравшийся мудрости, но все еще он.

— Мистер Эрскин приедет в контору мистера Вулфа сегодня в половине пятого.

Я начал раздражаться:

— Послушайте, мисс Общественные Связи, почему бы вам не упростить дело, дав мне возможность поговорить с мистером Эрскином? Если он приедет в половине пятого, ему придется ждать целых полтора часа. Я же говорил вам: мистер Вулф занимается орхидеями утром с девяти до одиннадцати и с четырех до шести вечера, и ничто, повторяю, ничто не может изменить этого распорядка дня.

— Просто смехотворно!

— Не спорю. Однако это так.

— Обождите у телефона.

Мне так и не удалось поговорить с мистером Эрскином — слишком великая честь для меня. Однако, преодолев уйму препятствий, мы достиг-

ли соглашения. Когда в одиннадцать часов Вулф спустился в кабинет, я объявил:

— Мистер Фрэнк Томас Эрскин, президент Национальной ассоциации промышленников, вместе с сопровождающими его лицами соизволит прибыть сюда в десять минут четвертого.

— Приемлемо, Арчи, — пробормотал Вулф.

Откровенно говоря, я хотел бы, чтобы при словах «Приемлемо, Арчи» у меня не так сильно учащалось сердцебиение. Это так по-детски!

Глава 8

Ровно в три часа десять минут раздался звонок, и я пошел открывать дверь, заметив по дороге Вулфу:

— Это люди того сорта, которых вы часто прогоняете, а что еще хуже, приказываете это делать мне. Сдерживайте себя. Не забывайте про наши финансовые дела, про Фрица, Теодора, Чарли и меня.

Он даже не рыкнул в ответ.

Улов превзошел мои ожидания. В делегации, состоявшей из четырех человек, оказался не один Эрскин, а целых два — отец и сын. Отцу было лет под шестьдесят, но он не произвел на меня особого впечатления. Высокого роста, костлявый и узкоплечий, в дурно сидящем темно-синем костюме, приобретенном в магазине готового платья. И хотя зубы у него были свои, разговаривал он так, словно ему мешала вставная челюсть. Он представил всех: сперва себя, потом остальных. Сына его звали Эдвард Фрэнк, но к нему обращались запросто — Эд.

Двое других — мистер Бреслоу и мистер Уин-

терхофф — состояли в исполнительном комитете НАП. Бреслоу выглядел так, будто родился красным от гнева и умрет, когда придет его час, в том же раздраженном состоянии. А Уинтерхофф, если бы это не принижало достоинства члена исполнительного комитета НАП, мог бы подрабатывать, позируя для рекламы виски в качестве импозантного джентльмена. У него даже имелись небольшие седые усики.

Что касается сына (я пока не мог называть его Эд), который был примерно моего возраста, я оставляю за собой право высказать о нем свое мнение позже, так как он был явно с похмелья и страдал от головной боли. Его костюм стоил по крайней мере в три раза дороже отцовского.

Я рассадил их, предоставив Эрскину-старшему красное кожаное кресло перед столом Вулфа, и поставил рядом маленький столик, чтобы на нем можно было развернуть чековую книжку и выписать чек.

— Возможно, это пустая трата времени, мистер Вулф, — заговорил Эрскин-отец, — но по телефону мы не смогли получить удовлетворительной информации. Кто-нибудь поручал вам заняться расследованием известного вам дела?

Вулф приподнял брови на одну шестнадцатую

дюйма:

— Какого дела, мистер Эрскин?

— Ну… Вы понимаете… Смерть Чейни Буна…

Вулф задумался.

— Позвольте мне сформулировать свой ответ следующим образом. Я никому не давал согласия на что бы то ни было и не связан никакими обязательствами.

— В случае убийства существует только одно обязательство, — злобно прошипел Бреслоу, — добиться торжества правосудия.

— О боже! — громко вздохнул Эрскин-сын.

— Если хотите, можете уйти, я все сделаю сам! — с раздражением произнес Эрскин-старший и повернулся к Вулфу. — Какое у вас создалось мнение в связи с этим происшествием?

— Мнения экспертов стоят денег.

— Мы вам заплатим.

— Разумную сумму, естественно, — вставил Уинтерхофф.

У него был низкий невыразительный голос, а потому Уинтерхофф явно не прошел бы отбор для рекламы виски в качестве импозантного джентльмена.

— Это не будет ничего стоить, — сказал Вулф, — до тех пор, пока не высказано экспертное мнение,

а экспертное мнение может быть высказано только тогда, когда я проделаю определенную работу. А я еще не решил для себя, браться мне за это дело или нет. Я не люблю работать.

— Кто к вам обращался? — поинтересовался Эрскин-старший.

— С вашей стороны, сэр, очень нескромно спрашивать меня об этом. — Вулф погрозил ему пальцем. — А я был бы болтуном, если бы ответил на ваш вопрос. Вы явились сюда с намерением нанять меня?

— Видите ли… — Эрскин-старший замялся. — Это обсуждалось нами как возможный вариант.

— Вами как частными лицами или как представителями Национальной ассоциации промышленников?

— Это обсуждалось как дело, в котором заинтересована ассоциация.

— Решительно не советую вам нанимать меня, — покачал головой Вулф. — Вы рискуете впустую потратить деньги.

— Почему? Разве вы не являетесь хорошим специалистом по расследованию сложных дел?

— Я лучший из всех. Но картина достаточно очевидна. Вас беспокоит лишь репутация и положение ассоциации. Общественное мнение уже

вынесло свой вердикт. Всем известно, что ваша ассоциация настроена чрезвычайно враждебно по отношению к Бюро регулирования цен и, в частности, к мистеру Буну и проводимой им политике. Девять человек из десяти уверены в том, что они знают, кто убил мистера Буна: Национальная ассоциация промышленников. — Вулф посмотрел на меня. — Арчи, что сказал человек в банке?

— О, только ту остроту, что уже вовсю гуляет. Что НАП расшифровывается как Настоящие и Абсолютные Преступники.

— Но ведь это абсурд!

— Разумеется, — согласился Вулф. — Однако общественное мнение есть общественное мнение. НАП осуждена, и приговор вынесен. Единственный путь исправить положение заключается в том, чтобы отыскать истинного убийцу и предать его суду. А вдруг убийцей окажется член вашей ассоциации? Правда, в этом случае недоброжелательство общества перекинется на непосредственного убийцу и если не полностью, то в значительной степени отвлечет внимание от ассоциации.

Наши посетители переглянулись. Уинтерхофф мрачно кивнул, а Бреслоу крепко сжал губы,

чтобы не взорваться. Эд Эрскин посмотрел на Вулфа так, словно тот был причиной его головной боли.

— Вы говорите, что общественное мнение осудило НАП, — заговорил Эрскин-отец. — Если бы только оно! С ним солидарны полиция и ФБР! Они действуют прямо как гестапо. Члены такой старой и почтенной организации, как наша ассоциация, казалось бы, должны иметь некоторые права и привилегии. Ничего похожего! Знаете ли вы, что делает полиция? Связалась чуть ли не со всеми городами Соединенных Штатов! Требует от иногородних членов ассоциации, присутствовавших на приеме и уже вернувшихся домой, прислать письменные показания!

— М-да… — вежливо пробурчал Вулф. — Но я надеюсь, местная полиция снабдит их бумагой и чернилами.

— Что?! — вскинулся Эрскин-старший.

— Какое, черт побери, это имеет отношение к делу?! — возмутился его сын.

Вулф оставил их благородное негодование без ответа.

— Вероятность того, что полиция найдет убийцу, весьма мала. Правда, не изучив внимательно всех обстоятельств дела, я не могу высказать свое

мнение как эксперт, но повторяю: мне кажется сомнительным, что полиция отыщет убийцу. Прошло уже трое суток. Вот почему я не рекомендую вам нанимать меня. Следует признать, однако, что, в какую бы сумму это ни обошлось вашей ассоциации, обнаружение убийцы стоит любых денег, даже если выяснится, что убийцей является один из вас, джентльмены. Если бы меня принудили вести это дело, я бы взялся за него с неохотой. Сожалею, что вам пришлось зря потратить время на посещение моего дома. Арчи!

Это был намек на то, что я должен продемонстрировать хорошие манеры, проводив посетителей до дверей. Я встал. Они нет. Вместо этого они переглянулись.

— Я бы рискнул, Фрэнк, — произнес Уинтерхофф, обращаясь к Эрскину-старшему.

— А что нам еще остается? — горестно спросил Бреслоу.

— О боже, жаль, что его нельзя оживить! Все лучше, чем так, — пробурчал Эд.

Я сел.

— Мы деловые люди, мистер Вулф, — сказал Эрскин-старший. — И понимаем, что вы не можете дать нам гарантий. Но если мы уговорим вас приняться за это дело, чем конкретно мы будем

вам обязаны?

Не меньше десяти минут ушло у них на то, чтобы уговорить Вулфа, и все они, даже Эд, явно почувствовали облегчение, когда Вулф наконец сдался. Основным и самым убедительным доводом стали слова Бреслоу о том, что первейший долг каждого — помочь свершить правосудие. К сожалению, столик для чековой книжки не пригодился, поскольку в НАП пользовались ваучерами. Была достигнута договоренность об авансе в десять тысяч долларов. Вопрос об окончательном гонораре остался открытым. Они были загнаны в угол. Под диктовку Вулфа я настучал на машинке договор, и Эрскин-старший подписал его.

— Итак, — сказал он, возвращая мне авторучку, — я думаю, будет лучше, если мы расскажем вам все, что знаем о деле.

— Только не сейчас, — покачал головой Вулф. — Я должен систематизировать свои мысли по поводу этой запутанной истории. Будет лучше, если вы вернетесь сюда вечером, скажем в девять часов.

Они хором запротестовали. Уинтерхофф заявил, что у него деловая встреча, которую нельзя отменить.

— Как вам будет угодно, сэр. Если ваша встреча важнее этого дела… Но мы должны приступить к работе без промедления. — Вулф обернулся ко мне. — Арчи, возьми блокнот и запиши телеграмму: «Прошу принять участие в совещании по поводу убийства мистера Буна, которое состоится у Ниро Вулфа в девять часов вечера в пятницу, двадцать девятого марта». Поставь мою подпись. Немедленно разошли телеграммы мистеру Кремеру, мистеру Спиро, мистеру Кейтсу, мисс Гантер, миссис Бун, мисс Нине Бун, мистеру Роде. Возможно, и еще кому-нибудь. Позже решим… Готовы ли вы присутствовать, джентльмены?

— Боже мой! — проворчал Эд. — Почему бы вам не собрать эту толпу в Большом бальном зале «Уолдорфа»?

— Мне кажется, — горестно произнес Эрскин-старший, — вы совершаете ошибку. Основной принцип…

— Расследование веду я! — оборвал его Вулф тем тоном, какой члены НАП позволяют себе лишь по отношению к людям, чьи размашистые подписи никогда не встречаются на бланках фирм против фамилий владельцев и директоров.

Телеграммы были срочные, и я сел за машинку. А Вулф, который не любит лишний раз подни-

маться со своего кресла, вызвал Фрица, чтобы тот проводил гостей. Пока я печатал текст телеграммы и список имен и адресов, хотя куда проще и быстрее было бы связаться со всеми этими людьми по телефону, так как с некоторыми адресами возникли проблемы, Вулф сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Его абсолютно не беспокоили подобные мелочи, поэтому я позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт» и узнал у него нужные мне адреса. Лону было известно все. Они приехали из Вашингтона ради речи, которая так и не была произнесена, и еще не успели покинуть город. Миссис Бун и ее племянница остановились в «Уолдорфе», Элджер Кейтс — у приятеля на Одиннадцатой улице, а Фиби Гантер, личный секретарь Буна, поселилась на Восточной Пятьдесят пятой.

Закончив работу, я спросил у Вулфа, кого еще он хочет видеть, и Вулф ответил, что никого. Я встал, потянулся и посмотрел на Вулфа.

— Осмеливаюсь предположить, — заметил я, — что нам остается всего-навсего собрать улики. У Эда Эрскина на руках мозоли. Может ли это вам пригодиться?

— Убирайся к черту! — Вулф вздохнул. — А я-то хотел сегодня дочитать книгу… А теперь эта

адская кутерьма.

Наклонившись вперед всей своей тушей, Вулф позвонил Фрицу, чтобы тот принес пива.

Я стоял возле шкафа и раскладывал по папкам записи об этапах созревания, которые Теодор принес из оранжереи. Должен признать, Вулф действительно заслужил мое восхищение. Не своей идеей найти богатых клиентов — это обычное дело, особенно во время безденежья. Не тем способом, каким он заполучил платежеспособных клиентов, — до такого я и сам мог додуматься. И не тем, как вынудил промышленников умолять его взяться за ведение дела, — это избитый прием. Даже не дерзким ходом с телеграммами. Приходить в восторг от дерзости Вулфа — все равно что умиляться снегу на Северном полюсе или зеленой листве в тропических лесах. Нет. Я восхищался рациональностью его мышления. Итак, он захотел познакомиться со всеми этими людьми. Что бы вы сделали в подобном случае? Надели бы шляпу и отправились туда, где находится интересующий вас человек. Но что, если вам претит сама идея надеть шляпу и выйти на улицу? Вы бы пригласили этого человека к себе. Но были бы вы уверены, что он придет? Вот тут и проявилась рациональность мышления Вулфа. Возьмите, к

примеру, инспектора Кремера. Почему он, глава убойного отдела, обязательно должен прийти? Да потому, что не знает, чего ради Вулф занялся этим делом и насколько глубоко зарылся в него! Именно поэтому Кремер не мог позволить себе остаться в стороне. Так же, как и все остальные.

Ровно в четыре Вулф сделал последний глоток пива и на лифте поднялся в оранжерею. Я принялся наводить порядок в кабинете, а потом уселся за свой рабочий стол с пачкой газетных вырезок — проверить, не упустил ли чего-нибудь существенного в своем отчете по делу Буна. Я был углублен в работу, когда раздался звонок. Открыв дверь, я увидел перед собой агента по продаже пылесосов. Во всяком случае, судя по внешнему виду, передо мной был типичный агент. У него был незамутненный, дружелюбный взгляд и улыбка. Правда, такой костюм, как у него, я мог купить только после смерти богатого дядюшки.

— Привет! — радостно воскликнул он. — Бьюсь об заклад, что вы Арчи Гудвин. Это вы приходили вчера к мисс Хардинг? Она рассказала мне о вас. Или вы не Арчи Гудвин?

— Арчи Гудвин, — подтвердил я, поскольку это был, пожалуй, самый простой способ заставить его умолкнуть.

— Так я и думал. — Он казался вполне удовлетворенным. — Позвольте войти? Я хотел повидать мистера Вулфа. Я Дон О'Нил, но, конечно, для вас это пустой звук. Я президент корпорации «О'Нил и Уордер» и член этого забытого богом собрания древностей под названием Национальная ассоциация промышленников. Я был председателем банкетной комиссии в «Уолдорфе». Поверьте, никогда не забуду того вечера! Председатель комиссии допустил, чтобы на его банкете убили главного оратора!

Первой моей мыслью было то, что я довольно сносно прожил больше тридцати лет и не будучи знакомым с Доном О'Нилом, а потому не видел причин, почему бы мне не продолжать жить по-прежнему. Но в то же время я не мог допустить, чтобы мои личные симпатии и антипатии влияли на выполнение служебных обязанностей. Поэтому я провел его в кабинет и усадил в кресло, после чего сказал, что ему придется обождать полчаса, пока не освободится Вулф. На его лице мелькнуло раздражение, но, тотчас же сообразив, что так не продашь ни одного пылесоса, он сказал, что с удовольствием подождет.

Он был в восторге от нашей обстановки и принялся бродить по кабинету, разглядывая все

вокруг. Книги — что за библиотека! Большой глобус — чудо! Он всегда мечтал о таком, но никак не собрался приобрести, а теперь обязательно…

Вошел Вулф, увидел его и бросил на меня недовольный взгляд. Действительно, я должен предупреждать его о посетителях, чтобы он не появлялся в кабинете не подготовленным к встрече. Однако ставлю десять против одного, что, если бы я доложил ему о приходе О'Нила, он отказался бы принять его и велел пригласить на вечер вместе со всей компанией. Между тем я вовсе не видел необходимости еще в одной трехчасовой передышке для мозгов Вулфа. Он так надулся на меня, что сделал вид, будто не признает рукопожатий, и лишь наклонил голову, самую малость, так что, будь на ней кувшин с водой, не пролилось бы ни капли, потом сел, хмуро поглядев на посетителя, и отрывисто спросил:

— Итак, сэр?

О'Нила это не встревожило.

— Я восторгаюсь вашим кабинетом, — сказал он.

— Благодарю вас. Но, смею думать, вы явились сюда не ради этого.

— О нет, конечно нет. Будучи председателем банкетной комиссии, я помимо своей воли ока-

зался в гуще событий — я имею в виду убийство этого Буна… Не скажу, что я замешан в нем, это слишком сильное слово, лучше сказать — меня это касается. Действительно, меня это касается.

— А разве кто-нибудь предполагает, что вы замешаны?

— Предполагает?! — О'Нил выразил крайнее удивление. — Это еще мягко сказано. Полиция считает, что все, кто связан с НАП, замешаны в убийстве. Вот почему я утверждаю, что линия поведения исполнительного комитета в корне неправильна. Не поймите меня превратно, мистер Вулф… — Он умолк, бросив на меня дружелюбный взгляд, словно записав меня в члены Общества уважаемых граждан, понимающих О'Нила правильно, затем продолжил: — Я являюсь одним из самых прогрессивных членов ассоциации. Я был сторонником Уэнделла Уилки. Но идею сотрудничать с полицией, учитывая то, как они работают, и, более того, тратить наши деньги на частное расследование считаю вздорной. Мы должны заявить полиции, и заявить недвусмысленно: да, было совершено убийство, и, как добропорядочные граждане, мы надеемся, что убийца будет изобличен, но мы не имеем к расследованию никакого отношения, и вообще

это не наше дело.

— И еще заявить, чтобы они больше вас не беспокоили.

— Верно. Совершенно верно. — О'Нил был счастлив найти родственную душу. — Я как раз находился в офисе ассоциации, когда они вернулись и сказали, что наняли вас для проведения расследования. Я хочу внести ясность, потому что не люблю действовать за чьей-либо спиной. Но я так не работаю. Мы еще раз поспорили, и я заявил, что иду повидаться с вами.

— Превосходно. — Глаза Вулфа были открыты, а это означало одно из двух: или ему скучно и ничего нового он не узнал, или ему просто не хотелось включать мозги до девяти вечера. — Хотите уговорить меня отказаться от этого дела?

— О нет. Я понял, что это безнадежно. Вы не откажетесь. Ведь так?

— Боюсь, что да. Для этого нужна очень веская причина. Как выразился мистер Бреслоу, самое главное — это торжество правосудия. Такова его позиция. Моя позиция — это то, что мне нужны деньги. А вы, интересно, зачем явились?

О'Нил улыбнулся мне, словно желая сказать: «Ну и тонкая штучка твой босс!» — но, не встретив сочувствия, повернулся с той же улыбкой

к Вулфу:

— Я рад, что вы зрите в корень. Скажу откровенно, меня привело сюда чувство ответственности. Как председателя банкетной комиссии. Я видел копию письма, которое вам оставил Фрэнк Эрскин, но не знаю подробностей вашей беседы. Однако десять тысяч долларов задатка?! За простое расследование? Сумма невообразимая! На своих предприятиях я нанимаю детективов. Ну, понимаете, для решения разных трудовых споров. И меня, вполне естественно, заинтересовало, действительно это простое расследование или нет. Я прямо спросил Эрскина, нанял ли он вас для того, чтобы оградить членов нашей ассоциации. Ну, как бы это сказать… Отвлечь внимание, что ли. Он ответил отрицательно. Но я знаю Фрэнка Эрскина. Его ответ меня не удовлетворил. Так я ему и сказал. К несчастью, у меня есть совесть и сильно развито чувство ответственности. Поэтому я и пришел спросить вас…

Вулф скривил губы, но от смеха или негодования — не могу сказать. Его реакция на оскорбление зависит исключительно от того, как он себя чувствует в данный момент. Когда на него нападает лень, он и бровью не поведет, даже если кто-нибудь скажет, что он специализируется на

добывании улик для бракоразводных дел.

— Я тоже отвечу вам отрицательно, мистер О'Нил. Но боюсь, это вам не поможет. Предположим, что мистер Эрскин и я — мы оба лжем. Ну и что вы сможете сделать? Разве что отправиться в полицию и обвинить нас в препятствии правосудию. Но ведь вы и полицию не жалуете. Сегодня к девяти часам вечера мы пригласили сюда несколько человек, чтобы обсудить это дело. Почему бы и вам не прийти?

— Я приду. Обязательно приду. Я так и сказал Эрскину.

— Вот и хорошо. Тогда не буду вас больше задерживать. Арчи…

Это было вовсе не так просто. О'Нил еще не собирался уходить. Чувство ответственности удерживало его. В конце концов я все же выпроводил его, не прибегая к физической силе. Заперев за ним дверь, я вернулся в кабинет.

— Как вы думаете, зачем он сюда явился? Конечно, я понимаю, это он убил Буна. Но зачем он тратил и свое время, и наше…

— Это ты его впустил, — холодно отозвался Вулф. — И не предупредил меня. Ты, кажется, забыл, что…

— Ладно-ладно, — весело перебил я Вулфа. —

Все это помогает изучению человеческой натуры. Я его впустил, я же его и выставил. А теперь нам нужно приготовиться к приему гостей. Сколько их будет? Человек двенадцать, не считая нас?

И я стал решать проблему, как всех рассадить. В кабинете было шесть кресел, а на диване свободно уместятся четверо, однако, когда речь идет о расследовании убийства, произошедшего всего три дня назад, вряд ли найдутся четыре замешанных в этом деле человека, которые выразят желание сидеть бок о бок. Пожалуй, лучше иметь побольше посадочных мест, и я принес еще пять из гостиной, окнами на улицу, и расставил их в художественном беспорядке, а не рядами, что было бы слишком официально. И хотя комната была приличных размеров, она сразу показалась мне чересчур загроможденной. Я прислонился к стене и, нахмурившись, оглядел свою работу.

— Наш кабинет явно нуждается в женской руке, — заметил я.

— Вздор! — рявкнул Вулф.

Глава 9

В четверть одиннадцатого Вулф, задумчиво прикрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Совещание длилось уже более часа.

Их было тринадцать человек. Благодаря моей предусмотрительности в отношении посадочных мест все обошлось без драки. Контингент промышленников расположился в дальней от моего стола половине кабинета, ближе к двери в прихожую. Эрскин занимал красное кожаное кресло. Промышленников было шестеро: четверо членов дневной делегации, включая Уинтерхоффа, который должен был находиться на неотложной встрече, плюс Хэтти Хардинг и Дон О'Нил.

Ближе ко мне расположились представители Бюро регулирования цен. Этих набралось четверо: миссис Бун, вдова; Нина Бун, племянница; Элджер Кейтс и некий Соломон Декстер, явившийся незваным. Ему было около пятидесяти, скорее меньше, чем больше, и выглядел он как нечто среднее между политиком и лесорубом. До смерти Буна Декстер являлся его заместителем, а ныне уже сутки исполнял обязанности директо-

ра бюро. И пришел он по долгу службы, о чем и сообщил Вулфу.

Между двумя враждебными армиями находились нейтральные стороны, или арбитры: Спиро из ФБР, инспектор Кремер и сержант Пэрли Стеббинс. Я знал, что Кремер заслуживал красного кожаного кресла, но он был нужен мне в центре, о чем я так прямо ему и сказал. К четверти одиннадцатого Кремер был таким взбешенным, каким я еще сроду его не видел. Он уже давно сообразил, что Вулф начал свое расследование с нуля и организовал это сборище исключительно для того, чтобы собирать, а не предоставлять информацию.

Произошла всего одна безуспешная попытка нарушить мою идеальную рассадку. Миссис Бун с племянницей приехали раньше девяти, а так как я не могу пожаловаться на плохое зрение, то без колебаний усадил племянницу в желтое кресло рядом с моим столом. Когда несколько позже явился Эд Эрскин, я посадил его в той половине комнаты, которую занимали представители ассоциации. Мне пришлось ходить туда-сюда, чтобы встретить гостей, и, вернувшись в очередной раз в кабинет, я заметил, что Эд бесцеремонно перебрался в мое кресло и беседует с племянницей.

— Эта половина комнаты предназначена для Капулетти, — сказал я, приблизившись. — Будьте добры, вернитесь на свое место.

Он повернул голову, вздернул подбородок и уставился на меня. Его мутный взгляд не сулил ничего хорошего. Очевидно, он придерживался теории наличия приобретенного иммунитета к похмелью. Справедливости ради стоит сказать, что он не был пьян в зюзю, но и сухим как лист его тоже трудно было назвать.

— А? Что? — спросил он.

— Это мое место. Я здесь работаю, — отрезал я. — Давайте не будем делать из этого проблему.

Он пожал плечами и пересел.

— С кем только не приходится сталкиваться в офисе детективного агентства! — любезно обратился я к мисс Нине Бун.

— Полагаю, что так, — отозвалась она.

Не слишком глубокомысленное замечание, однако я улыбнулся ей, желая показать, как ценю то, что она взяла себе за труд поддержать разговор, несмотря на нервное напряжение. У нее были темные волосы, карие глаза и упрямый подбородок.

С того самого момента, как Вулф сообщил, что работает на Национальную ассоциацию промыш-

ленников, представители Бюро регулирования цен стали поглядывать на него подозрительно и враждебно. Конечно, те, кто читает газеты и слушает радио, в том числе и я, знали, что члены ассоциации ненавидели Чейни Буна и все, за что он ратовал. Они с радостью швырнули бы его на съедение волкам, а сотрудники бюро, в свою очередь, с удовольствием собрали бы всех членов НАП на необитаемом острове, чтобы сбросить на них атомную бомбу. Но до этого вечера я даже не представлял, насколько накалены их отношения. К давней вражде примешивались два новых обстоятельства. Первое — убийство Чейни Буна, да не где-нибудь, а на приеме, устроенном ассоциацией. Второе — надежда, что кто-нибудь из неприятельского стана будет арестован, судим, приговорен и казнен на электрическом стуле.

К четверти одиннадцатого были затронуты многие вопросы как тривиальные, так и важные. Следует заметить, что, по убеждению бюро, все присутствовавшие в тот вечер в гостиной, а возможно, и многие другие были в курсе, что Бун находится в комнате за сценой, в Комнате убийства, в то время как промышленники утверждали, что об этом знали не более четырех-пяти человек, не считая присутствовавших там сотруд-

ников бюро. Установить истинное положение вещей было практически невозможно.

Никто, включая работников отеля, не слышал шума, донесшегося из Комнаты убийства, и не видел, чтобы кто-нибудь входил туда или выходил оттуда, за исключением тех, кому это было положено.

Никого нельзя было исключить из списка возможных убийц по причине возраста, комплекции или пола. Атлетически сложенный молодой мужчина, конечно, размахнется разводным ключом сильнее, чем, скажем, пожилая любительница игры в бридж, но что один, что другая вполне могли быть убийцами. Никаких следов борьбы обнаружено не было. Любой удар, нанесенный сзади, мог оглушить или убить Буна. Дж. Дж. Спиро из ФБР включился в дискуссию и в ответ на саркастическое замечание Эрскина-старшего заявил, что расследование местных убийств не входит в обязанности ФБР, но, поскольку Бун был убит при исполнении обязанностей правительственного чиновника, министерство юстиции проявило законный интерес к этому делу и откликнулось на поступившую от полиции Нью-Йорка просьбу о сотрудничестве.

Оставалось совершенно непонятным, кто мог

убить Буна, если только он сам себя не убил, поскольку абсолютно у всех было алиби. Говоря «абсолютно у всех», я имею в виду не только присутствовавших в кабинете Вулфа — у меня не было причин подозревать, что убийца находится среди нас, — но и тысячу четыреста или тысячу пятьсот человек, находившихся в отеле «Уолдорф» на приеме. Убийство было совершено в течение получаса, между семью пятнадцатью, когда Фиби Гантер оставила Буну детскую коляску с экспонатами, среди которых были и два разводных ключа, и семью сорока пятью, когда Элджер Кейтс обнаружил тело. Полиция провела тщательную проверку — у всех было алиби, особенно у тех, кто находился в гостиной. Однако закавыка заключалась в том, что промышленники подтверждали алиби промышленников, а представители бюро — членов бюро. Как ни странно, никто из НАП не подтверждал алиби сотрудников бюро, и наоборот. Взять, к примеру, миссис Бун, вдову: ни один из членов ассоциации промышленников не мог утверждать, покидала ли она гостиную между семью пятнадцатью и семью сорока пятью. Сотрудники бюро, в свою очередь, ничего не могли сказать о Фрэнке Томасе Эрскине, президенте НАП.

Не имелось также свидетельств того, что целью убийства было помешать Буну произнести свою речь. Речь была совершенно в его стиле, весьма умеренной, не содержавшей никаких выпадов и угроз в чей-либо адрес. Судя по предварительному тексту, розданному представителям прессы, в ней не упоминалось ни одной фамилии. Да и дополнения, внесенные Буном в последний момент, не содержали ничего такого, что указывало бы на возможного убийцу.

Новое обстоятельство, о котором ничего не сообщалось в газетах, выплыло совершенно случайно благодаря миссис Бун. Из всех приглашенных к нам не явилась только Фиби Гантер, личная секретарша Буна. Ее имя, конечно, неоднократно упоминалось в течение заседания, но именно миссис Бун открыла нам новое обстоятельство. У меня создалось впечатление, что она проделала это умышленно. До того момента она ничем не привлекала внимания, дама в летах и весьма пышная, но не толстая и вполне ухоженная, с пуговкой вместо носа.

Вулф вернулся к вопросу о прибытии Чейни Буна в отель «Уолдорф». Кремер, который к тому времени уже был готов послать всех к черту и испариться, саркастически произнес:

— Я пришлю вам экземпляр своих записей. А пока Гудвин может занести в протокол следующее: Бун с супругой, Нина Бун, Фиби Гантер и Элджер Кейтс должны были выехать из Вашингтона поездом, отходящим в час дня, но Буна задержало какое-то срочное совещание, в связи с чем он не смог выехать вместе со всеми. Прибыв в Нью-Йорк, миссис Бун отправилась в отель «Уолдорф», где был заказан номер, а Нина Бун, Фиби Гантер и Элджер Кейтс поехали в нью-йоркское отделение Бюро регулирования цен. Бун прилетел самолетом в аэропорт Ла-Гуардия в пять минут седьмого, после чего сразу же отправился в отель и поднялся к себе в номер. Там к этому времени, кроме его супруги, уже находилась племянница. Они втроем спустились в бальный зал, и их сразу проводили в гостиную. У Буна, кроме небольшого кожаного чемоданчика, не было ни шляпы, ни пальто.

— Тот самый чемоданчик, — неожиданно вставила миссис Бун, — который мисс Гантер, по ее словам, забыла на подоконнике.

Я бросил на вдову укоризненный взгляд. Первое свидетельство раскола в рядах сторонников бюро, и то, как миссис Бун произнесла «по ее словам», звучало крайне зловеще. И понеслось.

Хэтти Хардинг из НАП тут же подхватила тему:

— И мисс Гантер совершенно не права, потому что четыре разных человека видели у нее в руке этот чемоданчик, когда она выходила из гостиной!

— Это просто удивительно, как… — фыркнул Соломон Декстер.

— Прошу вас, сэр! — погрозил ему пальцем Вулф. — Какой такой чемоданчик? Дипломат? Несессер?

— Небольшой кожаный саквояж, — пришел на помощь Кремер. — Вроде тех, что носят врачи. В нем были валики для диктофона. Мисс Гантер описала его мне. Когда во вторник вечером она прикатила коляску с экспонатами в комнату, где произошло убийство, Бун сказал ей, что совещание в Вашингтоне закончилось раньше, чем он предполагал, поэтому он заехал в офис и в течение часа работал с диктофоном. Валики с записями он привез в Нью-Йорк в том самом чемоданчике и попросил секретаршу расшифровать записи. Она взяла чемоданчик с собой в гостиную, куда пришла выпить коктейль, и забыла на подоконнике. Вот и все.

— Это она так говорит, — упрямо повторила миссис Бун.

— Чепуха! — злобно посмотрел на нее Декстер.

— А вы видели у нее в руках чемоданчик, когда она выходила из гостиной? — спросила Хэтти Хардинг.

Взоры присутствующих обратились к вдове. Она оглядела всех. Одно ее слово — все станет ясно. Она либо предательница, либо нет. Вдова недолго размышляла над подобной альтернативой. Встретив взгляд Хэтти Хардинг, миссис Бун отчетливо произнесла:

— Нет.

Все вздохнули. Вулф повернулся к Кремеру:

— Что было надиктовано на валиках? Письма? Что именно?

— Мисс Гантер не знает. Бун ей ничего не сказал. В Вашингтоне тоже никто не знает.

— А о чем шла речь на том совещании, которое закончилось раньше, чем предполагал Бун?

Кремер покачал головой.

— С кем было совещание?

Кремер снова покачал головой.

— Мы пытались выяснить это в Вашингтоне, — сказал Дж. Дж. Спиро. — Ни о каком совещании ничего не известно. Мы также не знаем, где провел Бун время между часом и тремя дня. Единственная версия состояла в том, что с Буном

пожелал встретиться глава вашингтонского отделения НАП, чтобы обсудить предстоящую речь. Однако тот это отрицает.

— Ей-богу, сколько можно?! — взорвался Бреслоу. — Чуть что, так сразу человек из ассоциации! Чертовски глупо с вашей стороны, Спиро! Не забывайте, на чьи деньги содержатся сотрудники ФБР! На деньги налогоплательщиков!

И они стали щедро поливать друг друга грязью. Вулф подобных вещей явно не поощрял.

— Вам не нравится, что ваша ассоциация упоминается так часто. Но тут уж ничего не поделаешь, сэр, — обратился он к Бреслоу. — При расследовании убийства подозреваются все, у кого имелись мотивы для совершения преступления. Вы слышали, как инспектор Кремер в начале нашей беседы говорил, что тщательное расследование не выявило ни улик, ни наличия у убитого личных врагов. Однако вы не станете отрицать, что у мистера Буна в связи с его служебным положением было много врагов, причем в основном члены НАП.

— Только один вопрос, мистер Вулф. Разве убийцей всегда является враг убитого? — спросил Уинтерхофф.

— Вот сами и ответьте, — сказал Вулф. — Вы

ведь для этого и спросили.

— Нет, не всегда, — возразил Уинтерхофф. — В порядке иллюстрации своей мысли приведу такой пример. Вы не можете утверждать, что присутствующий здесь мистер Декстер был врагом мистера Буна. Напротив, они были друзьями. Но если мистер Декстер стремился занять пост директора Бюро регулирования цен, каковым он теперь является, почему бы ему не принять кое-какие тайные меры, чтобы директорское кресло стало свободным? Кстати, заметая следы, он мог умышленно бросить тень на членов организации, которую смертельно ненавидит, что и произошло.

Соломон Декстер улыбнулся ему, но как-то не слишком ласково:

— Мистер Уинтерхофф, вы, кажется, хотите быть привлеченным к суду за клевету?

— Ну что вы… Я ведь сказал «в порядке иллюстрации своей мысли».

— Однако тут имеется одна загвоздка. В четверг я до одиннадцати вечера был в Вашингтоне. Ну и что вы на это скажете?

— И тем не менее мистер Уинтерхофф высказал вполне разумное предположение, — отрезал Фрэнк Томас Эрскин.

— Одно из многих, — подхватил Бреслоу. — Можно упомянуть и другие. Они общеизвестны. Так почему бы о них не сказать? Вот, например, уже несколько месяцев ходят слухи о близких отношениях мистера Буна с его секретаршей Фиби Гантер и о том, потребует миссис Бун развода или нет. Можно задуматься и о другом. Поэтому имеется причина, причем, с точки зрения мисс Гантер, довольно веская, для развода Буна с женой, вне зависимости от желания миссис Бун. Ну и что скажете на это, инспектор? Разве при расследовании дел об убийстве не положено интересоваться подобными вопросами?

Элджер Кейтс вскочил с места и дрожащим голосом воскликнул:

— Я протестую против подобных инсинуаций! Это в крайней степени непристойно!

Его лицо побелело от негодования. Я и подумать не мог, что он способен на такое. Именно Кейтс, начальник аналитического отдела Бюро регулирования цен, привез в отель «Уолдорф» последние данные, которые могли понадобиться Буну для его речи, и обнаружил тело. Если бы я увидел его в метро и меня попросили бы угадать род его занятий, то не задумываясь сказал бы: «Аналитик». Он идеально подходил по всем па-

раметрам: по весу, цвету лица и объему грудной клетки. Но то, как пылко он встал на защиту чести своего учреждения, заслуживало уважения. Я ухмыльнулся ему.

Судя по реакции, вызванной его словами, можно было подумать, что промышленники больше всего боятся и ненавидят аналитический отдел Бюро регулирования цен. Все словно с цепи сорвались. Я уловил лишь две реплики: одну сделал Бреслоу, внесший посильную лепту в стоящий в комнате гам, ну а вторую произнес начальственным тоном Дон О'Нил:

— Не вмешивайтесь не в свое дело, Кейтс! Сядьте и заткнитесь!

Повелительный тон О'Нила показался мне довольно странным, ведь Кейтс состоял на службе не у него. Следом за О'Нилом Эрскин-старший развернулся в своем красном кожаном кресле лицом к Кейтсу и язвительно заметил:

— Раз вы не сочли нужным сообщить президенту НАП о случившемся, уж кому-кому, но только не вам говорить о том, что пристойно, а что нет!

Так вот почему они набросились на него! Потому что он сообщил об убийстве Буна в первую очередь управляющему отелем, а не им! Да, пожалуй, ему не следовало ранить их нежные души.

— Надеюсь, мистер Кейтс, — продолжил Эрскин, — вам известно, что такие чувства, как ревность, мстительность или зависть, зачастую приводят к насилию, а потому являются вполне пристойной темой при расследовании убийства. В этой связи было бы уместно спросить вас, например, действительно ли вы планировали жениться на племяннице мистера Буна. И не собирался ли он помешать свадьбе, поскольку не одобрял…

— Вы лжец! — крикнула Нина Бун.

— Пристойно там или непристойно, но вы определенно не вправе спрашивать меня о чем-либо, — дрожащим фальцетом произнес Кейтс. — Если бы подобный вопрос мне задали в полиции, я бы ответил, что это соответствует действительности лишь отчасти. По меньшей мере двести наших сотрудников хотели и, смею предположить, до сих пор хотят жениться на племяннице мистера Буна. И мне не показалось, что мистер Бун имел какое-то определенное мнение по поводу замужества своей племянницы. — Кейтс повернулся, избирая себе новую мишень. — Я хотел бы поинтересоваться у мистера Вулфа, который лично признался, что его услуги оплачивает НАП, не приглашены ли мы

сюда для инквизиционного процесса, типичного для этой организации?

— А я, — заговорил Соломон Декстер голосом, похожим на гудок паровоза в туннеле, — хотел бы проинформировать мистера Вулфа о том, что он далеко не единственный детектив, состоящий на службе ассоциации. Вот уже почти год за ответственными сотрудниками нашего бюро ходят хвостом частные сыщики. И самым бесстыдным образом копаются в их биографии в надежде отыскать порочащие сведения. Не знаю, принимает ли мистер Вулф участие в этих операциях, но…

Представители НАП, исполненные благородного негодования, начали громко все отрицать. Если бы я предусмотрительно не рассадил враждующие армии, возможно, они сошлись бы в рукопашном бою. Вулф выглядел раздраженным, но он и пальцем не пошевельнул, чтобы прекратить начавшуюся свару, должно быть, из опасения, что это потребует больше энергии, чем ему хотелось бы израсходовать. Но тут инспектор Кремер встал с места и поднял руку, восстановив тем самым относительную тишину.

— Перед тем как уйти, я хотел бы сказать три вещи, — пробасил он. — Первое. Мистер Декстер,

могу вас заверить, что Вулф не имеет никакого отношения к слежке за вашими людьми и изучению их автобиографии, потому что подобная работа слишком плохо оплачивается. Второе. Мистер Эрскин и вы, джентльмены, полиция хорошо осведомлена, что ревность и все такое прочее зачастую является причиной убийства, и мы стараемся об этом не забывать. Третье. Мистер Кейтс, я знаю Вулфа почти двадцать лет и могу объяснить вам, почему он пригласил нас всех сюда. Просто-напросто потому, что хотел как можно скорее, не вставая с кресла и не заставляя Гудвина тратиться на бензин, узнать все обстоятельства дела. Не могу ничего сказать про остальных, но я свалял дурака, явившись сюда. — Он обернулся. — Пошли, Стеббинс. Вы идете, Спиро?

Конечно, совещание на этом закончилось. Представители бюро были уже сыты по горло, и хотя промышленники, во всяком случае большинство из них, выказывали готовность остаться и продолжать схватку, но тут уж Вулф воспользовался правом вето.

Когда все поднялись, Эд Эрскин вновь пересек линию огня и предпринял очередной заход в сторону Нины, но, как мне показалось издали, она с ходу отшила его, даже не раскрывая рта. Я

преуспел гораздо лучше, несмотря на то что работал на Ниро Вулфа, нанятого враждебной НАП. Когда я сказал, что в этой части города поймать такси практически невозможно, и предложил доставить их с миссис Бун в отель на нашей машине, она ответила:

— Нас обещал подвезти мистер Декстер.

Коротко и ясно. Я это оценил.

Впрочем, после того как все ушли и мы с Вулфом остались одни, выяснилось, что мне все равно не удалось бы проводить ее, даже если бы она согласилась.

— Жаль, что Кремер сорвал совещание, — заметил я. — Продержи мы их чуть подольше, скажем недели две, мы бы знали, с чего начинать. Очень жаль.

— Вовсе не жаль, — раздраженно отозвался он.

— Неужели? — Я развел руками и снова сел. — Стало быть, совещание имело головокружительный успех? Кто из посетителей, по-вашему, заслуживает особого внимания?

— Мисс Гантер, — ответил он, к моему удивлению.

— Да? И почему?

— Потому что она не пришла. У тебя есть ее адрес?

— Конечно. Я же посылал ей телеграмму…

— Отправляйся и привези ее сюда.

Я посмотрел на него, на часы и снова на него:

— Но уже двадцать минут двенадцатого!

Он кивнул:

— По ночам ездить намного безопаснее. Движение не такое интенсивное.

— Не буду спорить. — Я поднялся. — НАП платит вам, а вы платите мне. Ничего не поделаешь.

Глава 10

Я взял с собой набор ключей, на случай если дом 611 на Восточной Пятьдесят пятой улице окажется старомодным зданием без лифта и с закрытым входом, но это был двенадцатиэтажный улей с тентом над входом и обслуживающим персоналом. Я прошел через просторный холл к лифту, шагнул внутрь и небрежно сказал:

— Гантер.

Не глядя на меня, лифтер лениво закончил зевок и крикнул:

— Эй, Сэм! Это к Гантер!

Появившийся швейцар, мимо которого я благополучно проскочил, смерил меня строгим взглядом.

— Я позвоню ей, — сказал он, — но это пустая трата времени. Как ваша фамилия и из какой вы газеты?

Обычно я стараюсь экономить и не подмазываю персонал, но при сложившихся обстоятельствах, имея возможность не стесняться в расходах, я подумал, что и этот парень вполне может получить малую толику от щедрот НАП. Я вышел из лифта

и прошел с ним к коммутатору, после чего, протянув ему десятидолларовую банкноту, сказал:

— Я не из газеты. Я продаю морские раковины.

Он покачал головой и начал манипулировать с пультом. Тогда я положил ему руку на плечо:

— Ты меня недослушал. Это был папа. А вот и мама. — Я выложил еще одну десятку. — Но хочу сразу предупредить: детей не будет.

Но он только снова покачал головой и поднял тумблер. Я был так потрясен, что потерял дар речи. Мне часто приходилось иметь дело со швейцарами, и я вполне способен сразу определить того из них, кто слишком честен, чтобы взять двадцать баксов за сущую ерунду. Но этот явно не относился к данной категории. Его моральные принципы, очевидно, были не столь высоки, а значит, подобная неподкупность мотивировалась чем-то иным. Я оправился от шока, услышав, как он произносит:

— Он говорит, что продает морские раковины.

— Меня зовут, — уточнил я, — Арчи Гудвин, и меня прислал мистер Ниро Вулф.

Швейцар повторил мои слова в трубку и уже через секунду положил ее, посмотрев на меня с удивлением:

— Она сказала, пусть поднимается. Девять-

«аш». — Он проводил меня к лифту. — Насчет папы и мамы… Я передумал. Если вы, конечно, все еще не против…

— Я пошутил. У них действительно есть дети. А вот это маленький Хорас. — Я дал ему четвертак, вошел в лифт и сказал лифтеру: — Девять-«аш».

Не в моих правилах отпускать замечания личного характера в первые пять минут знакомства с молодыми женщинами, но на сей раз я изменил себе, поскольку замечание буквально сорвалось у меня с языка. Когда я нажал на кнопку звонка, а мисс Гантер открыла дверь и сказала «добрый вечер» и я, сняв шляпу и шагнув в квартиру, ответил, свет люстры над головой так сиял в ее волосах, что у меня невольно выскочило:

— «Голден бантам».

— Да, — кивнула она, — я действительно крашу волосы именно этим.

Теперь я начал потихоньку понимать, почему швейцар проявил такую неподкупность. Ее фотографии в газетах меркли по сравнению с оригиналом. Повесив мое пальто и шляпу, мисс Гантер провела меня в комнату, но, оказавшись на середине, повернула голову и сказала:

— Вы знакомы с мистером Кейтсом?

Я решил, что она сказала это непроизвольно.

Примерно так же, как я сделал свое замечание, но неожиданно увидел Кейтса, сидевшего в кресле в темном углу комнаты.

— Привет, — произнес я.

— Добрый вечер, — просвиристел он, поднимаясь.

— Садитесь. — Фиби Гантер поправила загнувшийся угол ковра носком маленькой красной тапки. — Мистер Кейтс приехал рассказать о вашем совещании. Что будете пить? Скотч? Водку? Бурбон? Джин? Кока-колу?

— Нет, благодарю. — Я с трудом вернул на место съехавшие набекрень мозги.

— Ну… — Она села на диван. — Вы пришли взглянуть на цвет моих волос или по другому поводу?

— Извините, если помешал вам и мистеру Кейтсу.

— Все в порядке, не так ли, Эл?

— Нет, не в порядке, — решительно возвысил свой тонкий голос Элджер Кейтс, — если вы действительно хотите знать мое мнение. Было бы непростительной глупостью доверять ему и верить его словам. Как я уже говорил, он получает деньги от НАП.

— Да, вы уже это говорили. — Мисс Гантер

устроилась поудобнее на диване. — Но раз ему нельзя доверять, нам остается быть чуть-чуть умнее его, чтобы узнать у него больше, чем он хочет выяснить у нас. — Она посмотрела на меня, и мне показалось, что она улыбается, но я тут же сообразил, что ничего определенного сказать не могу — настолько подвижно было ее лицо, особенно рот. Итак, она посмотрела на меня, возможно, с улыбкой. — У меня есть своя теория относительно мистера Кейтса. Он рассуждает так, как было принято задолго до его рождения. По-видимому, любит читать старомодные романы. Вот бы никогда не подумала, что руководитель аналитического отдела вообще читает романы. А вы что думаете?

— Я не хочу говорить о людях, которые мне не доверяют, — вежливо парировал я. — Но не думаю, что вы правы.

— Вы о чем?

— О том, что вы умнее меня. Соглашусь, вы гораздо красивее меня, но вряд ли умнее. В возрасте двенадцати лет я уже был чемпионом Зейнсвилла, штат Огайо, по правописанию.

— Как пишется слово «шпионить»?

— Какое ребячество! — Я бросил на нее сердитый взгляд. — Не думаю, что вы считаете, будто

поимка преступников — это та работа, которой следует стыдиться, раз уж у тебя хватает на это мозгов. Кстати, а почему, если вы предполагали, что я к вам приду, то не предупредили швейцара… — Я умолк, потому что она, возможно, смеялась надо мной, и только смотрел на нее, что было не слишком осмотрительно с моей стороны, потому что именно это мешало моему мыслительному процессу. — Сдаюсь, — любезно сказал я. — Вы загнали меня в угол и заставили моргнуть. Первый раунд за вами. Начинаем второй раунд. Быть может, ваш мистер Кейтс настолько же предан вам, как тот парень — как бишь его? — который стоит на горящей палубе, но он болван. Ниро Вулф очень хитер, не буду отрицать, но представить, что он будет покрывать убийцу только потому, что он один из тех, кто подписывает его чеки, — это полный бред! Скажите, был ли хоть один случай, чтобы он отошел в сторону и согласился бы на замену, какой бы хорошей она ни была? Хочу дать вам бесплатный совет. Если вы считаете, что Буна убил кто-нибудь из сотрудников вашего бюро, и не хотите, чтобы это было раскрыто, немедленно выставьте меня вон и держитесь как можно дальше от Вулфа. Если же вы полагаете, что убийство совершено кем-либо

из НАП, и хотите помочь найти убийцу, тогда быстро надевайте туфли, пальто и шляпку, и мы поедем к Вулфу. — Я повернулся к Кейтсу. — Если же вы убили Буна и у вас есть мотив, о котором вы из чувства порядочности предпочли умолчать, советую вам поехать с нами, чистосердечно во всем признаться и на этом закончить.

— Что я вам говорил! — торжествующе воскликнул Кейтс, обращаясь к мисс Гантер. — Видите, как он мягко стелет?

— Не глупите, — с досадой сказала она. — Я вам все объясню. Поняв, что я умнее его, мистер Гудвин решил взяться за вас. И у него наверняка есть документальное подтверждение, что вы болван. Знаете, вам лучше уйти. Предоставьте его мне. Увидимся завтра в офисе.

— Нет! — решительно затряс головой Кейтс. — Он будет продолжать гнуть свое! Я не собираюсь…

Он все бубнил и бубнил, но для меня смысла излагать его речь было не больше, чем ему продолжать говорить, так как мисс Гантер поднялась с дивана, подошла к вешалке и сняла его пальто и шляпу. Мне показалось, что она не совсем годилась на роль личного секретаря. Секретарша должна ходить взад-вперед, приносить и уносить

бумаги, вводить и провожать посетителей. А если она вызывает постоянное желание ловить каждое ее движение, о какой работе может идти речь?!

Кейтс, конечно, сдался. Две минуты спустя дверь за ним захлопнулась, и мисс Гантер заняла свое место на диване среди подушек. Я пытался собраться с мыслями, и, когда она, возможно, улыбнулась и сказала, чтобы я продолжал дерзать и обучил ее таблице умножения, поднялся и попросил разрешения воспользоваться телефоном.

Она округлила глаза:

— Ну а что требуется от меня? Я должна спросить, кому вы собираетесь звонить?

— Нет, просто сказать «да».

— Да. Телефон прямо за…

— Я понимаю, спасибо.

Телефон находился на маленьком столике у стены, там же стоял табурет. Я выдвинул табурет, сел спиной к мисс Гантер и набрал номер. После первого же гудка Вулф поднял трубку, поскольку терпеть не может, когда звонит телефон.

— Мистер Вулф? Это Арчи. Я здесь, у мисс Гантер, и мне кажется, ваша идея привезти ее к нам не самая удачная. Во-первых, она чертовски умна, но дело не в этом. Она принадлежит к категории

тех женщин, о которых я мечтал последние десять лет, помните, я вам рассказывал? Не скажу, что она красива, это дело вкуса, но она точно мой идеал. Поэтому лучше предоставьте ее мне. Она начала с того, что сделала из меня мартышку, но это исключительно потому, что я был в шоке. Возможно, чтобы отойти, мне потребуется неделя, месяц или даже год, потому что очень трудно сосредоточиться на работе при таких обстоятельствах, но вы можете на меня положиться. Ложитесь спать, я свяжусь с вами утром.

Я встал с табурета, повернулся лицом к дивану, но мисс Гантер там не было. Она стояла перед зеркалом в прихожей, в темно-синем пальто с лисьим воротником, пристраивая на голову какое-то темно-синее сооружение.

— Пошли! — небрежно сказала она.

— Куда?!

— Не валяйте дурака! — Она отвернулась от зеркала. — Вы же лезли из кожи вон, чтобы уговорить меня поехать к Ниро Вулфу, и вам это удалось. Второй раунд ваш. Когда-нибудь мы сыграем роббер-другой в бридж. А пока я еду к Вулфу, и нам придется отложить бридж до лучших времен. Я очень рада, что вы не считаете меня красивой. Ничто так не раздражает женщину,

как слова о том, что она красива.

Пока я надевал пальто, она открыла дверь. Сумочка у мисс Гантер под мышкой была из того же темно-синего материала, что и шляпка. По пути к лифту я попытался объясниться:

— Я не сказал, что вы некрасивы, я сказал…

— Я слышала, что вы сказали. Вы ранили меня в самое сердце. Это больно слышать даже от незнакомца, который к тому же может оказаться врагом. Я тщеславна, в этом мое несчастье. А так как у меня проблемы со зрением, то я считаю себя красавицей.

— Я тоже… — начал я, но вовремя заметил, что уголок ее рта ползет вверх.

И я не кривил душой. Если кто-то может подумать, что я проворонил все авансы, которые она мне раздавала, не буду спорить, но мне хотелось бы подчеркнуть: я был рядом с ней, смотрел на нее, слушал ее и, что самое ужасное, она действительно была ослепительно красива.

По дороге на Тридцать пятую улицу мисс Гантер поддерживала со мной дружескую беседу, словно я не состоял на службе у НАП. Войдя в дом, мы нашли кабинет пустым. Оставив гостью, я отправился на розыски Вулфа. Он был на кухне и увлеченно обсуждал с Фрицем меню на завтра. Я

сел на стул, задумавшись о последних событиях, связанных с мисс Гантер, в ожидании, когда Вулф и Фриц закончат с меню. Наконец Вулф заметил мое присутствие:

— Она здесь?

— Конечно. Поправьте галстук и причешитесь.

Глава 11

В четверть третьего ночи Вулф взглянул на настенные часы и со вздохом произнес:

— Что ж, мисс Гантер, я готов выполнить свою часть договора. Я обещал ответить на ваши вопросы после того, как вы ответите на мои. Спрашивайте.

Мне некогда было любоваться красотой мисс Гантер, поскольку по требованию Вулфа я вел стенографическую запись беседы и, не поднимая глаз, уже исчеркал пятьдесят четыре страницы. Вулф пребывал в настроении, которое я называл «загляни-под-каждый-камень», и, с моей точки зрения, некоторые записи имели примерно такое же отношение к убийству Буна, как историческая переправа армии Джорджа Вашингтона через реку Делавэр. Правда, кое-что могло оказаться полезным. Главным образом ее путевые заметки о передвижениях в прошлый вторник. К своему удивлению, мисс Гантер ничего не знала о совещании, помешавшем Буну отправиться вместе со всеми на поезде. Обычно она была в курсе всех его дел. В Нью-Йорке она вместе с Элджером

Кейтсом и Ниной Бун отправилась в отделение Бюро регулирования цен. Кейтс пошел в аналитический отдел, а они с Ниной принялись помогать сотрудникам бюро отбирать на складе товары, необходимые для иллюстрации предстоящей речи Буна. Там был огромный ассортимент самых разных вещей, начиная от зубочисток и кончая пишущими машинками, и только к шести часам они управились с работой, отобрав два консервных ножа, два разводных ключа, две мужские рубашки, две авторучки и детскую коляску. Один из сотрудников помог мисс Гантер вынести все это добро на улицу и поймать такси до отеля «Уолдорф», куда уже уехала Нина. Коридорный поднял товары на этаж, где находился Большой бальный зал и гостиная. Там мисс Гантер узнала, что Бун просил ему не мешать, поскольку он готовится к выступлению в задней комнате, позднее ставшей печально известной как Комната убийства. Представитель НАП, генерал Эрскин, проводил ее туда.

— Генерал Эрскин? — переспросил Вулф.

— Да. Эд Эрскин, сын президента ассоциации. — (Я фыркнул.) — Он бригадный генерал, — объяснила она. — Один из самых молодых генералов в авиации.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, но видела его раз или два. Однако, само собой, я его терпеть не могу. — (На этот раз я не сомневался: она не улыбалась.) — Я ненавижу всех, кто связан с НАП.

— Естественно. Продолжайте.

Эд Эрскин подкатил коляску к двери комнаты за сценой и распрощался. Фиби Гантер пробыла у Буна не больше двух-трех минут. Впоследствии полиция потратила много часов на изучение этих двух или трех минут — последних минут, когда кто-то, кроме убийцы, видел Буна живым. Ну а Вулф потратил на них две странички моего блокнота. Бун был сосредоточен и напряжен сильнее обычного — ничего удивительного в данной ситуации. Он вытащил из коляски мужские рубашки и разводные ключи и разложил на столе, просмотрел сопроводительные документы, напомнил мисс Гантер, чтобы во время его выступления она сверялась с напечатанным текстом и отмечала все отклонения от оригинала, которые он сделает. Затем отдал ей кожаный чемоданчик и попросил оставить его одного.

Она вернулась в гостиную, выпила два коктейля подряд, поскольку явно в этом нуждалась, затем вместе со всеми проследовала в бальный

зал, отыскала восьмой столик возле сцены, зарезервированный для представителей Бюро регулирования цен, и села. Она как раз ела фруктовый салат, когда неожиданно вспомнила, что забыла кожаный чемоданчик на подоконнике в гостиной. Но никому ничего не сказала, не желая признаваться в своей оплошности, и только собралась было, извинившись перед сидевшей рядом миссис Бун, выйти из-за стола, как Фрэнк Томас Эрскин поднялся на сцену и объявил в микрофон: «Дамы и господа, с глубоким прискорбием вынужден сообщить вам печальную новость, по причине которой никому не разрешается покинуть зал…»

Лишь спустя час ей удалось попасть в гостиную, но кожаный чемоданчик исчез.

Бун говорил ей, что в чемоданчике находятся валики с надиктованными им днем в вашингтонском офисе текстами. Больше она ничего не знала. В том, что Бун не рассказал ей о содержании записей на валиках, не было ничего удивительного, поскольку он редко этим делился. Для текущей работы мистер Бун пользовался услугами нескольких стенографисток, но самые важные письма и распоряжения, которые могли содержать конфиденциальную информацию, он

записывал на диктофон и давал перепечатывать только мисс Гантер. Всего было двенадцать таких чемоданчиков с десятью валиками в каждом, и чемоданчики эти постоянно курсировали между мистером Буном и мисс Гантер, а также мисс Гантер и другими стенографистками, поскольку Бун практически всегда пользовался диктофоном. Чемоданчики были пронумерованы. Пропал номер четвертый. Мистер Бун всегда пользовался диктофоном фирмы «Стенофон».

Мисс Гантер призналась, что совершила ошибку. До утра среды она никому не говорила о пропаже, пока полиция не поинтересовалась, что лежало в кожаном чемоданчике, с которым мисс Гантер пришла в гостиную. Конечно, какая-то крыса из НАП донесла об этом полицейским. Она объяснила свое молчание нежеланием признаться в халатности, заметив, однако, что это никому не причинило вреда, поскольку содержимое чемоданчика никак не могло быть связано с убийством.

— Четыре свидетеля утверждают, что, когда вы из гостиной направились в бальный зал, чемоданчик был при вас, — пробурчал Вулф.

Слова Вулфа не произвели на Фиби Гантер особого впечатления. Она как ни в чем не бывало

пила бурбон с водой и курила сигарету.

— Или вы верите им, или вы верите мне. Меня нисколько не удивит, если не четыре, а все сорок человек из ассоциации заявят, что подглядывали в замочную скважину и видели, как я убила мистера Буна.

— Вы говорите о членах НАП. Но миссис Бун не имеет отношения к ассоциации.

— Не имеет, — передернула плечами Фиби. — Мистер Кейтс рассказал мне, что она обо мне говорила. Миссис Бун меня недолюбливает. А возможно, хотя я в этом сильно сомневаюсь, она ко мне вполне неплохо относится, но ей ненавистна сама мысль, что ее муж зависит от меня. Обратите внимание, что ей даже не пришлось лгать: она ведь не говорила, что видела у меня в руках чемоданчик, когда я выходила из гостиной.

— А в чем именно мистер Бун зависел от вас?

— В том, чтобы я выполняла его приказания.

— Конечно, — едва слышно пробормотал Вулф. — Но что он получал от вас взамен? Послушание? Преданность? Дружеское участие? Счастье? Экстаз?

— Боже правый! — Лицо ее исказила гримаса отвращения. — Можно подумать, что эти вопросы задает жена какого-нибудь конгрессмена…

Мистер Бун получал высококвалифицированную работу. Не стану утверждать, что за те два года, которые я работала на мистера Буна, я не испытывала экстаза, но я всегда оставляла его за дверями офиса, да и вообще я приберегала его на потом, предвидя встречу с мистером Гудвином. — Она всплеснула руками. — Наверное, вы тоже читаете старомодные романы. Что ж, если вам так хочется узнать, была ли у меня интимная связь с мистером Буном, мой ответ «нет». Во-первых, у него не было времени для флирта — как, впрочем, и у меня. Во-вторых, он был не в моем вкусе. Правда, я почти боготворила его.

— Да неужели?

— Да, — ответила она с нажимом. — Он был раздражительным и слишком придирчивым, весьма упитанным и вечно обсыпанным перхотью; более того, он сводил меня с ума требованиями строго соблюдать его расписание. Но это был самый честный, самый благородный человек в Вашингтоне из всех, кого я знала. Он боролся с самой гнусной шайкой свиней и рвачей на всем белом свете. И поскольку сама я человек крайне нерешительный, то боготворила его, а вот где он мог достичь экстаза, тут уж, извините, это не ко мне.

Казалось, вопрос степени экстаза мы закрыли. Заполняя страницу за страницей в своем блокноте, я спросил себя, насколько верю ее словам, и, когда понял, что стрелка моей веры, достигнув отметки «девяносто», продолжает ползти к «ста», дисквалифицировал себя за пристрастность.

У Фиби сложилось определенное мнение относительно убийства. Она сомневалась, чтобы несколько членов НАП, пусть даже двое, могли вступить в сговор с целью убить Буна, поскольку все они были слишком осторожны и не рискнули бы замыслить столь сенсационное преступление. Это мог совершить лишь одиночка, кто-то из тех, кому мешала деятельность Буна как руководителя Бюро регулирования цен или чьи интересы были ущемлены столь сильно, что перспектива запятнать репутацию ассоциации отошла на второй план. Поэтому Фиби Гантер согласилась с Вулфом, что промышленники заинтересованы в поимке убийцы.

— Тогда не означает ли это, — спросил Вулф, — что вы лично и ваше бюро предпочли бы, чтобы убийца не был обнаружен?

— Может, и означает, — призналась мисс Гантер. — Однако я не настолько логична и хочу, чтобы преступника поймали.

— Потому что вы боготворили мистера Буна? Это понятно. Но в таком случае почему вы не приняли мое приглашение прийти вчера вечером, чтобы все обсудить?

То ли у нее ответ был заранее заготовлен, то ли ей не надо было ничего придумывать.

— Потому что мне не хотелось. Я очень устала и не знала, кто еще будет. И я уже тысячу раз ответила на тысячу вопросов в полиции и в ФБР и мечтала отдохнуть.

— Однако с мистером Гудвином вы все же приехали…

— Конечно. Любая девушка, которая нуждается в отдыхе, отправилась бы с мистером Гудвином куда угодно, потому что с ним можно не включать мозги. — Даже не взглянув в мою сторону, она продолжила: — Однако я не собиралась провести здесь всю ночь, а время уже позднее. Теперь моя очередь задавать вопросы.

И тут Вулф взглянул на часы и со вздохом сказал:

— Спрашивайте.

Она переменила позу, сделала глоток бурбона, эффектно откинула голову на спинку кресла из красной кожи и спросила безразличным тоном:

— Кто связался с вами от имени НАП, что они

вам сказали, на что вы согласились и сколько они вам платят?

Вулф был настолько поражен, что едва не заморгал глазами:

— О нет, мисс Гантер, так дело не пойдет!

— Почему? Мы ведь договорились!

Вулф понял, что загнал сам себя в ловушку.

— Хорошо, давайте-ка поглядим. Ко мне приехали мистер Эрскин с сыном, мистер Бреслоу и мистер Уинтерхофф. Затем появился мистер О'Нил. Они наговорили с три короба, но в результате наняли меня провести расследование. Я дал согласие попытаться найти убийцу. А во что им…

— Независимо от того, кем бы он ни был?

— Да. Не перебивайте. Во что им обойдется мое содействие, покажет будущее. Мой гонорар будет прямо пропорционален расходам. Мне не нравится НАП. Я анархист.

Вулф явно решил продемонстрировать свою эксцентричность, чтобы максимально использовать ситуацию. Мисс Гантер не обратила на это внимания.

— Не пытались ли они внушить вам, что убийца не принадлежит к их ассоциации?

— Нет.

— Не создалось ли у вас впечатления, что они подозревают какое-либо определенное лицо?

— Нет.

— Не считаете ли вы, что убийцей является один из них?

— Нет.

— Стало быть, вы довольны, что ни один из них не является убийцей?

— Нет.

Она раздраженно всплеснула руками:

— Это глупо! Вы ведете нечестную игру. И только и делаете, что говорите «нет».

— Я отвечаю на ваши вопросы и не сказал ни слова неправды. Сомневаюсь, что вы были так же честны со мной.

— В чем же я вас обманула?!

— Пока не знаю. Еще не знаю. Но непременно узнаю. Продолжайте.

— Простите, — вмешался я, — но у нас еще не было прецедента, чтобы вас допрашивал человек, подозреваемый в убийстве. Следует ли мне все это записывать?

Вулф даже не взглянул в мою сторону:

— Продолжайте, мисс Гантер. Мистер Гудвин всего лишь воспользовался случаем, чтобы назвать вас подозреваемой в убийстве.

Она пыталась сосредоточиться и тоже меня игнорировала.

— Не считаете ли вы, — спросила она, — что использование в качестве орудия убийства разводного ключа свидетельствует о непреднамеренном убийстве? Ведь никто не знал, что там окажется ключ.

— Нет.

— А почему?

— Потому что убийца мог явиться вооруженным, но, увидев разводной ключ, решил воспользоваться им.

— И все же могло ли убийство быть непреднамеренным?

— Да.

— Не создалось ли у вас впечатления, что кому-то из НАП известно, кто взял кожаный чемоданчик и куда он делся?

— Нет.

— Или где он сейчас находится?

— Нет.

— Подозреваете ли вы кого-нибудь?

— Нет.

— Почему вы послали за мной мистера Гудвина? Почему именно за мной, а не за кем-либо другим?

— Потому что вы не ответили на мое приглашение и я хотел узнать причину.

Она замолчала, выпрямилась, допила бурбон и пригладила волосы.

— Все это чушь! — с чувством произнесла она. — Я могу хоть целую неделю задавать вам вопросы, но откуда мне знать, что вы говорите правду? Вы утверждаете, например, будто вам неизвестно, что стряслось с чемоданчиком и где он находится. А он, возможно, спрятан в этой самой комнате. Может быть, даже в вашем письменном столе.

Она посмотрела на свой стакан, увидела, что он пуст, и поставила на столик, на котором обычно выписывали чеки.

— Я находился в таком же невыгодном положении, когда расспрашивал вас, — кивнул Вулф.

— Но мне незачем вам врать!

— Вздор! У людей всегда есть причина что-нибудь скрывать. Продолжайте.

— Не стоит. — Она поднялась и разгладила юбку. — Это бесполезно. Лучше поеду домой и лягу спать. Посмотрите на меня. Я наверняка похожа на старую кошелку, да?

Мисс Гантер снова удалось обескуражить Вулфа. Он явно не привык, чтобы женщины спра-

шивали его, как они выглядят.

— Нет, — буркнул он.

— Опять «нет», — улыбнулась она. — А я измотана до предела. Но обычно чем больше я устаю, тем меньше это заметно. Во вторник я пережила самое сильное потрясение в жизни и с тех пор очень плохо сплю. — Она обернулась ко мне. — Скажите, пожалуйста, где тут можно поймать такси?

— Я вас отвезу. Мне все равно нужно поставить машину в гараж.

Она пожелала Вулфу спокойной ночи, мы оделись, вышли и сели в машину. Мисс Гантер откинулась на сиденье и на секунду закрыла глаза, затем открыла их, выпрямилась и посмотрела на меня.

— Итак, вы имели успех у Ниро Вулфа, — заметил я, словно разговаривал с незнакомкой.

— Не стоит быть таким холодным. — Она обхватила мою руку чуть пониже плеча и крепко сжала. — Не обращайте внимания. Это ничего не значит. Иногда мне просто хочется чувствовать рядом крепкую мужскую руку. Вот и все.

— Хорошо, я действительно мужчина.

— Как я и подозревала.

— Когда все закончится, я с удовольствием

научу вас играть в бильярд или проверять слова в словаре.

— Спасибо. — (Мне показалось, она вздрогнула.) — Когда все закончится.

В конце Сороковых улиц нас задержал светофор.

— Кажется, у меня сейчас начнется истерика, — сказала она. — Не пугайтесь.

Я посмотрел на нее. В жизни не видел человека, столь далекого от истерики. Когда я остановил машину перед ее домом, она выпорхнула на тротуар — я не успел даже пошевелиться — и протянула мне руку:

— Спокойной ночи. Или это является нарушением ваших правил — пожать руку подозреваемой в убийстве?

— Конечно. — (Мы обменялись рукопожатием. Ее рука идеально подходила моей.) — Чтобы поймать ее врасплох.

Она скрылась в подъезде, возможно одарив швейцара коротким взглядом, чтобы подкрепить его мотивацию.

Поставив машину в гараж и вернувшись домой, я зашел в кабинет, чтобы проверить, хорошо ли заперт сейф. На моем столе лежала нацарапанная рукой Вулфа записка:

Арчи, впредь не встречайся с мисс Гантер без моего приказа. Умная женщина всегда опасна. Мне не нравится все это дело. Завтра я решу, не следует ли от него отказаться и вернуть аванс. Утром вызови Пензера и Гора.

Н. В.

Противоречивость записки свидетельствовала о том, в какой растерянности пребывал шеф. Ставка Сола Пензера составляла тридцать долларов в день, а Билла Гора — двадцать, не говоря уже о неизбежных текущих расходах. И если Вулф пошел на такие издержки, значит задаток он возвращать не собирался. Ему просто хотелось, чтобы я пожалел его, поскольку он взялся за такую трудную работу. Я поднялся в свою комнату, мимоходом посмотрев на его дверь на втором этаже. Красная лампочка горела. Значит, Вулф включил сигнализацию.

Глава 12

Всю сложность дела я осознал на следующее утро, когда в одиннадцать часов Вулф спустился из оранжереи и принялся инструктировать Сола Пензера и Билла Гора.

Тем, кто только видел, но не знал Сола Пензера, он мог показаться невзрачным, дурно выбритым, маленьким носатым человечком. Но для тех, кто его знал, для Вулфа и для меня например, внешность Сола не имела значения. Он был одним из лучших оперативников Нью-Йорка, которому из года в год предлагали как минимум в десять раз больше работы, чем у него было возможности и желания выполнить. Однако он никогда не отказывал Вулфу, если действительно мог ему помочь. В то утро он сидел в кресле, держа на коленях видавшую виды кепку и ничего не записывая, так как всегда полагался на свою память, и слушал Вулфа. Тот обрисовал в общих чертах положение дел и велел Солу провести в отеле «Уолдорф» столько часов или дней, сколько понадобится, прислушиваясь и принюхиваясь ко всему и не упуская из виду никого и ничего.

Билл Гор был мощного телосложения, крепко сбитый парень, и одного взгляда на его макушку было достаточно, чтобы понять: он обречен, поскольку в ближайшие пять лет вконец облысеет. Он получил задание отправиться в Ассоциацию промышленников и собрать кое-какие сведения. Вулф предварительно созвонился с Эрскином и заручился его содействием.

— Неужели дела обстоят так плохо? — спросил я, когда они ушли.

— Почему плохо? — нахмурился Вулф.

— Вы прекрасно знаете почему! Пятьдесят долларов в день на объедки! Что в этом гениального?

— Гениального? — Вулф нахмурился, бросив на меня сердитый взгляд. — А что может сделать гений в этой людской сутолоке?! Больше тысячи человек, у которых имеются мотивы для убийства, возможность его совершить и подручные средства. Черт меня дернул поддаться на твои уговоры!

— Нет уж, сэр! Даже не пытайтесь! — твердо сказал я. — Когда я почувствовал, что придется попотеть, а потом прочитал вашу записку, то сразу понял, что вы захотите взвалить всю вину на меня. Признаюсь, не думал, что дело так

безнадежно, пока не услышал, как вы приказывали Солу и Биллу облазить все дыры, которые полиция давно обшарила. Вам даже нет нужды признаваться в том, что не справились. Вы вполне можете выкрутиться. Я выпишу НАП чек на десять тысяч долларов, а вы продиктуете мне письмо, в котором сообщите промышленникам, что в связи с тем, что вы подхватили свинку, а еще лучше…

— Заткнись! — рассердился он. — Как я могу вернуть деньги, которые не получал?

— Вы их получили. Чек пришел с утренней почтой, и я внес всю сумму на депозит.

— Боже правый! Деньги в банке?

— Да, сэр.

Он яростно надавил на звонок, чтобы Фриц принес ему пива. Никогда раньше мне не доводилось видеть его в состоянии, столь близком к панике.

— Итак, у вас ничего нет, — безжалостно заявил я. — Совсем ничего?

— Определенно кое-что есть.

— Неужели? И что именно?

— Кое-что мистер О'Нил сказал вчера днем. Кое-что очень интересное.

— Что?

Вулф покачал головой:

— Это задание не для тебя. Я поручу его завтра Солу или Биллу.

Я не поверил ни единому слову. Минут десять я пытался вспомнить все, что говорил Дон О'Нил, после чего мой скепсис только усилился.

В субботу Вулф не дал мне ни одного задания, связанного с делом Буна, не поручил даже сделать телефонный звонок. Звонили исключительно нам, и звонков было очень много. В частности, из газет и конторы Кремера и так далее, причем в основном это была пустопорожняя болтовня. Однако два звонка произвели на меня почти комическое впечатление.

Уинтерхофф, импозантный джентльмен с рекламы виски, позвонил около полудня. Он хотел получить хоть что-то за свои деньги, причем немедленно. В него уже вцепились копы. После многочасовых допросов примерно четырнадцати человек было установлено, что именно Уинтерхофф предложил Буну использовать маленькую комнату за сценой для подготовки к выступлению и именно Уинтерхофф проводил туда Буна. И вот теперь Уинтерхофф пребывал в крайнем волнении. Он объяснил, что знал о существовании этой комнаты из предыдущего опыта организации подобных мероприятий в тех же

помещениях, но подобное объяснение полицию явно не удовлетворило. И вот теперь Уинтерхофф хотел, чтобы Вулф подтвердил его невиновность и дал указание полиции оставить его в покое. Его заказ не был выполнен.

Незадолго до ланча позвонил какой-то человек с интеллигентным голосом и представился Адамсоном, адвокатом НАП. Судя по его тону, Адамсон был явно не в восторге по поводу участия Вулфа в расследовании и теперь хотел получить практически всю информацию, включая ежедневный отчет о всех предпринимаемых нами действиях. Он настаивал на личной беседе с Вулфом, что было большой ошибкой с его стороны, поскольку, если бы он выразил желание поговорить со мной, я обошелся бы с ним со свойственной мне учтивостью.

Еще одно требование, которое выдвинула ассоциация буквально в тот же день, когда мы получили от них предварительный гонорар, мы при всем желании не могли удовлетворить. Это требование нам привезла лично Хэтти Хардинг где-то в середине дня, когда Вулф уже ушел к своим орхидеям. Я провел посетительницу в кабинет, где мы устроились на диване. Хэтти Хардинг была все такой же подтянутой и хорошо одетой,

а взгляд оставался по-прежнему властным, но внутреннее напряжение уже явно давало о себе знать. Теперь Хэтти Хардинг выглядела скорее на все сорок восемь, чем на двадцать шесть лет.

Она явилась умолять о помощи, хотя обставила все несколько иначе. По ее словам, теперь им приходилось платить чертову прорву денег и вообще вот-вот наступит конец света. Связи с Общественностью были на последнем издыхании. В офис НАП приходили сотни телеграмм от членов ассоциации и друзей со всех концов страны с информацией о газетных передовицах, о резолюциях, принятых в Торговой палате, в различных клубах и сообществах, а также о циркулирующих в народе слухах. И уже не для протокола Хэтти Хардинг сообщила, что поступило одиннадцать прошений об отставке, причем одно от члена совета директоров. Нужно было срочно что-то делать.

Я спросил, что именно.

Хоть что-то, сказала она.

— Типа поймать убийцу?

— Конечно, в том числе и это. — Похоже, для нее это было лишь незначительной деталью. — Необходимо остановить эту безумную шумиху. Возможно, путем заявления, подписанного

сотней известных личностей. Или с помощью телеграмм с просьбой помолиться за нас на завтрашней службе, ведь завтра воскресенье…

— Неужели вы рассчитываете, что мистер Вулф станет рассылать телеграммы пятидесяти тысячам проповедников, священников и раввинов?

— Нет, конечно! — всплеснула она руками. — Но что-что, что-что…

— Послушайте, Связи с Общественностью. — Чтобы успокоить Хэтти, я похлопал ее по коленке. — Вы потрясены, я это понимаю. Но НАП, похоже, считает, будто у нас тут универсальный магазин. Тогда вам нужен не Ниро Вулф, а Рассел Бёрдвелл или Эдди Бернейс. У нас специализированный магазин. Единственное, что мы собираемся сделать, — это поймать преступника.

— Боже мой! — сказала она и добавила: — Я сильно сомневаюсь.

— Сомневаетесь в чем? — Я уставился на Хэтти Хардинг. — Что мы собираемся его поймать?

— Да. И все остальные тоже сомневаются.

— Почему?

— Просто сомневаюсь, и все. — Она встретила мой взгляд очень уверенно, затем выражение ее глаз изменилось. — Послушайте, это ведь не для протокола?

— Конечно. Только вы и я. Ну и еще мой босс. Но он никогда никому ничего не рассказывает.

— Я сыта по горло. — Она стиснула зубы совсем как мужчина; губы у нее не дрожали. — Я собираюсь уволиться. Найду другую работу. Буду пришивать пуговицы. В тот день, когда кто-нибудь найдет убийцу Чейни Буна, поймает его и докажет его вину, разверзнутся хляби небесные. Действительно разверзнутся…

Я ободряюще кивнул:

— А что еще такого случится?

Она резко вскочила с дивана:

— Я слишком много болтаю.

— Ну что вы! Этого недостаточно. Мы ведь только начали. Присядьте.

— Нет, благодарю вас. — Ее взгляд снова стал властным. — За долгое время вы первый мужчина, на глазах у которого я развалилась на части. Но только не вздумайте вбить себе в голову, что я знаю какие-то секреты. И даже не пытайтесь вытянуть их из меня. Просто вся эта история выбила меня из колеи, и я потеряла голову. Можете меня не провожать.

И с этими словами она удалилась.

Когда в шесть часов вечера Вулф спустился в кабинет, я изложил ему все подробности нашего

разговора. Поначалу Вулф решил, что это его не интересует, но затем передумал. Он хотел узнать мое мнение, и я сообщил, что сомневаюсь, будто Хэтти Хардинг знает хоть что-то, полезное для нас, а даже если и знает, то буквально рассыпалась на куски у меня на глазах, но Вулф вполне может попытаться что-то из нее вытянуть.

— Арчи, я тебя вижу насквозь. Ты даешь мне понять, что не хочешь возиться с Хэтти Хардинг, а все потому, что мисс Гантер дергает тебя за ниточки.

На что я ответил холодным тоном:

— Никто меня не дергает за ниточки.

— Мисс Гантер тобой манипулирует.

Обычно я не обращаю внимания на подобные высказывания Вулфа, однако сейчас я не знал, как далеко он может зайти в своих инсинуациях насчет Фиби Гантер, а мне не хотелось увольняться посреди расследования убийства, поэтому, прервав разговор, я отправился к парадной двери за вечерними газетами.

Во избежание ненужных трений мы получаем газеты в двух экземплярах, и, положив перед Вулфом его долю, я сел за стол со своей. Сперва я принялся за «Газетт» и на первой же полосе увидел заголовки, сулившие интересные новости.

Миссис Бун снова нас порадовала.

Кажется, я еще не упоминал о бумажнике Буна. Это потому, что пропажа бумажника, который забрал убийца, не проливала свет ни на само преступление, ни на его мотив. Денег в нем не было, Бун держал их в кошельке, в заднем кармане брюк. Обычно находившийся в нагрудном кармане пальто, бумажник, где лежали лишь различные бумажки и карточки, на теле убитого обнаружен не был, из чего в полиции сделали вывод, что его забрал убийца. В «Газетт» сообщили, что миссис Бун утром получила по почте конверт с напечатанными через копирку фамилией и адресом. В конверте миссис Бун нашла две вещи, которые мистер Бун всегда носил в бумажнике: техпаспорт на автомобиль и фотографию миссис Бун в подвенечном платье. В статье в «Газетт» говорилось, что отправителю, вероятно, были одновременно свойственны и сентиментальность, и реальный взгляд на вещи: сентиментальность — потому что он вернул фото; реальный взгляд на вещи — потому что он вернул техпаспорт, который был еще действительным, а водительские права, также хранившиеся в бумажнике, — нет. Журналист из «Газетт» изложил сей факт очень образно, написав, что водительские права анну-

лированы с помощью разводного ключа.

— В самом деле, — нарочито громко произнес Вулф, желая привлечь мое внимание.

— Если бы копы уже не успели там побывать и забрать конверт и если бы мисс Гантер не манипулировала мной, я бы съездил к миссис Бун за этим конвертом, — как бы между прочим заметил я.

— Трое-четверо специалистов из лаборатории, — сказал Вулф, — обследуют этот конверт от и до, разве что не разложат его на атомы. Но дай им срок — они и это научатся делать. И все же это первый указатель, дающий хоть какое-то направление.

— Конечно, — согласился я, — теперь это плевое дело. Все, что нам нужно сделать, — это узнать, кто из тысячи четырехсот девяноста двух гостей на приеме является одновременно и сентиментальным, и реалистом, — и убийца у нас в кармане.

До самого обеда ничего интересного не произошло. Когда после обеда, состоявшего лично для меня из тонкого тоста с печеночным паштетом, учитывая способ приготовления Фрицем паштета, мы незадолго до девяти часов вернулись в кабинет, нам принесли телеграмму. Я вскрыл те-

леграмму и протянул Вулфу, который, прочитав, вернул ее мне. В телеграмме говорилось:

НИРО ВУЛФУ ЗАПАДНАЯ 35 922 НЬЮ-ЙОРК
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ДЕЛАЮТ НЕВОЗМОЖНОЙ ДАЛЬНЕЙШУЮ СЛЕЖКУ ЗА О'НИЛОМ ОДНАКО СЧИТАЮ ЭТО НЕОБХОДИМЫМ ХОТЯ НИКАКИХ ГАРАНТИЙ ДАТЬ НЕ МОГУ
БРЕСЛОУ

Я вопросительно уставился на Вулфа. Он смотрел на меня, наполовину приподняв веки, то есть действительно смотрел прямо на меня.

— Быть может, ты будешь так любезен рассказать мне, что еще предпринял в свете расследования этого дела без моего ведома? — устало произнес он.

— Нет, сэр. Это не я. Я как раз собирался поинтересоваться у вас, включили ли вы Бреслоу в зарплатную ведомость, и если да, то по какой ставке, — усмехнулся я.

— Стало быть, ты не в курсе?

— Нет. А вы?

— Свяжись с Бреслоу по телефону.

Это оказалось не так просто. Мы знали лишь

то, что Бреслоу был крупным производителем бумажной продукции в Денвере и что, приехав в Нью-Йорк на встречу НАП, он, как член исполнительного комитета, остался, чтобы помочь урегулировать кризис. Я знал, что Фрэнк Томас Эрскин был в отеле «Черчилль», и попробовал дозвониться до него, но безрезультатно. Телефон Хэтти Хардинг, который я нашел в телефонном справочнике, ответил мне длинными гудками. В конце концов я вновь позвонил Лону Коэну в редакцию «Газетт», что следовало сделать с самого начала, и узнал, что Бреслоу находится в «Страйдер-Уэйр». Буквально через три минуты я соединил Вулфа с Бреслоу, а сам взял параллельную трубку.

Даже по телефонному разговору можно было догадаться, что Бреслоу побагровел от гнева.

— Да. Вулф? Удалось что-нибудь разузнать? Да? Да?

— Я хочу задать вам вопрос.

— Да? Что за вопрос?

— Который я собираюсь задать. Именно поэтому я и попросил мистера Гудвина узнать номер вашего телефона и дозвониться до вас, с тем чтобы я был на одном конце телефонной линии, а вы — на другом, после чего я смогу задать вам свой

вопрос. Сообщите, когда будете готовы, сэр.

— Я готов! Черт возьми, в чем дело?

— Хорошо. Так-то лучше. Это насчет телеграммы, которую вы мне отправили…

— Телеграмма? Какая телеграмма?! Я не посылал никакой телеграммы!

— Выходит, вы ничего не знаете о полученной мной телеграмме?

— Нет! Вообще ничего! Какого…

— Значит, произошла ошибка. Неправильно указана фамилия. Как я и подозревал. Я ждал телеграммы от человека по фамилии Бристоу. Извините за беспокойство. До свидания.

Бреслоу пытался продлить агонию, но Вулф повесил трубку.

— Итак, — заметил я, — он не посылал телеграммы. Ведь если он ее посылал, но не хотел, чтобы мы об этом узнали, зачем было писать свою фамилию?! Ну как, будем искать автора телеграммы? Или побережем силы, допустив, что, кем бы он ни был, он наверняка знает о существовании телефонных будок?

— К черту! — с горечью произнес Вулф. — Возможно, кто-то ловит рыбку в мутной воде. Но мы не можем позволить себе это игнорировать. — Вулф посмотрел на настенные часы. Было три

минуты десятого. — Узнай, дома ли мистер О'Нил. Только спроси, да или нет. Разговаривать буду я.

Номер телефона резиденции О'Нила на Парк-авеню был в справочнике, так что я получил и номер, и самого О'Нила. Взяв трубку, Вулф сообщил О'Нилу о требовании Адамсона, адвоката НАП, и наговорил сорок бочек арестантов о нежелательности письменных отчетов. О'Нил ответил, что ему, собственно, плевать на отчеты, письменные, там, или какие другие, и они расстались друзьями. Вулф на секунду задумался.

— Нет. Пожалуй, на сегодня оставим его в покое. Возьмешься за него утром, когда он выйдет из дому. Если решим продолжать в том же духе, можно подключить Орри Кэтера.

Глава 13

Наружное наблюдение, да еще в одиночку, в условиях Нью-Йорка может закончиться чем угодно, в зависимости от обстоятельств. У вас могут закипеть мозги и заболеть мышцы от напряженной десятичасовой слежки, во время которой вы прибегаете ко всем известным уловкам и ухищрениям и изобретаете новые, чтобы не потерять из виду объект, но потом вы в какой-то момент его упускаете из-за досадной накладки, которую невозможно было предусмотреть. Хотя можно потерять объект и в первые пять минут, особенно если он подозревает, что за ним следят. Засядет в какой-нибудь конторе или номере отеля на целый день — и плевать он хотел, что вы треплете себе нервы.

Тут невозможно ничего предугадать, но я ожидал провести день впустую, тем более что было воскресенье. Вскоре после восьми утра я уже сидел в такси на Парк-авеню в районе Семидесятых улиц, в полусотне шагов от парадной двери многоквартирного дома, где проживал О'Нил. Я готов был побиться об заклад, что останусь на

том же месте и шесть часов спустя, и двенадцать, хотя допускал слабую возможность, что в одиннадцать утра мы отправимся в церковь, а в два — обедать в какой-нибудь ресторан. Я даже не мог позволить себе удовольствие почитать воскресные выпуски газет, потому что не сводил глаз с подъезда. Шофер такси, мой старый приятель Херб Аронсон, не мог быть мне полезен, так как никогда не видел О'Нила. Время тянулось медленно, мы болтали о том о сем, и Херб зачитывал мне статейки из «Таймс».

В десять часов мы решили заключить пари. Надо было написать на бумажке время, когда наш объект высунет нос из своего убежища, и тот, кто больше ошибется, заплатит другому по центу за каждую проигранную минуту. Херб уже протягивал мне клочок газеты, чтобы я написал на нем свое время, как вдруг на тротуаре возник Дон О'Нил.

— Отложим, — сказал я. — Это он.

Что бы ни предпринял сейчас О'Нил, все ставило нас в затруднительное положение, поскольку за это время швейцар уже успел обратить на нас внимание. Он даже попытался усадить в такси Херба какого-то пассажира, но получил от ворот поворот. О'Нил бросил в нашу сторону взгляд, и я

вжался в угол, чтобы он меня не заметил. Потом он что-то сказал швейцару, и тот в ответ покачал головой. Хуже этого ничего не могло быть, разве что О'Нил направился бы прямиком к нам и увидел бы меня.

— Мы по уши в дерьме, — заметил Херб. — Он сядет в такси, и нам придется последовать за ним, а когда он вернется, швейцар сообщит, что за ним следят.

— И что прикажешь мне делать? — разозлился я. — Переодеться цветочницей и торговать на углу фиалками? В следующий раз ты сам разработаешь операцию. Кто знает, может быть, мы еще схватим его по обвинению в убийстве? Хотя мне лично кажется, что вся эта слежка за ним — пустая затея. Заводи! Он садится в такси!

Швейцар засвистел в свисток, и такси, следовавшее на юг, развернулось и остановилось у тротуара. Швейцар открыл дверцу, О'Нил сел в машину, и такси умчалось прочь. Херб нажал на газ, и мы тронулись с места.

— Это абзац! — проворчал Херб. — Полный абзац! С таким же успехом мы можем подъехать к нему и спросить, куда он направляется.

— Ты еще не знаешь, что такое абзац, — сказал я. — У него нет причин думать, что за ним следят,

если его что-нибудь не спугнет. А вот тогда наше дело швах. Держись поближе, чтобы не отстать на светофорах.

Херб хорошо знал свое дело. Движение в воскресное утро было небольшое, нас разделяло всего две машины, когда мы следом за О'Нилом выехали на Сорок шестую улицу. Там такси свернуло налево, а через квартал, на Лексингтон-авеню, свернуло направо и через минуту остановилось перед вокзалом Гранд-Сентрал.

Нас по-прежнему разделяли две машины. Херб свернул направо и притормозил, после чего я незаметно вышел, скрытый припаркованным автомобилем, и ухмыльнулся Хербу:

— Ну, что я тебе говорил? Он хочет бежать! Увидимся на суде.

Как только О'Нил рассчитался с таксистом и направился в здание вокзала, я последовал за ним.

Я все еще не верил, что эта затея к чему-нибудь приведет. Лично я отправился бы отсюда в Гринвич на воскресную вечеринку с напитками и, возможно, игрой в покер. Между тем у О'Нила явно не было сомнений по поводу того, куда направиться, поскольку он прошел по длинному коридору, затем пересек главный вестибюль с уверенностью человека, имеющего перед собой

определенную цель. Он явно не подозревал, что является объектом слежки. Наконец он свернул, но не к выходу на платформы, а к лестнице, ведущей к камере хранения на верхнем этаже. Я убавил шаг, не упуская О'Нила из виду, и спрятался за ближайшим углом. Отстояв очередь в несколько человек, О'Нил протянул квитанцию, и через минуту ему вручили какой-то предмет. Хотя я находился футах в тридцати от О'Нила, предмет в его руках меня сразу заинтересовал. Это был небольшой прямоугольный кожаный чемоданчик. О'Нил взял его и направился к выходу. Теперь вероятность быть обнаруженным пугала меня гораздо меньше, чем перспектива упустить О'Нила, и я буквально наступал ему на пятки. Внезапно он остановился, сунул чемоданчик под пальто, прижал поплотнее рукой и застегнулся на все пуговицы. А затем, вместо того чтобы вернуться к выходу на Лексингтон-авеню, он направился к выходу на Сорок вторую улицу и, покинув здание вокзала, повернул налево к отелю «Коммодор», где была стоянка такси. Меня он так и не заметил. После непродолжительного ожидания он сел в подошедшее такси и хотел было захлопнуть дверцу.

Но я решил, что так дело не пойдет. Конечно,

было бы не худо узнать, какой адрес О'Нил назовет водителю, но я понимал, что это не так жизненно важно, поскольку, если из-за какой-нибудь нелепой случайности, с чем сплошь и рядом приходится сталкиваться при наружном наблюдении, я потеряю из вида кожаный чемоданчик, то мне придется искать другую работу, например помогать Хэтти Хардинг пришивать пуговицы.

Я подскочил к такси и придержал дверцу:

— Мистер О'Нил, привет! Вам в пригород? Может, подбросите?

Не дожидаясь приглашения, я уселся рядом с ним и, желая быть хоть сколько-нибудь полезным, захлопнул дверцу.

Сказать, что О'Нил растерялся, — значит ничего не сказать. На его месте любой бы растерялся, ну а чем он хуже других?

О'Нил явно забеспокоился:

— Привет, Гудвин! Откуда вы взялись? Ну, на самом деле я еду… вовсе не в пригород. А наоборот, в центр.

— Решайте, в конце концов, куда вам нужно! — с раздражением воскликнул шофер.

— Не важно, — жизнерадостно сказал я О'Нилу. — Я просто хотел задать вам пару вопросов относительно кожаного чемоданчика, который

вы прячете под пальто. — И добавил, уже шоферу: — Езжайте. На Восьмой улице повернете налево.

— Это не ваша машина! — разъярился шофер. — Что вообще тут происходит? Ограбление?

— Все в порядке, — успокоил его О'Нил. — Это мой приятель. Езжайте.

Машина тронулась. Мы молчали. Мы проехали мимо отеля «Вандербильт» и, дождавшись зеленого сигнала светофора, пересекли Мэдисон-авеню, после чего О'Нил нагнулся к шоферу и сказал:

— На Пятой авеню езжайте на север.

Водитель, задетый в лучших чувствах, ничего не ответил, но, когда мы выехали на Пятую авеню, свернул направо.

— Ладно, — сказал я, — как вам будет угодно. Но я думал, мы могли бы сэкономить время, поехав сразу домой к Ниро Вулфу. Содержимое этого чемоданчика наверняка заинтересует его даже больше, чем меня. Конечно, такси не самое подходящее место, чтобы вступать в дискуссии, тем более что мы явно не приглянулись шоферу.

О'Нил снова наклонился и дал водителю свой домашний адрес на Парк-авеню. Поразмыслив на протяжении трех кварталов, я решил прого-

лосовать против. Из оружия при мне был только перочинный ножик. Так как я с восьми утра наблюдал за домом О'Нила, у меня сложилось впечатление, что заседания исполнительного комитета НАП сегодня не будет, но, если они там и с ними генерал Эрскин, потребуются слишком большие усилия с моей стороны, чтобы уйти оттуда с чемоданчиком. Поэтому, понизив голос, я обратился к О'Нилу:

— Послушайте… Если шофер — а он наверняка сознательный гражданин — поймет из нашего разговора, что дело связано с убийством, то остановится возле первого же копа, которого увидит. Может быть, вам тоже нужен коп? Тогда вас наверняка обрадует, что идея отправиться к вам домой мне не по душе. Если вы будете на ней настаивать, придется показать швейцару свое удостоверение и попросить, чтобы он позвонил в Девятнадцатый полицейский участок на Восточной Шестьдесят седьмой улице, дом сто пятьдесят три, Райнлендер четыре, один-четыре-четыре-пять. Представляете, как переполошится ваш дом? Так почему бы нам не посидеть на скамеечке в парке? Погреемся на солнышке и поговорим без свидетелей. Я понимаю, что выражает ваш взгляд, но даже и не пытайтесь. Ведь я

на двадцать лет моложе вас и каждое утро делаю зарядку.

Сразу перестав походить на тигра перед прыжком, О'Нил наклонился и сказал шоферу:

— Остановитесь.

Вряд ли у него было с собой огнестрельное оружие, но я не хотел, чтобы он шарил по карманам, а потому сам рассчитался за такси. Мы находились на Шестьдесят девятой улице. Когда машина отъехала, мы перешли через дорогу в Центральный парк и уселись на скамье возле ограды. Левой рукой О'Нил поддерживал под пальто чемоданчик.

— Если вы позволите осмотреть мне его снаружи и внутри, это упростит дело. И если там лишь масло с черного рынка, можете идти с миром, — сказал я.

О'Нил повернулся, чтобы посмотреть мне прямо в лицо.

— Послушайте, Гудвин, — произнес он, очень тщательно выбирая слова, — я не буду высказывать негодование по поводу таких вещей, как ваша слежка за мной, да и других вещей также. — (Похоже, он не очень тщательно выбирал слова, так как повторился, но я был слишком хорошо воспитан, чтобы перебивать.) — Я только

хочу объяснить вам, как чемоданчик — учтите, совершенно законным путем — оказался у меня! Я не имею ни малейшего представления, что там находится!

— Давайте посмотрим, — предложил я.

— Нет! — отрезал он. — Насколько вам известно, чемоданчик — это моя собственность.

— Вот как?!

— Именно так. И я вправе осмотреть его сам, без посторонних. Я говорю о моральном праве, а не о юридическом. Ведь вы предложили обратиться в полицию, и с точки зрения закона ваши действия были бы вполне оправданны. Но сперва вы выдвинули идею отправиться к Ниро Вулфу. Вы считаете, что полиция это одобрит?

— Нет, а вот Вулф наверняка одобрит.

— Не сомневаюсь. — О'Нил продолжал настойчиво гнуть свою линию. — Вот видите, ни вы, ни я не желаем вмешательства полиции. Выходит, наши интересы совпадают. Это чисто процедурный вопрос. Давайте взглянем на дело с вашей точки зрения. Вы хотите приехать к своему шефу и сказать: «Вы послали меня сделать свою работу, я ее выполнил, вот вам результаты» — и передать ему чемоданчик. Вот чего вы хотите. Так?

— Совершенно точно. Поехали.

— Поедем, обязательно поедем. Уверяю вас, Гудвин. — Он говорил так проникновенно, что я чуть было не прослезился. — Но какое имеет значение, когда мы поедем? Сейчас или через четыре часа? Никакого! Я никогда в жизни не нарушал слова. Я бизнесмен, а весь американский бизнес зиждется на честности, абсолютной честности! Итак, возвращаемся к моему моральному праву. Мое предложение таково: я отправляюсь в свой офис на Шестой авеню, дом тысяча двести семьдесят, а вы в три часа дня приедете за мной, или мы встретимся, где вам будет угодно, и отвезем кожаный чемоданчик Ниро Вулфу.

— Я не…

— Погодите. Несмотря на бесспорность моих моральных прав, я готов отблагодарить вас, если вы окажете мне услугу. Когда мы с вами встретимся в три часа дня, в знак благодарности я вручу вам тысячу долларов наличными. Кстати, я упустил один пункт. Гарантирую, что Вулф ничего не узнает об этой четырехчасовой задержке. Это легко организовать. Будь у меня с собой деньги, я дал бы вам эту тысячу прямо сейчас. Я никогда в жизни не нарушал обещаний.

Я взглянул на часы и сказал:

— Сойдемся на десяти тысячах.

Он не удивился, разве что опечалился, но печаль его длилась не слишком долго.

— О такой сумме не может быть и речи! — отрезал он, впрочем явно не желая меня обидеть. — Об этом не может быть и речи. Максимум тысяча долларов.

— Интересно, — ухмыльнулся я, — на какую сумму я мог бы вас раскрутить? Однако уже без десяти одиннадцать. Через десять минут мистер Вулф спустится в кабинет. И мне не хочется заставлять его ждать. Проблема в том, что сегодня воскресенье, а по воскресеньям я не беру взяток. Так что забудьте. Выбирайте: либо я и вы с чемоданчиком под полой немедленно поедем к мистеру Вулфу, либо вы отдадите мне чемоданчик, а сами отправитесь погулять или вернетесь к себе немного поспать. В противном случае я подзываю копа — вон того, что прогуливается через дорогу от нас, — и прошу позвонить в участок. Этого, признаюсь, мне хотелось бы меньше всего, но у вас ведь имеется моральное право. До сих пор мне некуда было спешить, но, так как мистер Вулф скоро спустится в кабинет, даю вам две минуты на размышление.

Он сделал еще одну попытку:

— Четыре часа! Всего четыре часа отсрочки! Я

согласен на пять тысяч. Поедемте со мной. Я вам их тут же вручу…

— Нет. Забудьте. Ведь сегодня воскресенье. Пошли. Дайте-ка сюда чемоданчик.

— Я не выпущу его из рук!

— Как вам будет угодно. — Я поднялся, вышел на тротуар и стал ждать такси, не спуская глаз с О’Нила.

Вскоре я остановил свободное такси. Похоже, Дон О’Нил давненько не делал того, что настолько ему претило, как необходимость встать со скамьи, пройти к такси и забраться внутрь, но О’Нил это сделал. Я сел рядом с ним и назвал водителю адрес.

Глава 14

Десять полых черных валиков, примерно три дюйма диаметром и шесть дюймов длиной, стояли двумя ровными рядами на письменном столе Вулфа. Рядом лежал чемоданчик из добротной толстой кожи, слегка поцарапанный и потертый. Сверху на крышке была оттиснута большая цифра «4», а на внутренней стороне приклеена карточка:

БЮРО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН
ПОТОМАК-БИЛДИНГ
ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

Прежде чем приклеить карточку, кто-то напечатал прописными буквами:

ОФИС ЧЕЙНИ БУНА, ДИРЕКТОРА

Я сидел за своим столом, Вулф — за своим. Дон О’Нил, засунув руки в карманы брюк, нервно шагал из угла в угол. Прием проходил в далеко не дружественной обстановке. Я уже предоставил Вулфу полный отчет, упомянув среди прочего

сделанное О'Нилом в последний момент предложение дать мне пять штук. Вулф был настолько самоуверен, что рассматривал любую попытку дать мне взятку как личное оскорбление. Я часто задумывался, кого бы он порицал, если бы я вдруг принял взятку. Себя или меня?

Вулф решительно отверг претензии высокого гостя на моральное право раньше других прослушать записи на валиках, и когда О'Нил понял, что здесь ему ничего не обломится, у него на лице появилось такое выражение, что я решил для вящего спокойствия обыскать его. Оружия я не нашел, что отнюдь не разрядило обстановку, поскольку у нас возникла проблема, как прослушать валики. Завтра, в рабочий день, это было бы проще простого, но в воскресенье… И тут нам на помощь пришел О'Нил. Президент компании «Стенофон» являлся членом НАП, и О'Нил был с ним знаком. Президент жил в Нью-Джерси. О'Нил позвонил ему и, не раскрывая никаких подробностей, попросил о содействии, и тот, связавшись, в свою очередь, с управляющим офисом в Нью-Йорке, который жил в Бруклине, велел взять из демонстрационного зала диктофон и привезти к Вулфу. И вот мы сидели и ждали его. Вернее, сидели мы с Вулфом, а наш гость безостановочно

мерил шагами комнату.

— Мистер О'Нил, — приоткрыл глаза Вулф, — ваше хождение взад-вперед действует крайне раздражающе.

— Я отсюда ни ногой, — не останавливаясь, заявил О'Нил.

— Может, мне его связать? — спросил я.

Проигнорировав мое предложение, Вулф снова обратился к О'Нилу:

— Возможно, нам придется ждать еще час-другой. Что вы имели в виду, говоря, что эта вещь попала к вам законным путем? Не могли бы вы нам это объяснить? Как вы получили чемоданчик законным путем.

— Объясню, когда сочту нужным.

— Вздор! Вы ведь не настолько глупы.

— Убирайтесь к черту!

Вулф не выносил подобного обращения.

— Значит, вы действительно глупец! — резко сказал он. — У вас только две возможности остановить нас с мистером Гудвином: либо прибегнуть к физической силе, либо обратиться в полицию. Первое безнадежно. Мистер Гудвин может согнуть вас в бараний рог и закинуть на полку. А иметь дело с полицией вы определенно не желаете, хотя мне и непонятно почему,

если вы утверждаете, что чемоданчик попал к вам законным путем. Впрочем, у меня есть идея получше. Когда менеджер привезет диктофон и, показав, как им пользоваться, уедет, мистер Гудвин выставит вас на улицу и закроет за собой дверь, после чего мы с ним прослушаем эти валики. Что вы на это скажете?

О'Нил резко остановился и, вынув руки из карманов, оперся на письменный стол:

— Вы этого не сделаете!

— Я — нет. А вот мистер Гудвин сделает.

— Будьте вы прокляты! — Он еще немного постоял в наклонном положении, а затем медленно выпрямился. — Чего вы от меня хотите?

— Узнать, где вы взяли чемоданчик.

— Ладно, расскажу. Вчера вечером…

— Простите. Арчи, блокнот. Продолжайте, сэр.

— Вчера вечером, около половины девятого, мне позвонила женщина и назвалась Дороти Унгер, секретаршей-стенографисткой нью-йоркского отделения Бюро регулирования цен. Она сказала, что совершила чудовищную ошибку: в конверт, адресованный мне, положила то, что следовало отправить другому адресату. Она вспомнила об этом, лишь вернувшись домой, и теперь боится, что босс все узнает и ее уволит.

Она попросила меня, чтобы я, получив конверт, тотчас же переслал письмо ей, и дала свой домашний адрес. Я поинтересовался, что в конверте, и она сказала, что квитанция на получение багажа в камере хранения на вокзале Гранд-Сентрал. Я задал ей еще несколько вопросов и обещал выполнить ее просьбу.

— И вы, конечно же, ей перезвонили, — прервал его Вулф.

— Нет. Она сказала, что у нее дома нет телефона и она звонит из телефонной будки. Сегодня утром я получил конверт, и в нем…

— Но ведь сегодня воскресенье, — заметил Вулф.

— К черту! Я отлично знаю, что сегодня воскресенье! Письмо пришло срочной почтой. В нем находились циркуляры относительно предельных цен и то, о чем она говорила, — квитанция. В будний день я просто позвонил бы в Бюро регулирования цен, но в воскресенье офис, естественно, был закрыт. — О'Нил нетерпеливо махнул рукой. — А впрочем, какая разница, что я хотел сделать или что я подумал! Вы отлично знаете, что я сделал. Да и вообще, вы знаете об этом больше, чем я, так как сами все это и подстроили!

— Понимаю, — приподнял бровь Вулф. — Зна-

чит, вы думаете, что это устроил я, да?

— Не думаю, а уверен! — О'Нил снова оперся на письменный стол. — Я *знаю*, это устроили вы! А что случилось? Разве Гудвин просто так оказался на вокзале?! Признаю, я сделал глупость, явившись к вам в пятницу. Я опасался, что вы уже согласились повесить убийство Буна на кого-то из Бюро регулирования цен или, по крайней мере, на кого-то, не входящего в НАП. А вы тем временем уже готовились повесить это убийство на кого-то из НАП! Лично на меня! Неудивительно, что вы считаете меня глупцом! — Он выпрямился, гневно посмотрел на Вулфа, затем гневно посмотрел на меня, подошел к красному кожаному креслу и, усевшись, сказал совершенно другим тоном, спокойно и сдержанно: — Но вы увидите, что я отнюдь не так глуп, как вам кажется!

— Это заявление ничем не подтверждается, — нахмурившись, отозвался Вулф. — Скажите, у вас с собой конверт, который вы получили утром срочной почтой?

— Нет.

— А где он? Дома?

— Да.

— Тогда позвоните домой и попросите привезти сюда конверт.

— Ни за что! Я отдам его на экспертизу, но только не вам.

— В таком случае вы тем более не узнаете, что записано на валиках, — терпеливо объяснил Вулф. — Мне повторить еще раз для непонятливых?

Но О'Нил даже не пытался спорить. Он воспользовался телефоном на моем столе, набрал номер и попросил кого-то, кого называл дорогой, взять с комода описанный им конверт и отправить с посыльным в офис Ниро Вулфа. Я удивился. Я готов был поставить пять против одного, что или никакого конверта не существует в природе, или его не окажется на комоде, потому что конверт упал на пол и горничная решила, что это мусор. Когда О'Нил снова уселся в красное кожаное кресло, Вулф сказал:

— Вам будет явно нелегко убедить хоть кого-нибудь в том, что все это было подстроено мной и мистером Гудвином. Если вы в этом так уверены, тогда почему не пожелали обратиться в полицию? Как и хотел мистер Гудвин.

— Ничего он не хотел. — О'Нил продолжал сохранять спокойствие. — Он только угрожал.

— Но его угрозы сработали. А почему они сработали?

— Вам отлично известно почему, черт возьми! Потому что мне хотелось знать, что записано на валиках!

— Действительно. Вам так этого хотелось, что вы даже готовы были заплатить пять тысяч. Но почему?

— Я должен отвечать?

— Вовсе нет.

О'Нил задохнулся от возмущения. Должно быть, за эти тридцать минут он уже тридцать раз с трудом сдержался, чтобы не сказать: «Идите к черту!»

— А я отвечу! Потому что у меня, так же как и у вас, есть причины подозревать, что Бун записал на валиках нечто такое, что может иметь отношение к убийству! И если так, я должен знать, что именно.

Вулф укоризненно покачал головой:

— Вы сами себе противоречите. Позавчера, сидя в моем кабинете, вы говорили, что НАП незачем вмешиваться в это дело и что вас лично оно не касается. И еще одно: вы не пытались подкупить мистера Гудвина, чтобы прослушать валики. Нет, вы пытались дать ему взятку за то, чтобы он оставил вас на четыре часа наедине с валиками. Неужели вы хотели обставить и полицию, и ФБР,

и меня?

— Да, хотел, если вы называете это «обставить»! Я не верил вам раньше, а теперь…

Судя по тону нашего гостя, мы задели его за живое.

Я мог бы подробно изложить все, что говорилось. Все записано у меня в блокноте. Однако это того не стоило. Очевидно, Вулф просто-напросто тянул время, а потому решил рассмотреть под микроскопом эпизод со звонком от Дороти Унгер и полученным конвертом. Вулф прошелся по всем обстоятельствам дела от и до, вдоль и поперек, и О'Нил, вопреки природным инстинктам и собственным желаниям, вынужден был оставаться сидеть, поскольку ему не терпелось услышать, что именно записано на валиках. Мне так надоело переливание из пустого в порожнее, что я как ребенок обрадовался, когда у двери раздался звонок.

О'Нил вскочил с кресла и следом за мной бросился в прихожую. На крыльце стояла средних лет круглолицая женщина в фиолетовом пальто. О'Нил, назвав ее Гретти, взял конверт и поблагодарил.

Вернувшись в кабинет, он позволил нам с Вулфом рассмотреть конверт со всех сторон. Это был

фирменный конверт нью-йоркского отделения Бюро регулирования цен. Адрес и фамилия О'Нила напечатаны на пишущей машинке. В правом углу поверх пункта о штрафных санкциях наклеена одна трехцентовая марка, а на пару дюймов левее — еще пять трехцентовых марок. Под марками печатными буквами синим карандашом было написано: «Срочная доставка». В конверте лежал циркуляр бюро от 27 марта — длинный список изделий из меди и латуни с указанием предельных цен на них.

Вулф вернул конверт О'Нилу, и тот сунул его в карман.

— Почтовые служащие с каждым годом становятся все более небрежными, — заметил я. — Марка в углу проштемпелевана, а остальные нет.

— Как? — О'Нил вытащил конверт из кармана и внимательно осмотрел. — Ну и что здесь такого?

— Ничего такого, — успокоил его Вулф. — Просто мистер Гудвин любит похвастаться наблюдательностью. Это ни о чем не говорит.

Я не понимал, почему не могу помочь убить время, да и вообще мне не нравилась манера Вулфа делать мне замечания в присутствии посторонних, особенно из враждебного лагеря, но

только было я раскрыл рот, чтобы выразить свое возмущение, как снова раздался звонок. О'Нил опять последовал за мной, словно проходил испытательный срок в должности швейцара.

Пришел человек из фирмы «Стенофон». О'Нил рассыпался перед ним в благодарностях, извинился, что нарушил его воскресный отдых и так далее и тому подобное, а я помог внести аппарат в дом. Он был не слишком тяжелым, потому что О'Нил объяснил по телефону, что нам нужен не весь диктофон, а только та часть, которая воспроизводит звук. Проигрывающее устройство было на колесиках и в любом случае весило не больше шестидесяти фунтов. Человек из «Стенофона» вкатил устройство в кабинет, где был представлен Вулфу, и за пять минут проинструктировал нас относительно правил пользования, после чего, поскольку был не расположен задерживаться, поспешно откланялся.

Проводив гостя, я вернулся в кабинет. Вулф бросил на меня многозначительный взгляд и сказал:

— А теперь, Арчи, будь добр, подай мистеру О'Нилу пальто и шляпу. Он уже уходит.

О'Нил вытаращился на Вулфа и рассмеялся — или, во всяком случае, издал какой-то странный

звук. За все это время О'Нил впервые позволил себе издать настолько мерзкий звук.

Желая проверить, насколько он в форме, я сделал два шага ему навстречу. Он отступил на три шага. Тогда я остановился и ухмыльнулся ему. Он пытался одновременно смотреть и на меня, и на Вулфа.

— Так вот оно что! — отвратительным тоном сказал он. — Захотели перехитрить Дона О'Нила? Не советую!

— Пф! — Вулф погрозил ему пальцем. — Я ведь не давал вам никаких заверений, что позволю прослушать валики. Было бы неэтично позволить официальному лицу из НАП слушать конфиденциальные записи директора Бюро регулирования цен, даже после того, как он был убит. А кроме того, вы снова ведете себя нелогично. Некоторое время назад вы заявили, что не доверяете мне. Следовательно, вы считали меня ненадежным человеком. А теперь вы делаете вид, будто поражены, обнаружив, что я оказался ненадежным человеком. Совершенно нелогично. — Вулф снова погрозил пальцем. — Итак, сэр? Вы предпочитаете удалиться сами или…

— Я отсюда никуда не уйду!

— Арчи!

Я направился к О'Нилу. На этот раз он не сдвинулся с места. Судя по выражению его лица, он был готов на все. Я взял его за руку и сказал:

— Пойдемте, пойдемте с Арчи... Вы весите не меньше ста восьмидесяти фунтов, и мне будет тяжеловато нести вас на руках.

О'Нил занес правую руку, приготовившись нанести удар мне в челюсть или, по крайней мере, рассчитывая на это, однако при его медлительности он мог поразить лишь неподвижную цель. Я как ни в чем не бывало стал заходить к нему в тыл, чтобы атаковать сзади, но этот сукин сын развернулся и лягнул меня по колену. Не скажу, что мне было очень больно, но я терпеть не могу, когда меня пинают ногами. Поэтому я слегка смазал его левой рукой — мне так было удобнее — по мягкой шее, чуть пониже уха, и О'Нил отлетел к книжным полкам. Я решил, что теперь до него наконец дошло, но он снова попытался меня лягнуть, и мне пришлось ударить его уже правой рукой, причем снова в шею, чтобы поберечь костяшки пальцев. О'Нил покачнулся и рухнул на пол.

Я попросил Вулфа позвонить Фрицу, чтобы тот отпер дверь, и, увидев Фрица в прихожей, подхватил поверженного противника за лодыжки

и через прихожую выволок к двери, а оттуда на крыльцо. Фриц вручил мне его пальто и шляпу, я положил их на лежащее тело и закрыл за собой дверь.

— Он член исполнительного комитета НАП или только председатель банкетной комиссии? Все пытался вспомнить, пока тащил его, — сказал я, вернувшись в кабинет.

— Не люблю драк, — брезгливо произнес Вулф. — Я не велел тебе его бить.

— Он попытался меня лягнуть. И преуспел. В следующий раз будете делать все сами.

Вулфа передернуло.

— А ну-ка, включи аппарат.

Глава 15

Прослушивание десяти валиков заняло у нас больше часа, не считая перерыва на ланч.

Я поставил первый валик, следуя рекомендациям специалиста, но не прошло и нескольких секунд, как Вулф попросил уменьшить скорость. Мне приходилось слышать выступления Чейни Буна по радио и телевидению, и все же я с трудом узнал его голос. На диктофоне он звучал значительно выше, хотя произношение было более отчетливое. Первое начиналось так:

«Шестьсот семьдесят девять. Личное. Дорогой мистер Причард, большое спасибо за Ваше письмо, но я решил не покупать чесапик-бей-ретривера. Хочу попробовать ирландского сеттера. Я ничего не имею против чесапиков, и мое решение объясняется исключительно непредсказуемостью человеческого разума. Искренне Ваш.

Шестьсот восемьдесят. Дорогая миссис Амбрустер, я хорошо помню тот замечательный день и вечер в Сент-Луисе прошлой осенью. И я действительно глубоко сожалею о том, что не могу присутствовать на весенней встрече Вашей

замечательной организации. В следующий раз, когда я приеду в Сент-Луис, то непременно с Вами свяжусь. Я срочно вышлю Вам материалы, которые Вы у меня запросили, а в случае задержки непременно дайте мне знать. С уважением и наилучшими пожеланиями всяческих успехов встрече Вашей организации. Искренне Ваш.

Шестьсот восемьдесят один. Служебное письмо номер… Пусть это будет письмо всем региональным директорам. На имя каждого из них. Прошу немедленно вернуть в наш офис экземпляры предварительного пресс-релиза, датируемого двадцать пятым марта, относительно товаров для дома. Данный пресс-релиз отменяется и не будет распространен. Абзац. Преждевременное раскрытие представителями прессы содержания этого пресс-релиза в очередной раз ставит вопрос о целесообразности рассылки копий предварительных вариантов пресс-релизов в региональные отделения. Обращаюсь к Вам с требованием безотлагательно расследовать в Вашем офисе распространение копий предварительного пресс-релиза, о котором идет речь, направив отчет о результатах расследования лично мне. Ожидаю получить ответ на свой запрос не позднее двадцать восьмого марта. Искренне Ваш.

Шестьсот восемьдесят два. Дорогой мистер Масперо, сердечно благодарю Вас за письмо от шестнадцатого марта и хочу Вас заверить, что его содержание останется строго конфиденциальным. Что, конечно, будет невозможно, если Ваша информация требует предпринять с моей стороны, как должностного лица, официальные действия, но я безусловно отдаю себе отчет о сложностях, которыми чреваты любые попытки…»

Письмо оказалось длинным, не менее чем на три страницы через один интервал, в результате чего на валике осталось место только еще для двух писем и докладной записки для всех офисов. Когда запись закончилась, я вынул валик, вернул его на место и взял валик номер два, между прочим заметив:

— Полагаю, вы обратили внимание на то, что Бун отправлял свои послания на реактивных ракетах и ждал, что ответы региональных директоров прибудут к нему с разрядами молний?

Вулф мрачно кивнул и посмотрел на перекидной календарь:

— Да, тут явно что-то не так… Бун не мог продиктовать это двадцать шестого марта, в день, когда был убит. Он велел региональным директорам

расследовать утечку и предоставить ему отчет к двадцать восьмому марта. Но поскольку служебное письмо отправлено всем региональным директорам, включая Западное побережье, даже с учетом скорости авиапочты и сомнительной возможности провести расследование за один день письмо было надиктовано не позднее двадцать третьего марта, а скорее всего, несколькими днями ранее. Проклятье! Я-то надеялся… — Вулф сжал губы и хмуро поглядел на чемоданчик. — Та женщина сказала, что Бун дал ей чемоданчик номер четыре?

— Вы имеете в виду мисс Гантер?

— А кого же еще, черт побери, я могу иметь в виду?!

— Я и подумал, что вы имеете в виду мисс Фиби Гантер. Если так, то да. Она сообщила, что всего чемоданчиков двенадцать и что Бун дал ей в Комнате убийства тот, на крышке которого оттиснута цифра «четыре». При этом он сказал, что в чемоданчике лежат валики, надиктованные им днем в вашингтонском офисе перед отлетом в Нью-Йорк. Похоже, кто-то пытается нами манипулировать. Ну как, мы слишком разочарованы, чтобы продолжать, или все же прослушаем валик номер два?

— Продолжай.

И я продолжил концерт. После шестого захода нам пришлось прерваться на неторопливый и не слишком веселый ланч. Затем мы вернулись в кабинет и прослушали остальные валики. Ничего интересного на них не было, и хотя некоторые действительно содержали секретные сведения, мы так и не нашли ключа к разгадке. Информация на четырех других валиках, кроме номера один, также прямо или косвенно свидетельствовала о том, что текст был надиктован до двадцать шестого марта.

Я не мог осуждать Вулфа за то, что он пал духом. Помимо всех остальных сложностей, существовало как минимум восемь возможных объяснений, почему в кожаном чемоданчике номер четыре лежали валики, надиктованные раньше дня убийства, и самым простым объяснением было то, что Бун по ошибке взял другой чемоданчик, когда покидал вашингтонский офис. Я уж не говорю о главном вопросе, на который у меня не было не то что ответа, но даже предположения: были ли эти валики всего лишь интермедией или частью главного представления?

Вулф переваривал ланч, откинувшись на спинку кресла, и со стороны могло показаться, хотя,

конечно, не мне, что он крепко спит. Он даже не шелохнулся, когда я откатил аппарат в угол. Но когда я подошел к письменному столу и принялся укладывать валики в чемоданчик, то увидел, что Вулф чуть-чуть приоткрыл веки.

Затем он покачал головой:

— Тебе стоит прослушать их снова и все расшифровать. В четырех экземплярах. — Вулф посмотрел на настенные часы. — Через тридцать пять минут я поднимусь наверх. Вот тогда и начнешь.

— Хорошо, сэр. — Я был мрачнее тучи. — Я этого ожидал.

— Неужели? А вот я — нет.

— Я ожидал не того, что записи окажутся старыми, а того, что мне придется печатать на машинке. Это дело опустилось на неприлично низкий уровень.

— Не трави мне душу. Я свалял дурака, взявшись за это дело, — сказал он. — В оранжерее все равно не хватает места для Cattleya. Я мог бы продать пятьсот растений и выручить двенадцать тысяч долларов. — Он приоткрыл глаза. — Когда запишешь все, что на валиках, отнеси чемоданчик мистеру Кремеру и расскажи, как мы его заполучили.

— Рассказать ему все?

— Да. Но перед уходом напечатай еще кое-что. Возьми блокнот. Это письмо отправишь всем, кто был у нас в пятницу вечером. Записывай. — Он сморщил лоб, подыскивая подходящие слова, и принялся диктовать: — «Поскольку Вы, любезно приняв мое приглашение явиться ко мне в пятницу вечером, высказали мнение, согласно которому заявление мисс Гантер о том, что она забыла кожаный чемоданчик на подоконнике в гостиной отеля „Уолдорф“, не заслуживает доверия, считаю необходимым довести до Вашего сведения следующее». Абзац. «Мистеру О'Нилу была прислана по почте квитанция на получение в камере хранения на вокзале Гранд-Сентрал посылки, оказавшейся вышеупомянутым кожаным чемоданчиком номер четыре, о котором говорила мисс Гантер. Однако на большинстве валиков, находившихся в нем, письма были надиктованы мистером Буном до двадцать шестого марта. Извещаю Вас об этом в целях восстановления справедливости в отношении мисс Гантер».

— Все? — спросил я.

— Да.

— Кремер придет в ярость.

— Бесспорно. Первым делом отправь письма,

затем отнеси Кремеру чемоданчик с валиками и пригласи сюда мисс Гантер.

— Гантер, Фиби Гантер?!

— Да.

— Это опасно. Вам не кажется, что крайне рискованно доверять мне эту даму?

— Рискованно, но я хочу ее видеть.

— Что ж, за последствия будете отвечать вы.

Глава 16

Еще два часа изматывающего монотонного труда. Десять валиков. Четыре экземпляра. Более того, эта работа была мне в новинку, и я раз двадцать регулировал скорость, пока наконец не навострился. Закончив печатать текст и пронумеровав страницы, я отдал оригинал Вулфу, который к тому времени уже вернулся в кабинет, положил первые две копии в сейф, а четвертую сложил и сунул в карман. Затем мне пришлось напечатать еще дюжину писем и адреса на таком же количестве конвертов. После чего Вулф подписал письма, разложил по конвертам, а конверты запечатал. Иногда у него случаются неконтролируемые вспышки лихорадочной деятельности. Между тем пришло время обеда, но я решил не разводить канитель в столовой, а поесть на скорую руку на кухне.

Я позвонил в отдел расследования убийств удостовериться, что Кремер на месте, чтобы потом не пришлось иметь дело с лейтенантом Роуклиффом, чье убийство, надеюсь, в один прекрасный день мне еще предстоит расследовать. А еще я

позвонил на квартиру Фиби Гантер, но никто не ответил. Выведя из гаража машину, я в первую очередь поехал на Восьмую авеню на почту отправить письма, а потом — на Двадцатую улицу.

После десяти минут разговора с Кремером он произнес:

— Очень интересно, будь я проклят! — А еще через двадцать минут повторил: — Очень интересно, будь я проклят!

Было ясно как день, что Кремер по пояс увяз в болоте. Если бы у него была твердая почва под ногами, он принялся бы козырять передо мной своими полномочиями и проклинать нас с Вулфом за задержку улики на девять часов четырнадцать минут, угрожать и предупреждать. Но сейчас в какой-то момент мне даже показалось, что он вот-вот меня поблагодарит. Очевидно, он был в отчаянии.

Я ушел от Кремера, храня один экземпляр расшифровки в кармане, потому что он предназначался не для инспектора. Если уж везти Фиби Гантер к Вулфу, то желательно до того, как Кремер устроит облаву. Хотя вполне естественно, что сперва он захочет узнать, что записано на валиках. Тогда я получу некоторую отсрочку. Поэтому я говорил весьма расплывчато и не стал

ставить его в известность, что расшифровал текст на валиках.

Короче, я постарался как можно скорее оказаться на Пятьдесят пятой улице.

Швейцар позвонил наверх, в очередной раз удивленно вытаращился, узнав по телефону, что меня примут, сказал, чтобы я поднимался, и дал добро лифтеру. Фиби открыла мне дверь и пригласила войти. Положив пальто и шляпу на стул, я последовал за ней в комнату, и там, в темном углу, как и в прошлый раз, сидел Элджер Кейтс.

Не спорю, я бываю частенько слишком прямолинеен, но уж грубым меня точно не назовешь. И тем не менее, снова увидев в квартире у Фиби Кейтса, я сказал то, что сказал. Впрочем, мои слова можно было интерпретировать по-разному. Хотя я не считаю, будто Фиби Гантер дергает меня за ниточки, не стану отрицать, что уставился на Элджера Кейтса и строго спросил:

— Вы что, здесь живете?

Он посмотрел на меня в упор:

— Если вас это интересует, то да, живу.

— Садитесь, мистер Гудвин, — кажется, улыбнулась Фиби, усаживаясь на диван. — Я вам все объясню. Мистер Кейтс живет здесь, когда бывает в Нью-Йорке. Это квартира его жены. Она оста-

вила ее, так как терпеть не может Вашингтон, но сейчас она во Флориде. Я не смогла достать номер в отеле, и мистер Кейтс уступил мне квартиру, а сам перебрался к друзьям на Одиннадцатую улицу. Этого достаточно для нашего оправдания?

Я, естественно, почувствовал себя полным дураком.

— Что ж, я наведу справки в Федеральном жилищном агентстве и посмотрю, что можно сделать, — отшутился я. — Однако мне нужно спешить. Ведь все зависит от того, захочет ли устроить гонку инспектор Кремер. Я звонил вам час назад, но никто не ответил.

Она потянулась за сигаретами:

— Неужели я и тут должна перед вами оправдываться? Я выходила поесть.

— Вам, случайно, не звонили из отдела Кремера?

— Нет. — Она нахмурилась. — Я нужна ему? А зачем?

— Он наверняка захочет поговорить с вами или прямо сейчас, или в ближайшее время. — Следуя служебному долгу, я не сводил с Фиби глаз, чтобы увидеть ее реакцию. — Я только что отвез ему чемоданчик с валиками, который вы оставили на подоконнике во вторник вечером.

Не думаю, что мой голос звучал угрожающе, поскольку тогда я не считал, что представляю для мисс Гантер угрозу. Однако Элджер Кейтс резко вскочил, словно я замахнулся на Фиби Гантер разводным ключом, и тут же опустился на место. Мисс Гантер задержала сигарету на полпути ко рту, но даже не вздрогнула, разве что мышцы на шее напряглись.

— Чемоданчик? С валиками?

— Да, мэм.

— А вы… И что на них?

— О, это долгая история…

— И где вы нашли чемоданчик?

— Другая долгая история. Мы еще к этому вернемся, а пока нужно спешить. Кремер каждую минуту может прислать за вами или даже приехать сам, если только не начнет прослушивать валики. Так или иначе, мистер Вулф хочет побеседовать с вами до Кремера, и я…

— А вам известно, что там записано?

Кейтс покинул свой темный угол и приблизился к дивану в полной готовности дать отпор врагу. Не обращая на него внимания, я сказал:

— Конечно известно. Так же, как и мистеру Вулфу. Мы достали специальный аппарат и прослушали все до единого. Интересно, но бес-

полезно. Но вот что примечательно: все они надиктованы не во вторник, а значительно раньше, причем некоторые чуть ли не неделю назад. Я бы сказал…

— Но это невозможно!

— Нет, очень даже возможно. Я хочу…

— Откуда вы знаете?

— Даты и содержание. Совершенно точно. — Я встал. — Я начинаю нервничать. Как я уже говорил, мистер Вулф желает вас видеть. От Кремера можно ждать чего угодно, особенно сейчас, когда он хватается за соломинку. Так что поспешим. Если хотите, Кейтс может поехать с вами в качестве телохранителя. У меня в кармане расшифровка текста на валиках. Вы можете взглянуть по дороге, и я скажу…

И тут в дверь позвонили. Поскольку я уже дважды слышал этот звонок, хотя и стоя по другую сторону двери, я твердо знал, кто пришел.

«Черт подери!» — подумал я и спросил шепотом:

— Вы кого-нибудь ждете?

Она покачала головой, и ее взгляд, устремленный прямо на меня, ясно говорил, что теперь моя очередь угадывать мелодию в одноименной игре. Хотя, конечно, все было бесполезно.

Я сразу сообразил, что если уж человек прошел мимо швейцара, то наверняка осведомлен о моем присутствии. И все же попытка не пытка. Я приложил палец к губам, и мы затаили дыхание. Правда, выражение лица Кейтса явно говорило: «Я делаю это не ради вас, мистер!» Немая сцена продолжалась секунд десять, затем из-за двери послышался хорошо знакомый голос сержанта Пэрли Стеббинса:

— Да ладно вам, Гудвин! Какого черта!

Я отпер дверь. Грубо оттолкнув меня, Пэрли прошел в комнату и, сняв фуражку, попробовал изобразить из себя джентльмена:

— Добрый день, мисс Гантер. Добрый день, мистер Кейтс. Мисс Гантер, инспектор Кремер будет чрезвычайно признателен, если вы соблаговолите приехать к нему в управление. Он хотел бы вам кое-что показать. У него находятся известные вам валики…

— Что, Пэрли, сразу берешь быка за рога? — заметил я.

— Ах, ты все еще здесь? — Он повертел своей большой пустой головой. — Ты еще здесь? А я думал, ты уже ушел. Инспектору будет приятно узнать, что я с тобой столкнулся.

— Чушь! — осадил я его. — Мисс Гантер, вам,

конечно, известно, что вы вольны в своих действиях. Некоторые думают, что, если государственный служащий приходит за ними, они обязаны подчиниться. Это заблуждение. У него должно быть для этого специальное предписание, которого нет у сержанта Стеббинса.

— Это правда? — спросила меня мисс Гантер.

— Да. Истинная правда.

Когда вошел Пэрли, мисс Гантер тотчас же встала. И теперь она подошла ко мне и остановилась, глядя мне прямо в глаза. Ей не пришлось скашивать глаза, так как они находились на пять дюймов ниже моих, потому мы оба не чувствовали напряжения.

— А знаете, — сказала она, — похоже, вы умеете меня уговорить. Учитывая, что мне известно о копах и об их отношении к людям со связями, положением в обществе и деньгами, а также притом, что я вас совсем не знаю, пусть даже ваш босс нанят НАП, я, пожалуй, скорее доверила бы вам подержать мою сумочку, если мне понадобится поправить подвязку. Так что решайте за меня. Мне поехать с вами к мистеру Вулфу или отправиться с этим дородным сержантом? Как скажете, так и будет.

И тут я совершил ошибку. И не то чтобы я особо

сожалел об этой ошибке, поскольку на жизненном пути я должен был получить свою долю всего, что мне причитается, включая ошибки. Проблема была в том, как я сейчас понял, что я совершил ошибку не ради себя, и не ради Вулфа, и не для пользы дела, а исключительно ради Фиби Гантер. Я был бы безмерно счастлив проводить ее к моей машине под аккомпанемент сердитого ворчания бредущего следом Пэрли. Вулф ничего так не любил, как играть на нервах у Кремера. Но я знал, что, если отвезу мисс Гантер к нам, Пэрли все равно останется ждать возле дома Вулфа и, дождавшись, когда она освободится, доставит Фиби в уголовную полицию, где ее, возможно, продержат всю ночь, или, наоборот, Фиби откажется ехать и тогда никогда не узнает, чем кончилось дело. Я совершил ошибку, поскольку решил, что мисс Гантер нужно немного поспать. Она сама говорила, что чем больше устает, тем лучше выглядит, и, глядя на нее, я понял, что она вконец измотана.

Итак, я сказал:

— Глубоко ценю ваше доверие, которое я действительно заслужил. Но лучше сами подержите сумочку, пока я буду поправлять вашу подвязку. Ну а сейчас, сколь ни горько в этом признаться, я

советую принять приглашение мистера Кремера. Мы еще увидимся.

Двадцать минут спустя я вошел в кабинет и доложил Вулфу:

— Пэрли Стеббинс явился за мисс Гантер до того, как я успел увезти ее, и он понравился ей больше. Она находится сейчас на Двадцатой улице.

Итак, я не только совершил ошибку, но и соврал боссу.

Глава 17

Того, что случилось в понедельник, впрочем, как и в любой другой день, хватило бы на целую бухгалтерскую книгу, если бы я хотел записывать все события. Утром Вулф первым делом представил свидетельства того, как мы продвигаемся, а скорее, не продвигаемся, пригласив во время завтрака к себе в комнату Сола Пензера и Билла Гора для приватного инструктажа. Излюбленный прием Вулфа, которым он пользовался, чтобы избежать критики с моей стороны. По идее, весь смысл состоял в том, что, если я вставлял замечания об инертности, или о возрасте, который берет свое, или о чем-то подобном, Вулф всегда мог заткнуть мне рот, демонстрируя, что работает как черт, руководя Солом и Биллом, и что все вместе они жнут не покладая рук. Ну а кроме того, посвящать меня в их секреты было бы небезопасно, поскольку у меня все написано на лице. Меня доставало лишь то, что я знал, что он знал, что все это туфта.

Собранные к этому времени Солом и Биллом снопы нисколько не утолили голода. Охапки

слов, напечатанных на машинке и размноженных на мимеографе, который Билл Гор приволок из НАП, могли бы помочь на неделю удержать подальше от греха расследователей из журналов «Тайм» или «Лайф». Вот, пожалуй, и все, на что это годилось. Отчет Сола Пензера о последнем уик-энде в «Уолдорфе» оказался вполне предсказуемым. Пожалуй, ни один человек, если только его инициалы не «А. Г.», не сработал бы лучше, хотя в результате было установлено лишь то, что на месте преступления не удалось обнаружить даже волоска с головы убийцы. Чего ради Вулф продолжал швырять на ветер пятьдесят баксов в день, остается загадкой, но это, как я уже говорил, вероятно, не мое дело.

Связи с Общественностью снова встали на ноги, сделали глубокий вдох и издали боевой клич. В «Таймс» вышла заметка на целую полосу за подписью Национальной ассоциации промышленников с предупреждением о том, что Бюро регулирования цен не только снимет с нас рубаху и штаны, но и сдерет наши шкуры. И хотя об убийстве не говорилось ни слова, был сделан прозрачный намек на то, что, несмотря на стремление НАП спасти страну от далекоидущих коварных планов БРЦ, нелепо предполагать,

будто НАП имеет хоть какое-то отношение к устранению Чейни Буна. Правда, в этой стратегии был один крошечный недостаток: она воздействовала лишь на тех, кто уже согласился с НАП по поводу того, кто именно имел оные штаны и рубахи.

Неожиданной проблемой понедельника стали телефонные звонки. Мне не удавалось прорваться сквозь шквал поступающих нам звонков. Я попытался с утра пораньше дозвониться до Фиби Гантер, но безуспешно. Телефон в квартире на Пятьдесят пятой улице молчал. В девять тридцать я позвонил в офис БРЦ, где мне ответили, что мисс Гантер еще не пришла, и никто, похоже, не знал, будет она или нет. В десять тридцать мне сообщили, что мисс Гантер на месте, но сейчас она у мистера Декстера, а потому лучше позвонить чуть позже. Уже гораздо позже, около полудня, она все еще была занята с мистером Декстером. В двенадцать тридцать она отправилась на ланч, но ей передали мою просьбу срочно перезвонить мне. В тринадцать тридцать она еще не вернулась. В четырнадцать часов мне сообщили, что она уже не вернется, и никто, с кем мне удалось связаться, не знал, где она сейчас. Со стороны может показаться, что такого простофилю, как я,

легко можно водить за нос, и тем не менее я уже успел получить два чувствительных удара. Очевидно, в БРЦ не было человека — от телефонисток на коммутаторе до регионального директора, — который был бы не в курсе, что Ниро Вулф, как сформулировал Элджер Кейтс, получает деньги от НАП, а потому все вели себя соответственно. Когда же я сделал попытку поговорить с Дороти Унгер, стенографисткой, которая звонила Дону О'Нилу в субботу вечером, оказалось, что никто даже не слышал о такой!

Того, что я получил за свои деньги на исходящие звонки, вполне хватило бы на то, чтобы потребовать от телефонной компании снизить тарифы на телефон. Не лучше было и с входящими звонками. Кроме назойливых репортеров, непременно желавших устроиться в первых рядах на случай, если вдруг Ниро Вулф решит провести брифинг для журналистов, возникли и непредвиденные осложнения с клиентами по поводу разосланных Вулфом писем насчет обнаруженных валиков. Статья в «Таймс», возможно, и указывала на то, что НАП выступала единым фронтом, но вот о телефонных звонках этого сказать было нельзя. У каждого звонившего была своя линия поведения. По мнению Уинтерхоффа,

сделанное в письме допущение, будто обнаружение валиков оправдывает мисс Гантер, ничем не обосновано и, наоборот, лишь усиливает подозрение, что мисс Гантер солгала, поскольку квитанция была отправлена О'Нилу в конверте БРЦ. Бреслоу, естественно, пребывал в такой ярости, что позвонил дважды — утром и днем. На сей раз его разозлил тот факт, что мы слишком широко распространили новость о валиках. В интересах правосудия нам следовало оставить это дело между нами и копами. Он обвинил нас, что мы пытаемся произвести впечатление на исполнительный комитет и доказать, будто не зря едим свой хлеб, в результате чего создали чертову кучу проблем. При этом нам следовало думать лишь о двух вещах: как задержать убийцу и как доказать его вину. Даже семейство Эрскин разделилось. У Фрэнка Томаса Эрскина, отца, претензий в принципе не имелось. Впрочем, ему кое-что было нужно, а именно полный текст записей на валиках. Он не возмущался, хотя был до крайности удивлен. Ситуация казалась ему предельно ясной. Поскольку Вулф нанят НАП, вся добытая им информация являлась собственностью ассоциации, а потому любая попытка лишить их доступа к законной собственности

является преступной, злонамеренной и безнравственной. Он продолжал настаивать на своих правах до тех пор, пока не понял, что это бесполезно, после чего распрощался с Вулфом, явно не держа на него зла.

Его сын Эд оказался конкретнее, но гораздо смешнее. Если все хотели разговаривать только с Вулфом, а не со мной, то ему было без разницы. Он сказал, что вполне удовлетворится разговором со мной, поскольку ему нужно задать всего лишь один вопрос: можно ли верить заявлению О'Нила, будто тот получил квитанцию в конверте, доставленном ему по почте? Я ответил, что нам это известно только со слов самого О'Нила, хотя мы и видели конверт, но теперь этим занимается полиция и поэтому лучше всего обратиться прямо к ним. «Весьма обязан», — сказал он и повесил трубку.

Весь день я ждал звонка от Дона О'Нила, но он не подавал о себе знать. Из чего я сделал вывод, что исполнительный комитет решил провести совещание, чтобы выработать линию поведения.

День прошел, наступили сумерки, и я зажег свет. Перед обедом я еще раз попробовал дозвониться на Пятьдесят пятую улицу, но Фиби Гантер не оказалось дома. Обед непривычно затянулся,

а значит, Вулф пребывал в полной растерянности. Всю свою энергию он направил на то, чтобы держать свои мысли при себе и постараться меня успокоить, а потому ел больше обычного. После обеда, вернувшись в кабинет, я еще раз попытался дозвониться до квартиры на Пятьдесят пятой улице, но, увы, с тем же результатом. Тогда я растянулся на диване, размышляя о том, как бы вызвать у Вулфа трудовой энтузиазм, и тут кто-то позвонил в дверь. Я направился в прихожую и распахнул дверь, даже не потрудившись посмотреть, кто к нам пожаловал. Лично я был бы рад любому посетителю, даже Бреслоу, явившемуся для дружеской беседы.

В дом вошли двое. Я попросил их снять пальто, подошел к двери кабинета и объявил:

— Инспектор Кремер и мистер Соломон Декстер.

Вулф вздохнул и буркнул:

— Проси.

Глава 18

Соломон Декстер страдал недержанием речи. Полагаю, как у исполнительного директора БРЦ, у него была масса тем для разговоров, включая такие, как выборы в конгресс и статья НАП в утреннем номере «Таймс», не говоря уже о нераскрытом убийстве его предшественника. Вулф же органически не терпит болтливых людей. Поэтому он сердито нахмурился, когда Декстер, даже не поздоровавшись, выпалил:

— Ничего не понимаю! Я справлялся о вас в ФБР и у армейского начальства, и все они подтвердили вашу безупречную репутацию, да и вообще отзывались о вас очень хорошо! Как же вы могли связаться с самой грязной шайкой лжецов и головорезов на всем белом свете?! Как, черт возьми, это объяснить?!

— Вы на грани нервного срыва, — заметил Вулф.

— При чем тут мой нервный срыв?! — не унимался Декстер. — Совершено самое черное злодеяние в истории страны, за которым стоит гнусная банда. И любой, любой человек, который

связывает себя с ней, недостоин…

— Пожалуйста, не нужно на меня так кричать! — перебил его Вулф. — Вы слишком взволнованы. Ваше волнение можно понять, но мистеру Кремеру не следовало приводить вас сюда в таком состоянии. Мистер Кремер, чего он от меня хочет?

— Да он подозревает, что этот фокус с валиками устроили вы. Чтобы создать впечатление, будто они все это время находились в Бюро регулирования цен, которое хочет свалить вину на НАП, — проворчал в ответ Кремер.

— Пф! И вы разделяете его подозрение?

— Нет. Вы бы обтяпали все более тонко.

Вулф снова перевел взгляд на Декстера:

— Если вы, мистер Декстер, всего лишь хотите спросить, подстроил ли я эту историю с валиками, то я отвечу вам отрицательно. Еще вопросы имеются?

Вынув из кармана носовой платок, Декстер промокнул лицо. Я не заметил у него на лице никакой влаги, на улице было прохладно, да и в комнате не слишком жарко, но, очевидно, у него возникла потребность что-нибудь промокнуть. Возможно, это в нем заговорил лесоруб. Декстер бессильно уронил руку с платком и посмотрел

на Вулфа, словно пытаясь вспомнить следующую реплику, идущую по сценарию.

— Среди служащих бюро ни в Нью-Йорке, ни в Вашингтоне нет никакой Дороти Унгер! — заявил он.

— Силы небесные! — раздраженно произнес Вулф. — Конечно же нет!

— Что вы этим хотите сказать?

— Я хочу сказать, что такой особы и не могло существовать. Это же очевидно. Человек, проделавший фокус-покус с квитанцией на посылку, будь то сам мистер О'Нил или кто-то другой, должен был выдумать Дороти Унгер.

— Вам виднее! — разъярился Декстер.

— Вздор! — Вулф помахал у него перед носом пальцем. — Мистер Декстер, если вы собираетесь вести себя подобным образом, то вам лучше уйти. Вы обвиняете меня в том, что я «связался» с негодяями. Но я вообще ни с кем не связан. Меня пригласили сделать определенную работу, найти убийцу и получить достаточно доказательств, чтобы его осудить. Если у вас имеются…

— Как далеко вы продвинулись в ваших розысках? — вмешался Кремер.

— Ну… — Вулф ухмыльнулся, а когда он ухмыляется, то становится совершенно невыносим. — Уж

наверное, дальше, чем вы. Иначе вас бы тут не было!

— Ну да, прошлым вечером я так и не понял, почему вы не ткнули пальцем в убийцу, чтобы я мог его арестовать, — саркастически заметил Кремер.

— Так же, как и я, — согласился Вулф. — В какой-то момент мне показалось это возможным, когда один из присутствовавших сказал нечто весьма примечательное, но мне не удалось…

— Что сказал? И кто именно?

Вулф покачал головой:

— Я сам до сих пор над этим думаю… — Судя по его тону, все силы 82-й воздушно-десантной дивизии, от побережья до побережья, были брошены на решение этой задачи. После чего Вулф решил бросить Кремеру мягкий упрек: — Вы все испортили и прогнали их прочь. Если бы вы вели себя как зрелый следователь, а не как капризный ребенок, я мог бы кое-чего достичь…

— Виноват, каюсь. И готов на все, чтобы поправить дело. Все, что скажете. Почему бы вам не попросить меня прямо сейчас собрать их здесь?

— Отличная мысль! — В приливе энтузиазма Вулф даже выпрямился в кресле. — Отличная! Прошу вас. Воспользуйтесь телефоном мистера

Гудвина.

— Ей-богу, вы меня удивляете! — уставился на него Кремер. — Неужели вы решили, что я это серьезно?

— Лично я — очень серьезно, — кивнул Вулф. — Вы бы не пришли сюда, если бы не были в отчаянном положении. Вы не были бы в отчаянном положении, если бы придумали, какие еще вопросы и кому следует задать. Вот потому-то вы и пришли. Чтобы я подсказал вам идею для новых вопросов. Вызовите этих людей ко мне, и посмотрим, что я могу для вас сделать.

— Что этот человек о себе возомнил?! — обернулся к инспектору Декстер.

Кремер, хмуро глядя на Вулфа, промолчал. Через несколько секунд он поднялся и с тем же хмурым выражением лица подошел к моему столу. Я уже набирал номер Уоткинс 9-8242. Он взял трубку, сел на угол стола и еще больше нахмурился.

— Горовиц? Инспектор Кремер. Я звоню из кабинета Ниро Вулфа. Позовите лейтенанта Роуклиффа. Джордж? Нет, это не то, что ты думаешь. Я недавно сюда пришел. Что слышно от начальства? Да. Да? Подшей в папку «Ч» для чепухи. Нет. Слушай меня внимательно. Возьми список

лиц, которые были у Вулфа в пятницу вечером, посади еще кого-нибудь за телефон, обзвони всех и попроси немедленно приехать к Вулфу. Знаю, знаю, но ты им скажи. Да, и не забудь позвонить Фиби Гантер. Минутку… — Он обернулся к Вулфу. — Кого-нибудь еще? — Вулф покачал головой, и Кремер продолжил: — Всё. Сейчас же пришли сюда Стеббинса. Разыщи их, где бы они ни были. Добейся, чтобы приехали. Если нужно, пошли за ними людей. Да, я знаю. Конечно, они поднимут шум. Но какая мне разница, из-за чего я потеряю работу, если я так или иначе ее потеряю. Вулф говорит, я в отчаянии, а ты ведь знаешь, он хороший физиономист. Действуй! — Кремер вернулся в красное кожаное кресло, достал сигару, вонзил в нее зубы и хрипло сказал: — Вот уж не думал, что дойду до такого…

— Откровенно говоря, — пробормотал Вулф, — меня удивил ваш приход. Мне казалось, что, имея на руках те козыри, которыми мы с мистером Гудвином снабдили вас вчера, вы должны были продвинуться достаточно далеко.

— Ну да. — Кремер яростно жевал сигару. — Пожалуй, мне еще никогда не приходилось блуждать в таких потемках. Хотя вы с Гудвином мне здорово помогли. Во-первых…

— Извините, — сказал Декстер, вставая. — Мне нужно позвонить.

— Если желаете, чтобы вас никто не слышал, наверху есть телефон, — предложил я.

— Нет уж, благодарствую. — Он довольно невежливо взглянул на меня. — Пожалуй, пойду поищу телефонную будку. — Он направился к двери, затем остановился, бросил через плечо, что вернется через полчаса, и ушел.

Я отправился в прихожую проверить, не зацепился ли он ненароком за порог, и, когда входная дверь закрылась, вернулся в кабинет.

— Сейчас мы еще дальше от цели, чем раньше, — сказал Кремер. — Сплошные белые пятна. Если вас интересуют какие-то детали, то спрашивайте, не стесняйтесь.

— Фотокарточка, техпаспорт на автомобиль, полученные миссис Бун по почте. Конверт? — пробормотал Вулф. — Хотите пива?

— Да. Отпечатки пальцев и все такое прочее отсутствуют. Отправлено в пятницу в восемь часов вечера из центра города. Отправитель не установлен. Ну и как, спрашивается, проверить, кто купил конверт в одном из дешевых магазинчиков?

— Арчи может попробовать. — Когда в разго-

воре с Кремером Вулф называл меня Арчи, это означало, что он настроен крайне дружелюбно. Обычно он говорил «мистер Гудвин». — Что вы узнали о валиках?

— Они были надиктованы Буном девятнадцатого марта и перепечатаны мисс Гантер двадцатого. Копии находятся в Вашингтоне, ФБР их проверило. Мисс Гантер ничего не понимает, но предполагает, что Бун взял не тот чемоданчик, когда во вторник днем уезжал из офиса. Хотя, если верить мисс Гантер, подобные ошибки были мистеру Буну несвойственны. Но если так, то валики, которые он надиктовал во вторник, должны были остаться в его кабинете, а их нет. Никаких следов! Впрочем, имеется и другая возможность. Мы потребовали, чтобы все причастные к этому делу не покидали город. Однако в четверг Бюро регулирования цен попросило дать разрешение мисс Гантер отправиться по срочному делу в Вашингтон, и мы разрешили. Она вернулась в тот же день самолетом. У нее с собой был чемодан.

Вулф вздрогнул. Мысль о том, что кто-то может добровольно летать на самолетах, приводила его в ужас. Он бросил быстрый взгляд на Кремера:

— Вижу, что вы ничего не упустили. Мисс Ган-

тер ездила в Вашингтон одна?

— Туда — одна. Обратно вернулась с Декстером и еще двумя сотрудниками бюро.

— Мисс Гантер не составило труда объяснить свою поездку?

— Этой женщине не составит труда объяснить что угодно.

— Полагаю, — кивнул Вулф, — Арчи с вами согласится.

Фриц принес пиво и разлил по стаканам.

— Надеюсь, вы уже побеседовали с мистером О'Нилом? — спросил Вулф.

— Побеседовал?! — Кремер всплеснул руками, не выпуская стакана с пивом. — Святая Агнесса! Он у меня запел, как птичка.

— Да, поговорить он любит. Как вам уже говорил Арчи, он проявил нездоровый интерес к записям на валиках.

— И до сих пор проявляет. — Кремер ополовинил стакан с пивом и передохнул. — Этот дурень рассчитывал, что сможет оставить конверт у себя. Хотел нанять частного детектива, только не вас, чтобы проверить конверт. — Кремер сделал еще глоток. — Наглядная иллюстрация того, что представляет собой это дело. Казалось бы, о такой улике можно только мечтать. Фирмен-

ный конверт Бюро регулирования цен, срочная доставка, одна марка погашена, остальные нет, напечатанный на машинке адрес… Нужно ли вам рассказывать, чего мы только не проделали, включая проверку тысячи пишущих машинок?

— Пожалуй, нет.

— Я тоже так думаю. На это ушла бы вся ночь. Проклятая почта заявляет, что ничем не может нам помочь, так как у них полно новеньких неопытных девиц. Ставят они штемпель на марки, не ставят они штемпель на марки — черт их разберет! — Кремер налил себе еще стакан. — Вы ведь слышали, как я сострил, разговаривая с Роуклиффом, по поводу потери работы.

— Вздор! — отмахнулся Вулф.

— Да, я знаю, — согласился Кремер. — Со мной такое уже бывало. Хотя это начинает входить в привычку. Конечно, все инспекторы говорят каждый вечер своим женам, что наутро могут стать капитанами. Но на этот раз я действительно ни в чем не уверен. С точки зрения инспектора отдела расследования убийств, атомная бомба просто фейерверк по сравнению с этим делом. У комиссара вообще началась пляска святого Витта. Окружной прокурор пытается делать вид, что его черед наступит, только когда придет время

отбирать присяжных. Мэра по ночам мучают кошмары, и он считает, что, если бы не существовало уголовной полиции, не было бы и убийств, по крайней мере тех, в которых замешаны столь высокопоставленные граждане. Короче говоря, во всем виноват я один. С одной стороны, я не должен слишком сурово обращаться с кристально честными людьми, нанимающими экспертов по налогообложению, чтобы быть уверенными, что они не обманывают правительство. А с другой — нельзя забывать про общественное мнение, которое требует, чтобы убийца Чейни Буна не остался безнаказанным. Уже прошло шесть дней после убийства, а я все еще сижу здесь и плачусь вам в жилетку. — Он залпом осушил стакан, поставил его и вытер рот рукой. — Таково положение дел, мой толстый друг, как говорил Чарли Маккарти Герберту Гуверу. Вот видите, я даже передаю вам руль, и надолго, так что вы вполне успеете завезти меня в канаву. Мне отлично известно, что ни один из ваших прежних клиентов не подозревался в убийстве, но в данном случае…

— Моим клиентом является не какой-то конкретный человек, а ассоциация, — перебил Вулф. — Ассоциация не может быть убийцей.

— А возможно, и нет. Даже если и так, я знаю, как вы работаете. Если вы считаете необходимым в интересах клиента… А вот, похоже, и он.

В дверь позвонили. Я пошел открывать. Передо мной стояла прекрасная представительница нашего коллективного клиента в лице Хэтти Хардинг. Она явно запыхалась. Едва переступив порог, она схватила меня за руку:

— Что случилось? Неужели они нашли…

Я погладил ее по плечу свободной рукой:

— Нет-нет, успокойтесь. Вы слишком напряжены. Просто мы решили созывать наши совещания дважды в неделю.

Я провел ее в кабинет и попросил помочь с расстановкой кресел.

Потом клиент пошел косяком. Прибывший Пэрли Стеббинс извинился перед боссом за опоздание и отвел его в сторонку для приватного разговора. Дж. Дж. Спиро из ФБР был третьим, а миссис Бун — четвертой. Тем временем к нам снова присоединился Соломон Декстер, который поспешил занять красное кожаное кресло, оказавшееся на данный момент свободным. Отец и сын Эрскины прибыли по отдельности с интервалом в четверть часа, так же как и Бреслоу с Уинтерхоффом. В целом, когда я открывал им

дверь, в ответ на мое приветствие они обращались ко мне как к равноправному представителю человеческой расы, правда имелись и два исключения. Дон О'Нил смотрел сквозь меня, всем своим видом показывая, что если я хоть пальцем дотронусь до него, то ему придется отправлять пальто в химчистку. Поэтому я позволил О'Нилу самому снять пальто и повесить на вешалку. Элджер Кейтс вел себя так, словно платил мне из собственного кармана, так что никаких дружеских объятий. Зато Нина Бун, которая пришла последней, улыбнулась мне. Не желая остаться в долгу, я проследил за тем, чтобы она заняла то же место, что и в прошлый раз, — рядом со мной.

Мне пришлось передать председательство представителям полицейского управления, поскольку приглашение исходило именно от них. Было уже без двадцати одиннадцать, прошел ровно час и десять минут с того момента, когда Кремер позвонил по телефону Роуклиффу и распорядился собрать всех заинтересованных лиц. Я встал, оглядел наших гостей и обернулся к Вулфу:

— Как и в прошлый раз, нет только мисс Гантер. По-видимому, она не любит толпы.

Вулф обвел глазами собравшихся справа нале-

во и слева направо, словно человек, пытающийся понять, какую именно рубашку купить. Все уже расселись по местам, как и прежде, разделившись на два лагеря. И только Уинтерхофф с Эрскином-старшим остались стоять возле глобуса, о чем-то тихо беседуя. С самого начала стало ясно, что особого веселья не предвидится. Разговоры то и дело затухали, сменяясь мертвой тишиной; затем тишина начинала действовать кому-то на нервы, и комната снова наполнялась гулом голосов. Фотограф мог сделать групповой снимок всех этих лиц, назвав его «Хотелось бы знать, кто целует ее сейчас».

Кремер подошел к моему столу, позвонил по телефону, потом сказал Вулфу:

— Час назад мои люди разговаривали с мисс Гантер. Она была дома и обещала немедленно приехать.

— Мы не можем больше ждать, — пожал плечами Вулф. — Начинайте.

Кремер прокашлялся и начал:

— Леди и джентльмены! — (В комнате воцарилась тишина.) — Позвольте объяснить, почему мы собрали вас здесь и что вообще происходит. Надеюсь, вы читаете газеты. Если верить газетам, по крайней мере некоторым из них, это дело

оказалось полиции не по зубам, поскольку в нем замешаны влиятельные люди, и расследование ведется спустя рукава. Думаю, всем вам хорошо известно, насколько это соответствует истине. Многие из вас наверняка полагают, что им докучают в связи с делом, к которому они не имеют никакого отношения. Конечно, у газет своя точка зрения, а у вас — своя. Полагаю, все здесь испытали определенные неудобства в связи с необходимостью прийти сюда сегодня вечером. Однако вы должны согласиться, что у нас не было другого выхода, а значит, вину за неудобства следует возлагать не на полицию или кого-то еще, а на конкретного человека — человека, который убил Чейни Буна. Не стану утверждать, что человек этот находится среди нас. Признаюсь, я этого не знаю. Он вполне может быть и за тысячу миль отсюда.

— Тогда для чего вы нас пригласили?! — зарычал Бреслоу. — Мы это уже слышали!

— Знаю. — Кремер с трудом сдерживал раздражение. — Вы приглашены не для того, чтобы слушать меня. Сейчас я передам слово мистеру Вулфу, но сперва хочу кое-что сказать. Первое. Вы получили приглашение явиться сюда от имени полиции, однако приглашение это неофициаль-

ное. Я отвечал за то, чтобы вас собрать, и на этом, пожалуй, все. Второе. Некоторые из вас могут счесть это приглашение неправомочным, исходя из того, что мистер Вулф представляет интересы Национальной ассоциации промышленников. Что ж, каждый из вас волен поступать, как ему угодно: или остаться здесь с учетом всех обстоятельств, или покинуть этот дом.

Кремер оглядел присутствовавших. Никто не сдвинулся с места. Выждав секунд десять, Кремер кивнул Вулфу.

Вулф глубоко вдохнул и едва слышно заговорил:

— Причиненное вам неудобство, о котором упомянул мистер Кремер, нуждается в кратком комментарии. Прошу вашего внимания, господа. Подобное самопожертвование со стороны отдельного лица или группы лиц, которые абсолютно невиновны…

Я не хотел прерывать словесный поток Вулфа, поскольку многолетний опыт подсказывал мне, что он наконец-то включился в работу. Вот и сейчас он был решительно настроен извлечь информацию из этой разношерстной компании людей, даже если придется держать их всю ночь. И все же мне пришлось прервать его, и все из-за

Фрица. Мое внимание привлекло какое-то движение в прихожей. Чуть поодаль от открытой двери в кабинет стоял Фриц и смотрел на меня, вытаращив глаза. Перехватив мой взгляд, он поманил меня рукой. И у меня сразу промелькнула мысль: уж если Фриц вызывает меня, когда Вулф произносит перед гостями речь, значит в доме начался пожар. Я встал и вдоль стены бочком пробрался к двери. Выйдя в прихожую, я спросил Фрица:

— Какая муха тебя укусила?

— Там… там… — Он замолчал и прикусил губу; Вулф вот уж лет двадцать учит Фрица владеть собой. — Пойдем, я тебе покажу…

Я последовал за ним на кухню, решив, что произошла какая-то кулинарная катастрофа, которую Фриц не мог пережить в одиночестве. Но он прошел к двери на лестницу, ведущую к полуподвальному этажу, который находился всего на три фута ниже уровня тротуара. У Фрица там была комната окнами на улицу. Из подвала, преодолев пять ступенек и отомкнув заднюю дверь, можно попасть на задний двор. Эта дверь снаружи открывается ключом, а изнутри надо просто повернуть механизм замка. Кроме того, из подвала есть еще один выход на улицу — это черный ход. Оттуда через маленький холл можно было

выйти наружу. Для этого сперва требовалось открыть тяжелую дверь из крошечной прихожей, расположенной под крыльцом, немного пройти, а затем открыть кованую железную калитку, ведущую к мощеному проходу, откуда по пяти ступенькам можно было подняться на тротуар. В крошечной прихожей Фриц внезапно остановился, так что я с ходу в него врезался. Он ткнул пальцем вниз:

— Посмотри… — Он потряс калитку. — Я, как обычно, вышел проверить, заперта ли калитка.

В проходе у самой калитки что-то темнело, и это что-то не позволяло ее открыть. Я присел на корточки. Хотя ближайший уличный фонарь находился по другую сторону крыльца, шагах в тридцати отсюда, света хватало, чтобы догадаться, что там лежало, хотя я и не был уверен.

— Какого черта ты меня сюда позвал?! — Я протиснулся мимо Фрица, собираясь вернуться в подвал. — Иди за мной.

Я поднялся по лестнице, Фриц шел за мной по пятам. На кухне я рывком выдвинул ящик, где лежал фонарик, после чего выбежал на крыльцо через парадную дверь, спустился на тротуар, а затем — еще на пять ступенек вниз к проходу. Оказавшись по ту же сторону решетки, что и ле-

жавшее там тело, я наклонился и зажег фонарик. Рядом со мной склонился Фриц.

— Дай я… — Голос его дрожал. — Дай я посвечу…

Через полминуты я выпрямился и сказал:

— Оставайся здесь.

Я поднялся на крыльцо. Фриц захлопнул входную дверь, и мне никак не удавалось вставить ключ в замочную скважину. Я выпрямился, сделал глубокий вдох и, успокоившись, наконец открыл дверь. Затем прошел к телефону на кухне и набрал номер доктора Волмера, жившего в полуквартале от нас. После шести длинных гудков он, слава богу, снял трубку.

— Док? Это Арчи Гудвин. Вы еще не спите? Идите к нам, да поскорее. В нашем проходе, перед калиткой, лежит женщина с размозженной головой. Полагаю, она мертва. Скоро сюда нагрянут копы, поэтому постарайтесь не сдвигать тело с места. Прямо сейчас? Хорошо.

Я перевел дух, взял у Фрица его записную книжку и карандаш и написал:

У нашего заднего крыльца лежит мертвая Фиби Гантер. Ее убили ударом по голове. Позвонил Волмеру.

Вырвав листок, я прошел в кабинет. Меня не было минут шесть, и Вулф все еще продолжал свой монолог под пристальным взором тринадцати пар глаз. Я протиснулся к столу и положил перед ним записку. Он взглянул на нее раз, другой, вскинул на меня глаза и, не меняя ни позы, ни тона, сказал:

— Мистер Кремер и вы, мистер Стеббинс, будьте любезны выйти в прихожую. Мистер Гудвин должен вам кое-что сообщить.

Кремер и Стеббинс поднялись с места. Когда мы выходили из кабинета, до нас донеслись слова Вулфа:

— Возникшая перед нами проблема состоит в том…

Глава 19

К половине первого страсти потихоньку улеглись. К этому времени я уже сидел в кресле у окна в своей комнате на третьем этаже и пил молоко, по крайней мере держал в руке стакан. Обычно я не стараюсь найти укрытие в разгар волнующих событий и масштабных мероприятий, но этот случай задел меня за живое, и теперь я хотел собраться с мыслями и разобраться с чувствами. Единственное, что я твердо знал, так это то, что мне нужно было перенастроить струны своей души. Я только что завершил экскурсию на поле боя, и на этот час диспозиция сил была следующей.

Фриц на кухне готовил сэндвичи и кофе, миссис Бун ему помогала.

Семеро наших гостей рассредоточились по гостиной, два детектива из отдела убийств составили им компанию. Никто не рассказывал смешных историй, даже Эд Эрскин и Нина Бун, сидевшие рядышком на диване.

В гостевой спальне, находившейся на том же этаже, что и моя, лейтенант Роуклифф с помощником беседовали с Хэтти Хардинг, Королевой

Связей с Общественностью.

Инспектор Кремер, сержант Стеббинс и еще парочка детективов, обосновавшись в столовой, засыпали вопросами Элджера Кейтса.

Высокое начальство собралось в кабинете. Вулф сидел за своим письменным столом, комиссар полиции — за моим, окружной прокурор устроился в красном кожаном кресле, а Трэвис и Спиро из ФБР замыкали круг. Именно здесь, по идее, должна была быть разработана высокая стратегия, правда непонятно когда и будет ли она вообще разработана. Еще один детектив сидел на кухне, вероятно, с целью проследить, чтобы миссис Бун не выпрыгнула в окно, а Фриц не посыпал сэндвичи мышьяком. Остальные толклись в коридорах, в подвале — короче, везде. А между тем к нам прибывали все новые и новые силы полиции, чтобы доложить о проделанной работе или получить приказ от Кремера, или от комиссара полиции, или от окружного прокурора. Репортеры, которым временно удалось просочиться за ограждение, в данный момент находились по другую сторону баррикад. Прожекторы с тротуара возле дома еще не успели убрать, и вокруг по-прежнему сновали представители различных городских служб, однако эксперты,

включая фотографов, уже отбыли. Но несмотря на это, толпа, насколько я мог судить, глядя из окна, возле которого стояло мое кресло, стала еще больше. От Таймс-сквер до дома Вулфа было всего пять минут езды на такси или пятнадцать минут пешком, и новость о драматическом повороте в деле Буна собрала толпу зрителей. Вечеринка для избранных, организованная Кремером по просьбе Вулфа, переросла в нечто большее, на что Вулф явно не рассчитывал.

Рядом с убитой был найден кусок водопроводной трубы длиной шестнадцать дюймов. Фиби Гантер ударили по голове четыре раза. Доктор Волмер констатировал, что смерть наступила мгновенно. На лице жертвы были ссадины и царапины, полученные во время падения, губы разбиты — по-видимому, от удара о перила. Эксперты смогли установить это еще до того, как увезли тело.

Просидев у окна целых двадцать минут, я вдруг заметил, что так и не выпил молоко, но и не пролил ни капли из стакана.

Глава 20

Когда я наконец собрался спуститься вниз, чтобы вернуться в наш дурдом, привезли микроскоп. Кое-кто считал, что он нам поможет; впрочем, я тоже на это надеялся.

Меня отодвинули в сторону, поскольку Вулф работал с Кремером как одна команда, что само по себе было удивительным. Правда, в силу сложившихся обстоятельств я стал ключевой фигурой. Согласно рабочей версии, Фиби подошла к дому и стала подниматься по ступенькам, а убийца, который пришел вместе с ней или настиг ее возле крыльца (возможно, на крыльце), нанес удар и сбросил ее вниз. Потом он спустился с крыльца в проход, нанес для верности еще три удара, оттащил тело к калитке, где его можно было заметить с крыльца, разве что вывернув шею, а с тротуара из-за плохого освещения вообще не было видно. Затем убийца мог, конечно, отправиться к себе домой и лечь в постель, однако не исключено, что он вернулся на крыльцо, позвонил в парадную дверь и я впустил его в дом и даже помог снять пальто.

Выходит, в момент убийства я находился всего в десяти футах, а может и меньше, от них, и если бы я в этот самый момент ненароком отодвинул занавеску на окошке в двери, то увидел бы все своими глазами. Подумать только, возможно, я даже приветствовал убийцу через несколько секунд после того, как он закончил свое грязное дело. По моему собственному признанию, я тогда очень внимательно вглядывался в лицо каждого приглашенного к нам человека, чтобы понять, как он справляется с нервным напряжением. Именно поэтому я и вернулся в свою комнату: чтобы восстановить в памяти лица всех пришедших. Мне не верилось, что я не смогу вспомнить одно, а может, два-три лица, обладатель одного из которых всего лишь минуту назад размозжил Фиби череп железной трубой. Но я не смог. Все они явно чувствовали себя не в своей тарелке, демонстрируя это тем или другим образом, ну и что с того? Выслушав меня, Вулф грустно вздохнул, а Кремер зарычал, как разъяренный лев. Но я сделал что мог.

Меня, естественно, попросили составить список, указать очередность прихода гостей и хотя бы приблизительный интервал между их появлением, и я был рад соответствовать. Сами

понимаете, я не встречал вновь пришедших с хронометром в руках, но все же готов подтвердить, что мои данные были довольно точны. Все приходили поодиночке. Идея состояла в том, что, если два человека явились сразу один за другим, скажем с интервалом в две минуты и меньше, того, кто пришел первым, можно вычеркнуть из списка подозреваемых. Но не того, кто пришел вторым, поскольку убийца, покончив с Фиби и услышав шаги или шум мотора подъехавшего такси, мог вжаться в калитку в темном углу, дождаться, пока вновь прибывший не поднимется на крыльцо и не войдет в дверь, после чего быстро проследовать за ним и позвонить в звонок. В любом случае в столь точных расчетах не было необходимости, поскольку, если мне не изменяет память, все гости появлялись с интервалом не меньше трех минут.

В общем, место каждого гостя в списке ни о чем не говорило. По теории вероятностей не было никакой разницы между Хэтти Хардинг, пришедшей первой, и Ниной Бун, явившейся последней.

Все наши посетители были допрошены, каждый в отдельности, но не исключалась возможность повторных допросов, которые могли продлиться всю ночь, если микроскоп не оправдает наших

ожиданий. Так как всех присутствующих уже неоднократно допрашивали в связи с убийством Буна, следователям на этот раз приходилось туго. О чем спрашивать? Такого понятия, как алиби, в данном случае просто не существовало. Все они пришли между 21:50 и 22:40, причем Фиби Гантер приехала и была убита в тот же промежуток времени. Можно было смело спросить каждого из них: «Вы сразу позвонили в дверь, когда поднялись на крыльцо, или сперва убили Фиби Гантер?» Если человек отвечал, что Фиби он не видел, сразу позвонил и был встречен мистером Гудвином, то о чем еще спрашивать? Ну, можно было поинтересоваться, приехал он на машине, на такси или шел пешком от остановки автобуса либо от станции подземки, ну и что дальше?

Чистая работа, думал я, сидя у окна в своей комнате. На моей памяти такой чистой работы мне не встречалось. Очень чистая, будь он проклят, грязный ублюдок!

Как я уже говорил, рабочая версия была такова: совершив убийство, преступник вошел в дом, но нельзя обойти вниманием и другие гипотезы. Об одной из них упомянул представитель НАП Уинтерхофф, внесший свою лепту в расследование. А вот марафон вопросов и ответов для Уинтер-

хоффа, похоже, закончился. Его рассказ можно было разделить на три основные части:

1. Он (импозантный джентльмен с рекламы виски) носил туфли, подошвы которых были сделаны из материала, почти такого же бесшумного, как резина, а потому всегда ходил очень тихо.

2. Он неодобрительно относился к загрязнению улиц, в частности не терпел, когда на тротуар швыряли окурки, и сам никогда этого не делал.

3. Он жил на Ист-Энд-авеню. В тот вечер жена и дочери попросили одолжить им его автомобиль с водителем. Он, Уинтерхофф, никогда не пользовался такси без крайней необходимости из-за революционных взглядов водителей в свете существующей нехватки такси. Поэтому, когда ему позвонили и попросили приехать к Ниро Вулфу, он сел в автобус на Второй авеню, вышел на Тридцать пятой улице и дальше пошел пешком.

Отлично. Подойдя в своих туфлях с бесшумными подошвами к дому Вулфа с восточной стороны, он остановился примерно в восьмидесяти футах от места назначения, поскольку искал, где бы загасить окурок, и заметил урну, стоявшую в приямке за ограждением. Он спустился по ступенькам к урне и загасил окурок, после чего поднялся обратно и тут увидел какого-то

мужчину, выскочившего из прохода за крыльцом и умчавшегося стрелой в другом направлении, а именно в сторону реки. Уинтерхофф направился к дому Вулфа, мысленно отметив, что человек выскочил, скорее всего, из этого прохода, но решил не перегибаться через перила крыльца, чтобы заглянуть вниз. Единственное, что Уинтерхофф мог сказать о том умчавшемся стрелой человеке, — это то, что он был в темной одежде и среднего роста, не великан, но и не карлик.

Черт возьми, его слова подтвердились! Двое из тысячи детективов, наводнивших наш дом, были посланы проверить правдивость слов Уинтерхоффа. Через полчаса они вернулись и доложили, что действительно в приямке, в двадцати четырех шагах к востоку от крыльца дома Вулфа, стоит урна. И не только это. Поверх валявшегося в ней мусора они обнаружили загашенный окурок и характерные следы на внутренней поверхности, примерно в одном дюйме от края, свидетельствовавшие о том, что окурок был действительно затушен о внутреннюю поверхность урны. Более того, детективы даже принесли с собой окурок.

Стало быть, Уинтерхофф не лгал. Он остановился затушить окурок в урне, и он умел хорошо определять расстояние на глазок. К сожалению,

его слова насчет человека, умчавшегося стрелой в сторону реки, невозможно было проверить. Поскольку за прошедшие два часа беглеца и след простыл.

Не знаю, что ценного извлекли из этого Вулф и Кремер. Я вообще плохо соображал с того момента, как осветил фонариком лицо Фиби Гантер.

Кремер, услышав все это от Роуклиффа, допрашивавшего Уинтерхоффа, что-то недовольно пробурчал, но лишь потому, что его мысли, очевидно, были заняты чем-то другим. Кто-то из экспертов, уже не помню, кто именно, предложил воспользоваться микроскопом. Но Кремер решил не тратить время даром. Он приказал Эрскину и Декстеру, которых еще продолжали допрашивать, немедленно вернуться в гостиную, после чего в сопровождении нас с Пэрли отправился туда сам. Встав лицом к собравшимся, он потребовал внимания, что не составило особого труда, и начал говорить:

— Прошу выслушать меня очень внимательно, чтобы понять, о чем именно я хочу спросить. Кусок трубы…

— Это неслыханно! — взорвался Бреслоу. — Мы уже ответили на все вопросы! Мы позволили себя обыскать! Мы рассказали все, что нам известно!

Мы…

Кремер повернулся к одному из детективов:

— Встань рядом с ним и, если он не замолчит, заткни ему пасть!

Детектив решительно направился к Бреслоу. Тот сразу умолк.

— На сегодня оскорбленных добродетелей для меня более чем достаточно! — (Я давно не видел Кремера в такой ярости.) — Шесть дней кряду я нянчился с вами, точно с грудными детьми, поскольку вы все здесь очень важные персоны! Но сейчас все изменилось! Быть может, вы и невиновны в убийстве Буна, но теперь я знаю, что у одного из вас руки в крови. И осмелюсь предположить, что тот, кто убил эту женщину, убил и Буна. Я…

— Простите, инспектор, — оборвал его Фрэнк Томас Эрскин, который явно не собирался оправдываться, хотя и не был взбешен. — Вы сделали заявление, о котором можете пожалеть. Как насчет человека, пробежавшего мимо мистера Уинтерхоффа?

— Ну да, я о нем слышал! — Кремер явно не собирался отступать. — Но пока я придерживаюсь версии, сделанной в моем заявлении. Хочу добавить, что комиссар полиции одобрил мое

решение задержать всех здесь присутствующих, поскольку мы имеем дело с убийством, и чем больше вы будете пререкаться, тем дольше задержитесь. Ваши семьи поставлены в известность, где вы находитесь и почему. Кто-то из вас наверняка думает, будто может засадить меня на двадцать лет, потому что я не разрешил ему обзвонить всех его друзей и адвокатов. Ладно. Он все равно не будет звонить. — Кремер недовольно скривился, по крайней мере мне так показалось, и прорычал: — Вы понимаете сложившуюся ситуацию?! — Все промолчали, и он продолжил: — Я пришел сказать вам следующее. Кусок трубы, которым была убита мисс Гантер, обследовали на предмет наличия отпечатков пальцев. Но мы ничего не нашли. Поверхность слишком шероховатая, к тому же труба старая, ржавая, краска облупилась. Мы полагаем, для того чтобы проломить такой трубой голову, убийце нужно было держать ее достаточно крепко, а значит, почти наверняка у него в ладонь въелись частицы ржавчины или краски. Я говорю не о том, что можно различить невооруженным глазом, а о микроскопических частицах, которые не сотрешь с кожи и не стряхнешь с одежды. Поэтому необходимо провести исследование с помощью микроскопа.

Мне не хотелось везти всех вас в лабораторию, поэтому я распорядился доставить микроскоп сюда. И я прошу разрешить обследовать ваши руки, перчатки и носовые платки…

— Но, инспектор, я уже вымыла руки! — заявила миссис Бун. — Я помогала на кухне готовить сэндвичи и, конечно же, вымыла руки.

— Очень жаль, — проворчал Кремер, — но тем не менее мы попытаемся. Даже после мытья могут остаться мелкие частицы. О вашем решении относительно моей просьбы сообщите сержанту Стеббинсу. Я занят. — Он вышел и вернулся в столовую.

Именно в этот момент я почувствовал, что мне нужно немного успокоиться. Я заглянул в кабинет и сообщил Вулфу, что я, если понадоблюсь ему, буду в своей комнате. Я провел у себя более получаса. Микроскоп доставили в час ночи. Полицейские автомобили приезжали и уезжали, и я совершенно случайно увидел в окно, как из одного автомобиля вышел мужчина с большой коробкой в руках. Я допил молоко и спустился вниз.

Глава 21

С тем же успехом я мог бы никуда не уходить, потому что обследование рук проходило в моей спальне. Человеку из лаборатории требовалось тихое место, а в доме по-прежнему царила кутерьма, причем везде, кроме комнаты Вулфа, куда он запретил входить. Поэтому клиентам пришлось одному за другим подниматься на третий этаж. Аппарат со специальной подсветкой был установлен на моем столе. В комнате нас было пятеро: двое экспертов, детектив, приводивший клиентов, очередной клиент и я, сидевший на краешке кровати.

Сам я торчал тут отчасти потому, что не мог оставить без присмотра комнату, но главным образом потому, что никак не мог понять, как я, встречая всех этих людей у двери, сразу не распознал убийцу Фиби. Именно по этой причине я не поставил бы больше пяти центов на умчавшегося стрелой человека, о котором говорил Уинтерхофф. Мне хотелось снова взглянуть на каждого из них. Меня не покидало ощущение — о чем, разумеется, я не говорил Вулфу, — что

сразу угадаю убийцу, стоит мне взглянуть ему в лицо. Это явно было новым словом в технике раскрытия преступлений, но именно так я думал. И вот сейчас, сидя на краю постели, я пристально вглядывался в лица, в то время как эксперты с неменьшим вниманием рассматривали руки.

Первая — Нина Бун. Бледная, усталая, нервная.

Второй — Дон О'Нил. Недовольный, нетерпеливый, снедаемый любопытством. Глаза налиты кровью.

Третья — Хэтти Хардинг. Раскисшая и очень беспокойная. Взгляд уже далеко не такой властный, как четыре дня назад, когда я пришел к ней в офис.

Четвертый — Уинтерхофф. Импозантный, крайне обеспокоенный и потный.

Пятый — Эрскин-старший. Напряженный и преисполненный решимости.

Шестой — Элджер Кейтс. Угрюмый, готовый вот-вот разрыдаться. Глаза ввалились.

Седьмая — миссис Бун. Совершенно растерянная, но пытающаяся держать себя в руках. Уставшая больше других.

Восьмой — Соломон Декстер. Опухший, с мешками под глазами. Спокойный, но настроенный весьма решительно.

Девятый — Бреслоу. Губы плотно сжаты от злости, глаза — как у бешеной свиньи. Он единственный, кто смотрел на меня, а не на свою руку под линзой.

Десятый — Эд Эрскин. Саркастичный, скептический, протрезвевший. Безмятежный, как голубь в парке.

Я не услышал от экспертов — как и они от меня — ни одного радостного восклицания, свидетельствовавшего бы о важном открытии. Они тихо перебрасывались с клиентами короткими фразами, инструктировали их, иногда обменивались замечаниями, и на этом всё. Приготовленные заранее коробочки, пинцеты и прочие инструменты остались невостребованными.

— Ну как, есть результат? — спросил я, как только они закончили с последним, Эдом Эрскином.

— О результатах мы доложим инспектору, — ответил эксперт со скошенным подбородком.

— Боже правый! — с завистью воскликнул я. — Как это, наверное, интересно — служить в полицейском управлении и быть в курсе всех секретов! Послушайте, для чего, как вы думаете, Кремер разрешил мне здесь присутствовать? Чтобы сидеть и плевать в потолок?

— Надо полагать, — сказал угрюмый эксперт с

нормальным подбородком, — что инспектор проинформирует вас о результатах нашей работы. Филлипс, иди доложи.

Мне уже не сиделось на месте, поэтому, решив на время оставить свою комнату на произвол судьбы, я проследовал за Филлипсом вниз. Если уж мне было неуютно, то можно себе представить, что чувствовал Вулф при виде того, как в доме хозяйничают наводнившие его незнакомцы. Филлипс протрусил в столовую, но Кремера среди присутствующих не оказалось, и я отправился в кабинет. Вулф сидел за столом. В кабинете по-прежнему находились комиссар нью-йоркской полиции, окружной прокурор и два фэбээровца, которые внимательно слушали Кремера. При виде Филлипса он умолк и сердито спросил:

— Ну?

— Инспектор, результаты микроскопического исследования рук оказались отрицательными.

— Ни черта себе! Очередное блестящее достижение. Передайте Стеббинсу, пусть возьмет у всех подозреваемых перчатки и носовые платки и пришлет вам. И дамские сумочки тоже. И пусть не забудет пометить, что кому принадлежит. Постойте! Из карманов пальто… Хотя нет, не так. Пусть он пришлет вам все пальто, шляпы и про-

чее, а вы тщательно осмотрите вещи, особенно карманы. Только, ради бога, постарайтесь ничего не перепутать.

— Слушаюсь, сэр. — Филлипс вышел из кабинета.

Не видя особого смысла всматриваться в перчатки и носовые платки, я подошел к комиссару полиции и сказал:

— Если не возражаете, это мое кресло.

Он бросил на меня удивленный взгляд, открыл рот, закрыл рот и пересел. А я занял свое законное место. Кремер продолжал говорить:

— Вы можете это сделать, если сумеете выйти сухими из воды. Но закон есть закон. Наша юрисдикция распространяется до границ частных владений, которые занимали покойные, и то лишь при условии, что это является местом преступления, но в противном случае мы можем…

— Нет такого закона! — огрызнулся окружной прокурор.

— Вы хотите сказать, что это не законодательный акт. Однако это принятая процедура, и суды ее признают, что для меня равносильно закону. Вы хотели узнать мое мнение, и я его высказал. Мы не можем больше занимать квартиру, где останавливалась мисс Гантер, — сказал он. — Я

не вправе взять на себя ответственность, да и лишних людей у меня нет. Квартира принадлежит Кейтсу. Три опытных детектива обыскивали ее в течение полутора часов и ничего не нашли. Я готов продержать их там всю ночь, пока мы не закончим здесь свои дела и не освободим Кейтса, но и только. Задерживать Кейтса до бесконечности и оставлять своих людей у него на квартире я могу лишь в том случае, если получу распоряжение от вас, — он взглянул на комиссара, — или от вас. — Он перевел взгляд на окружного прокурора.

— Я бы не советовал этого делать, — вмешался Трэвис из ФБР.

— В конце концов, все можно решить в рабочем порядке, — сухо заметил окружной прокурор.

Они продолжали переливать из пустого в порожнее. Я начал пинать левую лодыжку правой ногой, а потом наоборот. Вулф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, и я с удовлетворением отметил для себя, что его мнение по поводу выработанной высокой стратегии, очевидно, совпадало с моим. Комиссар полиции, окружной прокурор, ФБР, не говоря уже о начальнике убойного отдела, спорили о том, где будет спать Элджер Кейтс, когда у него появится такой шанс, и это после того, как три

копа оккупировали его квартиру на достаточный срок, чтобы распилить все ножки стульев и склеить их обратно. Насколько я понял, именно окружной прокурор настаивал на продолжительной оккупации квартиры. Я решил принять участие в разговоре просто от нечего делать и уже раздумывал, чью сторону лучше занять, когда зазвонил телефон.

Вашингтон вызывал Трэвиса. Он подошел к моему столу, где стоял телефонный аппарат, и в наступившем молчании поднял трубку. Трэвис говорил мало, больше слушал своего собеседника. Закончив разговор, он повернулся к нам:

— Мне только что сообщили нечто такое, что имеет прямое отношение к нашей беседе. Во время обыска, проведенного нашими людьми и вашингтонской полицией, в вашингтонской квартире мисс Гантер — одна большая комната, ванная и крохотная кухонька — в шляпной коробке на полке в шкафу обнаружено девять валиков к диктофону фирмы «Стенофон».

— Черт возьми! — воскликнул Вулф. — Девять?

Он был так раздражен и рассержен, словно ему подали телячью котлету с яйцом сверху.

Все удивленно уставились на него.

— Да, девять, — сухо подтвердил Трэвис, недо-

вольный тем, что Вулф сорвал ему сольный номер. — Девять валиков к диктофону фирмы «Стенофон». С детективами также был представитель Бюро регулирования цен. Сейчас все они в бюро прослушивают записи. — Он холодно взглянул на Вулфа. — А чем вас не устраивает то, что валиков именно девять?

— Вас, очевидно, все устраивает, — заносчиво ответил Вулф, — а для меня что девять, что ни одного. Мне нужно десять.

— Какой стыд! Я дико извиняюсь, — язвительно заметил Трэвис и, обращаясь к остальным, добавил: — Мне обещали тотчас позвонить из Вашингтона, если выяснится что-либо для нас важное.

— В таком случае никто вам больше не позвонит, — бросил Вулф и снова закрыл глаза, предоставляя всем остальным возможность до хрипоты обсуждать сообщение из Вашингтона.

Конечно, Вулф держался вызывающе, но его можно было понять. Мало того что убийство произошло на его собственном крыльце, так к тому же и его дом наводнили теперь незваные гости, и он ничего не мог с этим поделать. Это полностью противоречило его принципам, жизненному укладу и совершенно выбивало из колеи. По-

нимая его состояние и полагая, что ему просто необходимо быть в курсе текущих событий в силу заинтересованности в исходе дела, я решил пойти на кухню и принести ему пива. Похоже, он был настолько не в духе, что даже забыл послать за пивом, поскольку никаких следов оного я в кабинете не обнаружил.

Фриц в компании дюжины детективов пил на кухне кофе. Я сказал:

— От вас нигде нет проходу, и даже на кухне. Хотя кто ж вас осудит? Когда еще представители простонародья получат возможность выпить кофе, приготовленный самим Фрицем Бреннером?

В ответ я услышал сдержанное, но дружное улюлюканье. Кто-то пошутил:

— Гудвин у нас джентльмен. Раз, два, три — все смеются.

Кто-то другой спросил:

— Эй, ты у нас все знаешь. Что на самом деле происходит между НАП и БРЦ? Это что, реальная вражда или нет?

Поставив с помощью Фрица шесть бутылок и шесть стаканов на поднос, я великодушно заявил:

— Что ж, буду рад объяснить. В каком-то отношении НАП и БРЦ точь-в-точь как наше славное

полицейское управление. У них очень силен так называемый esprit de corps. Повторяйте за мной. Впрочем, нет, не трудитесь. Это на французском. На языке, на котором говорят французы, то есть люди, которые живут во Франции. Буквальный перевод звучит так: «дух тела». Есть точный эквивалент на нашем языке…

Снова раздалось улюлюканье, но, поскольку поднос был готов, я покинул кухню. Фриц вышел со мной в прихожую, закрыл за собой дверь и, взяв меня за рукав, прошептал мне на ухо:

— Арчи, это ужасно. Я только хочу сказать, что знаю, как это ужасно для тебя. Когда я утром принес мистеру Вулфу завтрак, он сказал мне, что ты воспылал страстью к мисс Гантер, а она обвела тебя вокруг пальца. Она была красивой девушкой, очень красивой. То, что здесь случилось, просто ужасно.

— Катись к черту! — Я дернул рукой, чтобы освободить рукав, и шагнул вперед, но затем повернулся и добавил: — Я лишь хотел сказать, что ночь выдалась просто адской и у тебя уйдет не меньше недели, чтобы убрать дом. Возвращайся на кухню и закончи урок французского, который я начал давать.

Когда я вернулся, в кабинете все оставалось

по-старому. Я обнес присутствующих пивом, отдав три бутылки на сторону, а остальные три поставив перед Вулфом, которому, по моим подсчетам, этого было более чем достаточно, после чего отправился на кухню, приготовил себе сэндвич, налил стакан молока и вернулся к себе за стол. Военный совет все продолжался, но Вулф, несмотря на пиво, по-прежнему вел себя отстраненно. От сэндвича у меня еще сильнее разыгрался аппетит, и я отправился еще за двумя. Сэндвичи были давным-давно съедены, а члены совета все продолжали жевать сопли.

Их, конечно, задерживали непрерывные телефонные звонки и постоянно входящие люди. Трэвису снова позвонили из Вашингтона, но, когда он закончил разговор, вид у него был довольно кислый. Там, в Вашингтоне, сотрудники ФБР прослушали девять валиков, однако никаких зацепок не нашли. Валики содержали множество доказательств того, что они были надиктованы Буном в вашингтонском офисе во вторник днем, но ничего полезного, что могло бы разоблачить убийцу. БРЦ попыталось наложить лапу на расшифровки, но в вашингтонском отделении ФБР все же обещали прислать копию Трэвису, а он, в свою очередь, согласился показать их Кремеру.

— Таким образом, — вызывающе заявил Трэвис, давая понять, что у нас нет ни малейших оснований утверждать, будто дело не продвинулось ни на шаг, — теперь уже нет сомнений, что мисс Гантер лгала, так как валики с записями все это время находились у нее.

— Только девять, — с нескрываемым раздражением проворчал Вулф. — Пф!

Это явилось единственным его вкладом в дискуссию о валиках.

Часы показывали пять минут четвертого утра вторника, когда в кабинет вошел Филлипс. В правой руке он держал серое пальто, а в левой шелковый шарф в коричневую полоску. Глядя на Филлипса, можно было сразу понять, что даже экспертам не чужды эмоции.

— Инспектор, я могу докладывать? — спросил он, бросив взгляд на Вулфа и на меня.

— Докладывайте! — нетерпеливо приказал Кремер. — Что у вас?

— Шарф, который вы видите, находился в правом кармане вот этого пальто. Шарф был сложен, как сейчас. Одна расправленная складка составляет примерно сорок квадратных дюймов его поверхности. И вот в этой-то складке и были обнаружены от четырнадцати до двадцати ча-

стиц вещества, попавшего, по нашему мнению, с внешней части трубы. Таково наше мнение. Дальнейшие лабораторные исследования…

— Иначе и быть не могло! — У Кремера загорелись глаза. — Действуйте, черт возьми! У вас ведь есть микроскоп, так что результаты мне нужны прямо сейчас. Кстати, вы уверены в правильности своих выводов, могу я прямо сейчас принимать меры?

— Да, сэр, уверены.

— Чье это пальто?

— Судя по бирке, Элджера Кейтса.

— Да-да, — подтвердил я. — Это пальто Кейтса.

Глава 22

Поскольку это был военный совет, то, само собой, немедленно посылать за Кейтсом они не стали. Сперва им нужно было выработать стратегию: то ли окружить Кейтса и прижать его к стенке, то ли подкрасться к нему осторожно, то ли с ходу оглоушить его. Но самое главное, им следовало решить, кто возьмет на себя проведение операции, поскольку от этого будет зависеть выбор метода, и они тотчас же начали пререкаться по этому поводу. Предметом спора, впрочем как всегда, когда у вас есть сенсационное доказательство вроде шарфа в кармане, стало то, как лучше использовать улику, чтобы раздавить подозреваемого и получить его признание. В затянувшийся спор вклинился Трэвис из ФБР.

— В присутствии высокого начальства, — начал он, — я просто не решаюсь выступить с предложением, поскольку официально не принимаю участия в расследовании…

— Что у вас? — прервал его окружной прокурор.

— Я предложил бы поручить это мистеру Вул-

фу. Мне приходилось видеть мистера Вулфа в действии, и, должен признаться, мне до него как до луны.

— Не возражаю, — согласился Кремер.

Остальные двое взглянули друг на друга. Ни одному из них не нравилось то, на что они в данный момент смотрели, и ни одному из них не нравилось предложение Трэвиса, поэтому они, не сговариваясь, промолчали.

— Вот и хорошо, — сказал Кремер. — Значит, решено. Вулф, куда лучше положить пальто и шарф?

Вулф слегка приоткрыл глаза:

— Как зовут этого человека?

— Этого? Ах да! Познакомьтесь: мистер Филлипс — мистер Вулф.

— Очень приятно, сэр. Передайте пальто мистеру Гудвину, а ты, Арчи, положи его на диван, за подушки. Шарф дайте мне.

Филлипс без колебаний вручил мне пальто, но с шарфом помедлил и вопросительно взглянул на Кремера:

— Это очень важная улика, сэр, и если стряхнуть обнаруженные на нем частицы…

— Я отнюдь не идиот! — рявкнул Вулф.

— Отдайте ему шарф, Филлипс! — велел Кре-

мер.

Филлипсу явно не хотелось этого делать. Он сейчас был похож на молодую мать, которой велели отдать ее новорожденного ребенка сомнительной личности. Однако он протянул Вулфу шарф.

— Благодарю вас, сэр. А теперь, мистер Кремер, попрошу привести Кейтса.

Кремер ушел, забрав с собой Филлипса. Но через секунду вернулся, уже без Филлипса, но в компании Элджера Кейтса. Пока Кейтс усаживался в указанное Кремером кресло, лицом к Вулфу, мы все не спускали с него глаз, но я бы не сказал, что наши взгляды его смущали. Кейтс посмотрел на меня так же, как давеча в моей комнате, словно он вот-вот расплачется, хотя проверить это я не имел возможности. После того как Кейтс сел, мне был виден лишь его профиль.

— Мистер Кейтс, мы с вами не успели толком поговорить. Я прав? — спросил Вулф.

Кейтс на секунду высунул язык облизать пересохшие губы и тут же спрятал его.

— На мой взгляд, достаточно… — начал он, но его тонкий голос неожиданно сломался; Кейтс замер на секунду и начал снова: — На мой взгляд, вполне достаточно.

— Но, дорогой сэр, — с упреком произнес

Вулф, — по-моему, мы с вами не обменялись ни словом.

Кейтс был по-прежнему напряжен.

— Разве? — спросил он.

— Так точно, сэр. Но самое неприятное, что я не могу прямо сказать, что не отношусь с симпатией к занятой вами позиции. На вашем месте — не важно, виновен я или нет, — я бы чувствовал то же самое. Не люблю людей, засыпающих меня вопросами, да и вообще я этого просто не выношу. — Вулф приоткрыл глаза еще на миллиметр. — Кстати, в данный момент я временно выступаю как официальное лицо. Находящиеся здесь представители власти уполномочили меня поговорить с вами. Как вы, несомненно, знаете, вас никто не обязывает терпеть мои вопросы. Но если вы попытаетесь без разрешения покинуть дом, вас немедленно задержат как важного свидетеля и отправят куда надо. Но принуждать вас к нежелательному разговору — боже упаси! Ну, что скажете? Начнем нашу беседу?

— Я вас внимательно слушаю, — ответил Кейтс.

— Знаю. И почему?

— Потому что, если я откажусь, сейчас же последует вывод, будто я чего-то боюсь, а значит,

пытаюсь что-то скрыть.

— Резонно. Тогда мы друг друга поняли. — Вулф сказал это с таким видом, словно Кейтс уже сделал важное признание.

Он неторопливо вынул из-под стола руку с шарфом, положил шарф на книгу записей, после чего склонил голову набок и задумчиво уставился на Кейтса, словно размышляя, с чего начать. Я видел Кейтса только в профиль и потому не мог сказать, бросил ли он на шарф хотя бы мимолетный взгляд, но Кейтс определенно не вздрогнул и даже не побледнел.

— Мистер Гудвин два раза посещал дом на Пятьдесят пятой улице, чтобы повидать мисс Гантер, и в обоих случаях он заставал там вас. Вы что, были ее близким другом?

— Ну, слово «близкий» едва ли подходит. Однако последние шесть месяцев, выполняя конфиденциальные исследования лично для мистера Буна, я, естественно, часто встречался с мисс Гантер по работе.

— И она, приехав сюда, остановилась у вас?

Кейтс посмотрел на Кремера:

— Ваши люди уже раз двенадцать беседовали со мной на эту тему.

— Потерпи, сынок. Таков порядок, — кивнул

инспектор. — Это будет тринадцатый раз, только и всего.

— Сейчас очень трудно, а то и просто невозможно получить номер в отеле, — снова обратился Кейтс к Вулфу. — Конечно, используя свое положение и связи, мисс Гантер могла бы снять номер. Однако это противоречит политике бюро. К тому же мисс Гантер не делала подобных вещей. Приятель разрешил мне ночевать у него, моя жена была в отъезде. И я предложил мисс Гантер, когда она прилетела из Вашингтона, остановиться у меня.

— А раньше мисс Гантер останавливалась у вас?

— Нет.

— Вы говорили, что часто встречались с ней в течение последних шести месяцев. Какое у вас сложилось о ней мнение?

— Хорошее.

— Она вам нравилась?

— Да. Как коллега.

— Она хорошо одевалась?

— Никогда не обращал внимания… Хотя нет… — У Кейтса снова сломался голос, но он справился. — Вы ведь считаете подобные вопросы важными и хотите получить честные ответы.

У мисс Гантер была потрясающая внешность, роскошная фигура. Я считал, что для женщины на такой должности она одевалась очень хорошо.

Если бы Фиби слышала его, подумал я, она бы сказала, что он разговаривает совсем как персонаж старомодного романа…

— Следовательно, вы должны были обращать внимание, что именно она надевала. Скажите, когда вы в последний раз видели на ней вот этот шарф? — Вулф показал большим пальцем на шарф.

Кейтс наклонился, чтобы получше приглядеться.

— Что-то не припоминаю, чтобы когда-нибудь видел его, — наконец ответил он. — Да, совершенно верно. Я никогда не видел на ней этого шарфа.

— Странно, — нахмурился Вулф. — Для нас это крайне важно, мистер Кейтс. Вы уверены?

— Позвольте мне взглянуть еще раз. — Кейтс снова наклонился вперед и потянулся к шарфу.

Но Вулф, опередив его, накрыл шарф рукой.

— Нет-нет! — остановил его Вулф. — Он будет фигурировать на суде по делу об убийстве как вещественное доказательство и требует осторожного обращения.

Не позволяя брать шарф в руки, Вулф дал Кейтсу возможность рассмотреть его поближе.

Через некоторое время Кейтс откинулся на спинку стула и покачал головой:

— Я никогда прежде не видел этого шарфа ни на мисс Гантер, ни на ком другом.

— Какая жалость! — вздохнул Вулф. — Что, однако, не исключает ряда возможностей. Вы могли видеть его раньше и теперь просто не узнали, потому что прежде видели его при недостаточном освещении, например вечером на моем крыльце. Нет-нет, это не категорическое утверждение, а всего лишь предположение, выдвинутое на ваше рассмотрение, потому что на шарфе обнаружены крошечные частицы краски и ржавчины с трубы, которой была убита мисс Гантер, а значит, этим шарфом было обернуто орудие преступления, чтобы скрыть следы, а еще потому, что шарф обнаружен в кармане вашего пальто.

— Чьего пальто? — часто мигая, переспросил Кейтс.

— Вашего. Арчи, покажи-ка.

Я взял пальто за воротник и подошел к Кейтсу.

— Это ведь ваше пальто, не так ли? — спросил Вулф.

Кейтс долго смотрел на пальто, потом вскочил

и закричал:

— Мистер Декстер! Мистер Декстер! Сюда!

— Сейчас же прекратите! — Кремер схватил его за руку. — Прекратите орать! Зачем вам понадобился Декстер?

— Позовите сюда мистера Декстера! Если хотите, чтобы я замолчал, позовите мистера Декстера! — Голос Кейтса дрожал. — Я так и знал, что тут произойдет нечто подобное! Я же говорил Фиби, чтобы не связывалась с Ниро Вулфом! Я говорил ей, что сегодня сюда лучше не приходить! Я…

— Когда это вы успели сказать ей, чтобы она не приходила сюда? — набросился на него Кремер. — Ну? Когда?

Кейтс промолчал и, видимо только теперь сообразив, что Кремер держит его за руку, крикнул:

— Пустите! Пустите!

Кремер выпустил его руку. Кейтс отошел, сел на стул у стены и крепко сжал губы, всем своим видом показывая, что не желает больше иметь с нами дела.

— Я слышал, как Роуклифф его допрашивал, если вас это интересует, — обратился я к Кремеру. — Кейтс сообщил, что был у своего приятеля на Одиннадцатой улице, где на время остано-

вился, и ему позвонила мисс Гантер, которая сказала, что ей только что предложили приехать к Вулфу, после чего поинтересовалась, получил ли аналогичное предложение Кейтс. Он ответил утвердительно, но заявил, что не поедет, и пытался отговорить и мисс Гантер, а когда она сказала, что все-таки поедет, решил последовать ее примеру. Я знаю, дел у вас по горло, но, чтобы не бить куда попало, советую иногда читать отчеты своих подчиненных. — Далее я обратился ко всем присутствующим: — Если хотите знать мое мнение, причем совершенно бесплатно, — шарф не принадлежит мисс Гантер. Он абсолютно не в ее стиле, она никогда не стала бы носить подобную вещь. И он не принадлежит Кейтсу. Вы только взгляните на него: серый костюм, серое пальто. И серая шляпа. Я всегда видел его только в сером. Жаль, что Кейтс не хочет разговаривать с нами, а то вы могли бы кое о чем его спросить.

Кремер подошел к двери в гостиную, приоткрыл ее и крикнул:

— Стеббинс! — (Пэрли в мгновение ока вырос на пороге.) — Проводи Кейтса в столовую и начинайте по одному вводить сюда остальных. По завершении беседы отправляй их в столовую.

Стеббинс увел Кейтса, чему тот вовсе не про-

тивился. Почти сразу же другой детектив ввел миссис Бун. Кремер даже не предложил ей сесть — встретил в центре комнаты, показал шарф, попросил внимательно, но не дотрагиваясь, осмотреть и сказать, видела ли она его раньше. Миссис Бун ответила, что не видела, и на этом разговор закончился. После ее ухода ввели Фрэнка Томаса Эрскина, и сцена повторилась с тем же результатом. Когда в кабинете еще четырежды прозвучало «нет», наступила очередь Уинтерхоффа.

— Мистер Уинтерхофф, взгляните, пожалуйста, на этот… — начал Кремер, но Уинтерхофф перебил инспектора.

— Где вы его взяли? — спросил он, протягивая руку к шарфу. — Это же мой шарф!

— Ваш?! — Кремер даже попятился от неожиданности. — Сегодня вечером он был на вас или вы принесли его в кармане пальто?

— Ни то ни другое. У меня украли его еще на прошлой неделе.

— Где?

— Вот здесь же, когда я приходил сюда в пятницу вечером.

— Здесь, в доме Вулфа?

— Да.

— Он был на вас, когда вы приходили в прошлый раз?

— Да.

— А когда вы обнаружили пропажу шарфа, кто помог вам его искать? Кому вы жаловались на пропажу?

— Я не понимаю… К чему весь этот разговор? У кого был мой шарф? Где вы его взяли?

— Объясню все буквально через минуту. А теперь я хочу спросить, кому вы пожаловались на пропажу?

— Никому не жаловался, а пропажу обнаружил только у себя дома. Если…

— И вы никому ничего не сказали?

— Здесь — нет. Я не знал, когда был здесь, что шарф исчез. А дома… Дома я сказал, наверное, жене… Да-да, определенно припоминаю: жене я говорил о пропаже. Но у меня…

— И вы не позвонили сюда на следующий день, чтобы справиться, не найдена ли ваша вещь?

— Нет, не звонил. — Уинтерхофф явно заставлял себя подчиниться давлению, но сейчас, похоже, его терпение закончилось. — Зачем? У меня еще штук двадцать шарфов. Я настаиваю…

— Настаивайте сколько угодно, — холодно оборвал его Кремер. — Так как шарф принадлежит

вам, считаю необходимым сообщить следующее: мы располагаем важными доказательствами, что именно вашим шарфом был обмотан отрезок трубы, которым была убита мисс Гантер. У вас есть что сказать по этому поводу?

Лицо Уинтерхоффа взмокло от пота, впрочем, как и тогда в моей комнате, когда обследовали его руки. Забавно, но капли пота не портили его импозантную внешность, чего нельзя было сказать о выпученных глазах, когда он вытаращился на Кремера. И мне пришла в голову мысль, что лучший друг должен был ему посоветовать никогда не выпучивать глаза.

— Какие ваши доказательства? — наконец спросил он.

— На шарфе обнаружены микроскопические частицы краски и ржавчины с трубы, причем в изрядном количестве.

— Где вы его нашли?

— В кармане пальто.

— Чьего?

— А вот это уже не ваше дело! — отрезал Кремер. — Я бы хотел попросить вас не распространяться на эту тему, но, к сожалению, это бесполезно. Отведи его в столовую, — приказал он детективу, который привел Уинтерхоффа. — И

скажи Стеббинсу, пусть никого больше не присылает.

Уинтерхофф хотел что-то сказать, но его поспешно выставили. Когда за детективом закрылась дверь, Кремер сел, положил руки на колени, сделал глубокий вдох и шумно выдохнул.

— Господи Исусе! — бросил он.

Глава 23

Наступило продолжительное молчание. Я посмотрел на большие настенные часы: без двух минут четыре. Я посмотрел на свои наручные часы: без одной минуты четыре. Несмотря на такое расхождение в показаниях, можно было смело заключить, что скоро четыре утра. Из-за закрытых дверей гостиной и прихожей можно было услышать слабые намеки на приглушенный шум, просто чтобы напомнить нам, что молчание — это не выход. Каждый незначительный шум, казалось, говорил: «Ну давайте, уже поздно, разберитесь наконец!» Обстановка в кабинете поразила меня одновременно унынием и способностью наводить уныние. Необходимо было впрыснуть струю оптимизма и добавить некоей основательности.

— Ну, — жизнерадостно начал я, — мы сделали большой шаг вперед. Исключили умчавшегося стрелой человека, о котором говорил Уинтерхофф. Я готов присягнуть на суде, что человек этот не промчался стрелой в нашу прихожую.

Мои слова не нашли отклика ни у кого из при-

сутствующих, что говорило, в каком жалком состоянии они все находились. И только окружной прокурор наградил меня таким взглядом, будто я напомнил ему кого-то, кто не стал за него голосовать.

— Этот Уинтерхофф — проклятый лжец! — возмутился комиссар полиции. — Не видел он никакого человека, который якобы промчался стрелой с крыльца дома. Уинтерхофф это сочинил.

— Ради всего святого, ну и что с того? — не выдержал окружной прокурор. — Мы ищем не лжеца, а убийцу!

— А я хочу спать, — угрюмо заявил Вулф. — Сейчас уже четыре утра, и вы зашли в тупик.

— Да что вы говорите! — саркастически воскликнул Кремер. — *Мы* зашли в тупик. А вы, значит, не зашли в тупик, насколько я могу судить по вашей формулировке!

— А я — нет, мистер Кремер. Вовсе нет. Но сейчас я устал, и меня одолевает сон.

Еще немного — и дело закончилось бы вспышкой насилия. Но тут раздался стук в дверь, и в кабинет вошел детектив, который доложил Кремеру:

— Мы нашли еще двоих водителей такси, ко-

торые доставили сюда миссис Бун и О'Нила. Инспектор, полагаю, вам было бы интересно с ними поговорить. Одного зовут…

Но Кремер не дал ему договорить.

— Это, — заявил он, — сделает вас заместителем старшего инспектора. Легко. — Он показал на дверь. — Вам туда. И найдите кого-нибудь, кому можно было сообщить эту потрясающую новость. — Растерянный детектив круто развернулся и вышел, а Кремер произнес в пустоту: — Господи! Водители такси!

— А ведь нам придется отпустить всех опрошенных, — заметил комиссар полиции.

— Несомненно, сэр, — кивнул Кремер. — Арчи, веди всех сюда.

Это ясно свидетельствовало о душевном состоянии Кремера. Направляясь выполнять его распоряжение, я попытался вспомнить, когда еще хоть раз за все годы нашего знакомства Кремер назвал меня по имени, но, увы, так и не смог. Конечно, когда Кремер поспит и примет душ, все вернется на свои места, но я решил в случае необходимости когда-нибудь потом найти подходящий момент и напомнить ему, что он назвал меня Арчи. Тем временем мы с Пэрли, прибегнув к услугам добровольных помощников, согнали

всех из гостиной и столовой в кабинет.

Члены военного совета, покинув кресла, сгрудились у дальнего конца письменного стола Вулфа. Гости расселись по местам. Государственные служащие, числом более дюжины, под строгими взглядами высокого начальства и самого комиссара полиции рассредоточились по комнате в состоянии боевой готовности, чтобы действовать в зависимости от обстановки. Кремер вышел на середину комнаты и обратился к собравшимся:

— Мы отпускаем вас по домам. Но перед этим я хочу обрисовать обстановку. Обследование рук ничего не выявило. Однако исследование шарфа, обнаруженного в кармане одного из пальто, выявило следы ржавчины и краски от трубы, с помощью которой было совершено убийство. Нет сомнений, что убийца использовал шарф, чтобы не оставить отпечатков пальцев. Поэтому…

— Чье это пальто? — прервал его Бреслоу.

— Я не стану говорить, чье это пальто и чей это шарф, — покачал головой Кремер. — И по-моему, их владельцам тоже следует держать язык за зубами. Если газетчики что-нибудь пронюхают…

— Ну уж нет! — вскинулся Элджер Кейтс. — И вас, и Ниро Вулфа, и НАП это бы, конечно, устроило, но вы не заткнете мне рот! Пальто мое, а

шарфа я никогда и в глаза не видел. Возможно…

— Кейтс, довольно! — прикрикнул на него Соломон Декстер.

— Ну ладно, — как ни в чем не бывало продолжил Кремер, — шарф обнаружен в пальто мистера Кейтса, но он утверждает, что шарфа никогда раньше не видел. Это…

— Шарф мой, — перебил Кремера Уинтерхофф; его низкий голос звучал еще менее выразительно, чем всегда. — Его украли у меня здесь в пятницу вечером. И я не видел шарфа до тех пор, пока вы не показали его мне сегодня. Поскольку вы позволили Кейтсу высказать злостные инсинуации в адрес НАП, я…

— Нет! — рявкнул Кремер. — Довольно! Меня не интересуют ваши инсинуации. Свары будете устраивать в прихожей. Я же хочу повторить то, что уже говорил несколько часов назад: один из вас убил мисс Гантер. Что встретило яростные возражения со стороны мистера Эрскина. Теперь это бесспорный факт. Мы могли бы сейчас задержать вас как важных свидетелей, но что толку? При ваших возможностях вы уже через несколько часов добьетесь освобождения под залог. Именно поэтому я вынужден вас отпустить, в том числе и убийцу, поскольку нам неизвестно, кто

именно им является. Но мы рано или поздно это выясним. А вы должны быть готовы к тому, что вас могут вызвать в любое время дня и ночи. Без нашего разрешения вы не имеете права уезжать из города даже на час. Все ваши передвижения, вероятно, будут отслеживаться. Это решать нам, и тут никакие протесты вам не помогут. — Кремер обвел взглядом присутствующих. — Сейчас патрульные автомобили развезут вас по домам. Так что вы свободны. Но на прощание хочу сказать вам пару слов. Я прекрасно понимаю, что все это для вас крайне неприятно, но ничего не поделаешь, придется потерпеть, пока мы не найдем убийцу. Если кто-нибудь располагает полезной для следствия информацией, то утаить ее от нас будет очень серьезной ошибкой. Так что настоятельно рекомендую задержаться и передать эту информацию нам. Кроме меня, здесь находятся комиссар полиции и окружной прокурор. И вы можете переговорить с любым из нас.

Никто из присутствующих не принял любезного предложения Кремера. Семья Эрскин задержалась, чтобы перекинуться парой слов с окружным прокурором, у Уинтерхоффа возникла идея поговорить с комиссаром полиции, миссис Бун отвела в сторонку Трэвиса из ФБР, с которым,

очевидно, была знакома, Бреслоу явно было что сказать Вулфу, а Декстер засыпал вопросами Кремера. Но вскоре все они покинули дом, а мы, похоже, не продвинулись ни на шаг в расследовании дела.

Вулф оперся о край письменного стола и, отодвинув кресло, встал.

А Кремер, наоборот, сел.

— Если хотите, отправляйтесь спать, — мрачно произнес он, — но мне еще нужно поговорить с Гудвином. — (Ну вот, опять Гудвин.) — Мне нужно узнать, кто, кроме Кейтса, имел возможность положить шарф в карман его пальто.

— Вздор! — заупрямился Вулф. — Если бы речь шла об обычном человеке, возможно, это и имело бы смысл. Но мистер Гудвин хорошо обученный, знающий, надежный и более-менее сообразительный человек. Если бы он мог вам помочь, то непременно сообщил бы об этом. Если хотите, задайте один вопрос. Впрочем, я сам спрошу мистера Гудвина. Арчи, у тебя есть на примете хоть кто-нибудь, кто мог бы положить шарф в пальто? И можно ли вычеркнуть из списка подозреваемых кого-то, кто, по-твоему, абсолютно чист?

— Нет и еще раз нет, — ответил я. — Я уже думал об этом и по возможности восстановил ход

событий. Я постоянно ходил туда-сюда, впуская в дом гостей, так что это мог быть кто угодно из них. Проблема в том, что дверь между гостиной и кабинетом оставалась открытой, так же как и дверь из гостиной в прихожую.

Мой ответ явно не удовлетворил Кремера.

— Я бы не пожалел двух четвертаков, чтобы узнать, как бы ты ответил на этот вопрос, будь ты наедине с Вулфом. Ну и что ты на это скажешь?

— Если у вас сложилось обо мне такое мнение, — сказал я, — то лучше замнем для ясности. Моя нечувствительность к пыткам на рассвете только усиливается. Тогда как, спрашивается, вы собираетесь выбить из меня правду?

— Я бы не прочь вздремнуть, — заявил Дж. Дж. Спиро, и его голос стал решающим.

Однако, когда мы упаковали шарф в коробку, словно музейный экспонат, что, впрочем, теперь так и было, а затем собрали бумаги и различные предметы, часы показывали уже пять утра. И только тогда все наконец ушли.

Дом снова был наш. Вулф направился к лифту. Мне еще нужно было обойти дом, чтобы удостовериться, что ничего не пропало, а государственные служащие не устроились на ночлег под предметами меблировки.

— Какие-нибудь указания на утро, сэр? — спросил я Вулфа.

— Да! — рявкнул он. — Оставить меня в покое!

Глава 24

Начиная с этой ночи мне стало казаться, что меня отстранили от расследования. Позже, правда, выяснилось, что это не совсем так, однако кое-какие основания для сомнений у меня были.

Что обычно говорит мне Вулф, а что не говорит, насколько я могу судить, зависит не от обстоятельств дела, а скорее от того, что он собирается съесть во время ближайшего приема пищи, какая на мне рубашка с галстуком, хорошо ли начищены мои туфли и так далее. Вулф не любит фиолетовый цвет. В свое время Лили Роуэн подарила мне дюжину рубашек из магазина мужской одежды «Sulka», с полосками различных цветов и оттенков. Случилось так, что в тот день, когда мы принялись за дело Честертона-Беста, парня, ограбившего собственный дом и выстрелившего в живот приехавшему на уик-энд гостю, я надел фиолетовую рубашку. Увидев рубашку, Вулф перестал со мной разговаривать. Из чувства противоречия я всю неделю носил эту рубашку, а потому не знал, что происходит и кто есть кто, пока Вулф не сменил гнев на милость, да и то

основные детали я узнал из газет, а также от Доры Честертон, с которой я завел знакомство. Дора была вроде… Но нет, подробности я сохраню для своей автобиографии.

На самом деле ощущение, будто меня отодвинули, возникло не на пустом месте. Во вторник утром Вулф завтракал в свое обычное время. Я пришел к этому выводу, исходя из того, что Фриц в восемь утра поднялся с нагруженным подносом, а без десяти девять отнес пустой поднос вниз. На подносе лежала записка, предписывающая мне сообщить Солу Пензеру и Биллу Гору, когда они позвонят, явиться в одиннадцать часов, а также пригласить на встречу Дела Бэскома, главу сыскного агентства. И когда Вулф спустился из оранжереи, эти трое уже ждали его в кабинете, меня же отправили на крышу помогать Теодору проводить перекрестное опыление. А перед ланчем Вулф заявил, что письма от Бэскома я должен передавать ему, не вскрывая.

— Ха! — воскликнул я. — Отчеты? Крупная операция?

— Да, — поморщился Вулф. — Уже задействованы двадцать человек. Может, хоть один из них оправдает потраченные деньги.

В результате еще пятьсот баксов в день как

корова языком слизала. При таких темпах аванса от НАП явно надолго не хватит.

— Может, мне перебраться в отель? — спросил я. — Чтобы ненароком не услышать что-либо не предназначенное для моих ушей.

Вулф не удосужился ответить. Он старается по возможности не нервничать перед едой.

Конечно, меня нельзя было полностью вывести из игры, несмотря на причуды Вулфа. Во-первых, я находился в числе действующих лиц, а потому мог потребоваться. Знакомые репортеры, и особенно Лон Коэн из «Газетт», считали, что я должен был сообщить им, кого конкретно арестуют, когда и где. Во вторник днем инспектор Кремер решил, что ему нужно со мной поработать, и пригласил меня на Двадцатую улицу. Он и трое других трудились в качестве обслуги. Кремера мучили логические выкладки. Итак: НАП была клиентом Вулфа. Таким образом, если я и увидел кого-то из представителей НАП, околачивающегося без дела в опасной близости от пальто Кейтса, которое висело в прихожей, то сообщил бы об этом Вулфу, и никому другому. Ну это ладно. Звучит неплохо. Но затем Кремер пришел к заключению, что двухчасовой допрос, бесконечные возвраты, перепрыгивание с вопроса на вопрос, нападения

из засады помогут ему и его команде выжать из меня информацию, что было просто смешно. А если учесть, что из меня просто-напросто нечего было выжимать, это становилось уже нелепым. Но так или иначе, они очень старались.

Оказалось, что Вулф тоже решил, будто я еще могу на что-то сгодиться. В шесть вечера он появился в кабинете, позвонил, чтобы ему принесли пива, посидел молча минут пятнадцать и вдруг изрек:

— Арчи!

Его обращение застало меня как раз в тот момент, когда я раскрыл рот, собираясь зевнуть.

— А-а-а, — протянул я.

— Ты уже довольно долго работаешь у меня, — хмурясь, заявил Вулф.

— Ага. Ну и как мы это оформим? Мне подать заявление об уходе? Или вы меня уволите? Или разойдемся по обоюдному согласию?

— Я изучил тебя, вероятно, значительно лучше, чем ты думаешь, — пропуская мои слова мимо ушей, продолжил Вулф. — И знаю все твои таланты и возможности. Ты наделен острой наблюдательностью, отнюдь не дурак, не трус, тебя невозможно склонить к измене, поскольку ты слишком высокого мнения о себе.

— Это хорошо. Вы должны прибавить мне жалованье. Цены на все растут и…

— Ты и столуешься, и живешь здесь, но по молодости и тщеславию тратишь кучу денег на одежду. — Он погрозил мне пальцем. — Но обо всем этом мы поговорим в следующий раз. А сейчас я хочу сказать другое. Я имею в виду одно из твоих качеств, которого не понимаю, но которое тебе безусловно присуще и благодаря которому некоторые молодые женщины охотно проводят время в твоем обществе.

— Все дело в моем парфюме. От «Брукс бразерс». Называется «Холостяк на вечер»! — Я с подозрением взглянул на Вулфа. — Послушайте, вы явно к чему-то клоните! Может, хватит преамбул? Говорите прямо.

— Прямо так прямо. Скажи, ты сумеешь обработать мисс Бун, и как можно быстрее?

Я ошалело уставился на Вулфа.

— Видите ли, — с упреком произнес я, — я и подумать не мог, что вам в голову могла прийти подобная мысль. Обработать мисс Бун?! Вы это придумали, вы это сами и делайте. Обрабатывайте ее сами.

— Я говорю о необходимости заручиться ее доверием, чтобы облегчить нам дальнейшее рас-

следование, — ледяным тоном произнес Вулф.

— Но это еще хуже! — вскипел я. — Давайте попробуем смягчить формулировки. Вы хотите, чтобы я втерся в доверие к мисс Бун и добился от нее признания, что она отправила на тот свет своего дядюшку и мисс Гантер? Нет уж, благодарствую!

— Вздор! Тебе прекрасно известно, чего я хочу.

— Но вы все равно скажите. Чего вы хотите?

— Я хочу знать, поддерживала ли она личный, деловой или какой-нибудь другой контакт с кем-либо из НАП, особенно с теми, кто был вчера вечером. То же самое в отношении ее тетки, миссис Бун. Необходимо установить, насколько были близки между собой мисс Бун и мисс Гантер, что они думали друг о друге, часто ли встречались на прошлой неделе. Для начала достаточно. Если позволит обстановка, можешь приступить к конкретным действиям. Кстати, почему бы тебе не позвонить ей прямо сейчас?

— Ну, ничего плохого я в этом пока не вижу, если не вдаваться в определение того, что вы имеете в виду под «конкретными действиями», поскольку это выражение допускает самое широкое толкование. Между прочим, вы действительно думаете, что преступник — один из

этих субчиков из НАП?

— А почему бы и нет?

— Но это же слишком очевидно!

— Ба! Ничто само по себе не очевидно. Очевидность — вопрос субъективного восприятия. Трое преследователей знают, что беглец сел на поезд до Филадельфии. Для первого преследователя очевидно, что беглец отправился в Филадельфию. Для второго преследователя очевидно, что беглец вышел в Ньюарке и отправился куда-то еще. Для третьего преследователя, который знает, насколько умен беглец, очевидно, что тот не сошел с поезда в Ньюарке, поскольку это было бы слишком очевидно, а отправился прямиком в Филадельфию. Нюансы гонят очевидное вверх по бесконечной спирали и не могут догнать. Ты знаешь номер телефона мисс Бун?

Я мог бы заподозрить, что Вулф гонит меня из дому на улицу от греха подальше, если бы не тот факт, что мое отсутствие причинит ему лишние неудобства, поскольку заставит его или самому отвечать на телефонные звонки, или отрывать от работы Фрица, которому придется и подходить к телефону, и открывать дверь. Итак, положившись на порядочность Вулфа, по крайней мере умозрительно, я набрал коммутатор отеля «Уол-

дорф» и попросил соединить меня с мисс Бун. Ответил мужской голос, которого я не узнал. Я представился и попросил к телефону мисс Бун. И, прождав дольше, чем следовало бы, наконец услышал Нину.

— Это Нина Бун. Вы мистер Гудвин из офиса Ниро Вулфа? Я не ошибаюсь?

— Так точно. Которому платит НАП. Спасибо, что ответили на мой звонок.

— Ну что вы, не стоит благодарности! Вы что-то хотели?

— Разумеется, хотел, но не будем об этом. Я звоню вам вовсе не потому, что чего-то хочу, или хотел, или мог бы хотеть. Я звоню по поручению одного человека, который действительно чего-то хочет, но он, по моему глубокому убеждению, самый натуральный псих. Вы понимаете, в каком я положении? Сам-то я никогда не решился бы позвонить вам, сказать, что это Арчи Гудвин, что я взял из своих сбережений десять баксов и хочу спросить, как вы относитесь к предложению пообедать вдвоем в бразильском ресторанчике на Пятьдесят второй улице. А если я не могу на это решиться, то какая разница, чего я хочу? Я, случайно, не отрываю вас от каких-нибудь важных дел?

— Нет… У меня есть свободная минутка. Так что же нужно этому одному человеку?

— Всему свой черед. А пока скажу: здравствуйте, говорит Арчи Гудвин. В данную минуту он по поручению Национальной ассоциации промышленников сует свой нос во всякие разные дела и хотел бы истратить часть полученных от ассоциации денег на обед с вами в бразильском ресторане на Пятьдесят второй улице. Причем хочу предупредить заранее, что это будет сугубо деловая встреча с человеком, которому нельзя доверять. Чтобы вы представляли, какой я коварный, скажу только, что некоторые люди ночью заглядывают под кровать, а я заглядываю прямо в кровать — убедиться, не лежу ли там вместо себя. Ваша минутка уже истекла?

— А вы, кажется, действительно опасный человек. Послушайте, а может, ваш таинственный некто только того и хочет, чтобы вы своим игривым тоном уговорили меня пообедать с вами?

— Ну что вы! Приглашение на обед — моя идея. Она возникла сразу, как только я снова услышал ваш голос. Что же касается этого некто… Ну, вы же должны понимать, что в процессе данного расследования мне приходится общаться с самыми разными людьми, а не только с Ниро

Вулфом, который… в общем, такой, какой есть. Но я вынужден общаться и кое с кем из полиции, и из ФБР, и из прокуратуры. Что бы вы, например, сказали, если бы узнали, что один из них поручил мне позвонить вам и узнать, где сейчас Эд Эрскин?

— Эд Эрскин? — удивилась мисс Бун. — Вам поручили спросить, где Эд Эрскин, *у меня*?

— Абсолютно верно.

— Я бы сказала, что человек, давший вам такое поручение, ненормальный.

— Вот и я так думаю. Значит, вопрос закрыт. Но прежде чем мы закончим разговор, чтобы расставить все точки над «i», я хотел бы получить от вас ответ на мое предложение насчет бразильского ресторана. Как вы обычно отказываете? В резкой форме или более дипломатично, чтобы не задеть чьих-либо чувств?

— Ой, я человек резкий.

— В таком случае погодите, дайте собраться с силами. Ну вот. Начинайте!

— При всем вашем коварстве сегодня вам не удастся меня уговорить, так как я обедаю с тетей у нее в номере.

— Тогда, может, поужинаем позже? Или позавтракаем? А что вы скажете о ланче завтра в

час дня?

— Что собой представляет этот бразильский ресторан? — немного помолчав, спросила мисс Бун.

— Вполне приличное заведение с хорошей кухней.

— Но ведь… стоит мне выйти на улицу…

— Понимаю. Сделаем так. Вы выйдете из отеля на Сорок девятую улицу. Я буду ждать вас там в темно-синем седане. В двенадцать пятьдесят. За это могу ручаться, а вот что касается остального, советую быть настороже.

— Возможно, я немного опоздаю.

— Не сомневаюсь. Это свойственно всем нормальным женщинам, а вас я считаю совершенно нормальной. И пожалуйста, не вздумайте лет этак через пять-десять сказать мне, будто я назвал вас… ну, так себе, обычной. Я не говорил «обычная», я сказал «нормальная». Итак, до завтра.

Отодвигая от себя телефон, я подумал, что в глазах у меня, наверное, еще не погасли самодовольные огоньки, а потому, не поворачиваясь к Вулфу, сделал вид, будто рассматриваю какие-то неотложные бумаги. Буквально через секунду он довольно громко пробормотал:

— А все-таки сегодня вечером было бы лучше!

По-прежнему не поворачиваясь, я сосчитал про себя до десяти и только тогда внятно произнес:

— Дорогой сэр! Попытайтесь сами уговорить мисс Бун встретиться с *вами* в любое время, даже у «Тиффани», чтобы примерить парочку украшений.

Вулф хмыкнул. Через какое-то время он хмыкнул снова. И так как меня это раздражало, я поднялся к себе в комнату и до обеда приводил ее в порядок. Фриц с Чарли были не способны достичь таких высот при уборке остальной части дома. И хотя с микроскопом эксперты работали очень аккуратно и, очевидно, заслуживали доверия, я решил, что проверка на предмет пятен все же не помешает.

К концу обеда, когда подали сыр и салат, у нас с Вулфом возникли небольшие разногласия. Я хотел выпить кофе в столовой, после чего сразу отправиться на боковую, а Вулф, несмотря на то что тоже хотел спать, пожелал выпить кофе, как обычно, в кабинете. Вулф заупрямился, и, чтобы преподать ему урок, я решил проявить характер. Он удалился в кабинет, а я остался в столовой. Допив кофе, я отправился на кухню и сказал Фрицу:

— Прости, что заставил тебя потрудиться и

подать кофе в два разных места, но он должен научиться идти на компромисс. Ты ведь слышал, как я предложил, чтобы никому не было обидно, выпить кофе в прихожей.

— Я вовсе не перетрудился, — любезно ответил Фриц. — Арчи, я все понимаю. Понимаю, почему ты такой странный. Кажется, звонят в дверь.

У меня вдруг возникло искушение позволить проклятой штуке звонить дальше. Я отчаянно хотел спать. Впрочем, так же, как и Вулф. И все, что мне нужно было сделать, — повернуть тумблер на стене в кухне, чтобы отключить звонок. Но я не стал поворачивать тумблер, а только сказал Фрицу:

— Правосудие. Общее благо. Долг, будь он проклят! — и пошел открывать парадную дверь.

Глава 25

— Добрый вечер! — поздоровался со мной какой-то тип, стоявший на крыльце. — Мне хотелось бы повидать мистера Вулфа.

Я раньше не встречал этого человека. Он был лет пятидесяти, среднего роста и телосложения, с тонкими прямыми губами и с непроницаемым взглядом игрока в покер. Я было подумал, что это один из людей Бэскома, однако одежда посетителя исключала подобное предположение. Его пальто и костюм консервативного покроя были явно сшиты на заказ.

— Сейчас узнаю. Ваше имя?

— Джон Смит.

— Вы по какому делу, мистер Джонс?

— По частному и очень срочному.

— А нельзя ли сказать поконкретнее?

— Можно, но только лично ему.

— Превосходно. Присядьте и почитайте какой-нибудь журнал.

Я оставил его на крыльце, захлопнув дверь прямо у него перед носом, и пошел в кабинет к Вулфу.

— Мистер Джон Смит. Фамилия, должно быть, из телефонного справочника. Похож на банкира, из тех, что одолжат вам десять центов, потребовав в залог пригоршню бриллиантов. Я оставил его на крыльце, но не переживайте, что он обидится, поскольку у таких людей вообще нет чувств. И пожалуйста, не просите меня узнать, что ему нужно. На это может уйти несколько часов.

— И что ты по этому поводу думаешь? — проворчал Вулф.

— Ничего. Мне же не позволено знать, на каком этапе расследования мы в данный момент находимся. Моим первым порывом было спустить его с крыльца. Но что я точно могу сказать, он наверняка не мальчик на побегушках.

— Приведи его.

Что я и сделал. Посетитель мне не нравился, да и вообще, он помешал нам вовремя лечь спать. Тем не менее я предложил ему красное кожаное кресло, поскольку, сидя в нем, он оказывался лицом к нам обоим. Выпрямившись как палка, он положил руки на колени, сплел пальцы и взглянул на Вулфа.

— Я назвался Джоном Смитом, потому что моя подлинная фамилия не имеет значения. В данном случае я выступаю в роли мальчика на

побегушках… — начал он, с ходу опровергнув мои слова. — У меня к вам конфиденциальное дело, и мне нужно переговорить с вами с глазу на глаз.

Вулф отрицательно покачал головой:

— Мистер Гудвин — мой доверенный помощник. Его уши — мои уши. Я вас слушаю.

— Ни в коем случае! — решительно заявил Смит. — Я должен переговорить с вами наедине.

— Ба! Видите вон ту картину на стене? — спросил Вулф, показывая на изображение памятника Вашингтону. — В действительности это часть панели с замаскированным отверстием в ней. Если я удалю мистера Гудвина отсюда, он пройдет в специальную нишу за этой стеной и все равно будет слышать и видеть нас. Правда, там ему придется стоять. Так зачем же причинять ему подобное неудобство, если он может слушать нас сидя?

Все с тем же бесстрастным видом Смит поднялся с кресла:

— В таком случае нам придется перейти в прихожую.

— Нет, не придется. Арчи, подай мистеру Смиту пальто и шляпу.

Я встал и был уже на полпути к вешалке, когда Смит снова сел. Я вернулся на свое место.

— Слушаю вас, сэр? — обратился к нему Вулф.

— У нас есть кое-кто, — начал Смит прежним высокомерным тоном, поскольку другим, видимо, никогда не говорил, — кто виновен в убийстве Буна и Гантер.

— У нас? Кое-кто?

Смит почесал нос, опустил руку и вновь сплел пальцы:

— Разумеется, смерть всегда трагедия. Она влечет за собой скорбь, страдания и нередко трудности. И тут уж ничего не поделаешь. Но смерть этих двоих нанесла непоправимый урон тысячам совершенно невинных людей, которые пали жертвой чудовищной несправедливости. Все мы знаем, что у нас в стране есть некие элементы, пытающиеся разрушить фундамент, на котором зиждется наше общество. И эта смерть служит… сослужила им хорошую службу. Само существование демократической системы, становым хребтом которой являются наши граждане, проникнутые самыми высокими идеалами, и наши выдающиеся бизнесмены, благодаря которым живет и процветает эта система, находится в данный момент в крайней опасности. И причина этой опасности — событие, а теперь уже два события, которые подрывные элементы либо

подготовили сами, либо использовали в своих преступных целях. С точки зрения общественного благополучия эти два события сами по себе малозначительны. Но в глобальном смысле…

— Извините, — прервал его Вулф, — я и сам умею произносить речи. Насколько я понимаю, вы имеете в виду широкое недовольство Национальной ассоциацией промышленников, возникшее в стране из-за этих убийств?

— Да. Я только хочу подчеркнуть, что на фоне этих, в сущности, тривиальных событий колоссальный ущерб, который они…

— Простите, вы об этом уже говорили. Переходите, пожалуйста, к следующему пункту, но сперва скажите: вы представляете Национальную ассоциацию промышленников?

— Нет. Я представляю, если хотите, отцов-основателей этой страны. Я представляю жизненно важные интересы американского народа. Я…

— Хорошо, хорошо! Дальше.

Смит снова расплел пальцы — на сей раз у него возникла необходимость почесать подбородок, — после чего продолжил:

— Возникшее положение совершенно нетерпимо. Оно, повторяю, играет на руку самым опасным элементам и пропаганде их теорий. По-

этому мы не постоим за ценой, чтобы положить конец нынешнему положению — и чем быстрее, тем лучше! Родина не забудет того, кто возьмется за это. Он заслужит великую благодарность своих сограждан, и особенно тех, кому приходится страдать из-за подобной несправедливости.

— Иначе говоря, — высказал предположение Вулф, — такому человеку должны кое-что заплатить.

— Ему *непременно* кое-что заплатят.

— Жаль, что я уже занят. Люблю, когда мне платят.

— Так в чем же дело? Наши интересы совпадают.

— А знаете, мистер Смит, — нахмурился Вулф, — мне понравилось, как вы начали беседу. В первом же коротком предложении вы выразили сразу все. За исключением кое-каких деталей. Кто вы и откуда?

— Это глупо, — заявил Смит. — А вы далеко не так глупы. Конечно, вы сможете узнать, кто я такой, если возьмете себе это за труд. Но, кроме меня, есть еще семь уважаемых — весьма уважаемых — мужчин и женщин, с которыми я сегодня после обеда играю в бридж. Что займет весь вечер начиная с семи часов.

— Хороший расклад. Восемь против двоих.

— Да, действительно хороший, — согласился Смит, вновь расплел пальцы, но не нашел что почесать и достал из бокового кармана пиджака пакет, завернутый в белую бумагу и заклеенный скотчем; пакет был весьма увесистый, так что Смиту пришлось вытаскивать его двумя руками. — Как вы верно заметили, — кивнул он, — тут имеются кое-какие детали. Вы получите гонорар в триста тысяч долларов. Здесь треть этой суммы.

Я оценил пакет на глазок и решил, что здесь, должно быть, не только сотенные, но и пятисотенные и тысячные купюры. Вулф слегка поднял бровь:

— Поскольку сегодня вечером вы играете в бридж и поскольку вы явились ко мне, очевидно считая меня законченным негодяем, вам не кажется, что с вашей стороны это несколько опрометчиво? Как я уже говорил, мистер Гудвин — мой доверенный помощник. А что, если он отнимет у вас деньги, положит их в сейф, а вас выставит за дверь?

Впервые за все это время Смит несколько изменился в лице, хотя легкая морщина, пролегшая у него на лбу, явно не говорила о сильной тревоге.

— Возможно, — начал Смит все тем же ровным

тоном, — вы все-таки глупец, хотя я в этом сомневаюсь. Мы знакомы с вашим послужным списком и наслышаны о вашем характере. Никому и в голову не могло прийти считать вас негодяем. Вам предоставляется возможность оказать услугу…

— Нет! — решительно произнес Вулф. — Все это мы уже слышали.

— Как угодно. Дело вот в чем. Существуют определенные причины, по которым вам предлагают столь крупный гонорар. Во-первых, все знают, что вы обычно берете большое вознаграждение за каждый чих. Во-вторых, растущее негодование общественности против уполномочивших меня лиц прямо или косвенно принесет им убытки в сотни миллионов долларов, по сравнению с чем триста тысяч — сущий пустяк. В-третьих, вам предстоят расходы, и, возможно, крупные. В-четвертых, мы понимаем, что выполнение нашего поручения связано с определенными трудностями, и, говоря откровенно, не знаем никого, кроме вас, кто способен с ними успешно справиться. Заметьте, никто не считает вас негодяем. Ваше утверждение беспочвенно.

— Значит, я неправильно истолковал фразу, которую вы произнесли в начале нашей беседы. — Вулф уставился на Смита. — Разве вы не

сказали: «У нас есть кое-кто, кто виновен в убийстве Буна и Гантер»?

— Да, сказал, — ответил Смит, глядя Вулфу прямо в глаза.

— Кто же это?

— Пожалуй, я выразился не совсем точно. Видимо, следовало сказать: «Мы намерены предложить кое-кого».

— Кого же?

— Либо Соломона Декстера, либо Элджера Кейтса. Мы предпочли бы Декстера, но сойдет и Кейтс. Мы поможем вам получить кое-какие улики, но какие именно — уточним позже, когда вы разработаете план дальнейшего расследования. Мы еще обсудим с вами этот вопрос. Кстати, выплата остальных двухсот тысяч не будет зависеть от вынесения обвинительного приговора. Мы понимаем, что это вы гарантировать не можете. Еще сто тысяч вы получите, как только будет предъявлено официальное обвинение, а последние — в день начала процесса. Мы считаем, того эффекта, который вызовет предъявление официального обвинения, будет вполне достаточно. Это нас вполне удовлетворит.

— Вы адвокат, мистер Смит?

— Да.

— Тогда почему бы вам не уплатить за Декстера несколько больше, чем за Кейтса? Как-никак Декстер исполняет обязанности директора Бюро регулирования цен. Для вас куда важнее убрать в первую очередь его.

— Нет! Сумма и так достаточно приличная, если не сказать — чрезмерная. — Смит постучал пальцем по свертку. — Не будем торговаться. Думаю, это рекордная сумма.

— Боже милостивый, конечно же нет! — Вулф умеренно пылал благородным негодованием, словно ему только что дали понять, что он окончил всего шесть классов начальной школы. — Было еще дело, связанное с нефтяным месторождением Типот-Доум. Я мог бы с ходу назвать еще восемь, десять, дюжину случаев. Аллиат, царь Лидии, получил золота столько, сколько весили десять барсов. Ришелье зараз заплатил д'Эффиа сто тысяч ливров, что как минимум эквивалентно сегодняшним двум миллионам долларов. Так что, мистер Смит, вы себе явно льстите, утверждая, будто это рекордная сумма. Вы просто скряга, если иметь в виду действительную стоимость того, что вы предлагаете мне сделать.

Речь Вулфа не произвела на Смита никакого

впечатления.

— Черным налом, — сказал он. — Для вас это эквивалентно чеку примерно на два миллиона долларов.

— Верно, — согласился Вулф. — Об этом я тоже подумал. Вообще-то, я отнюдь не утверждаю, будто вы скряга. И торговаться тоже не люблю. Однако… — он тяжело вздохнул, — однако должен вам сказать, что существует одно непреодолимое препятствие.

— Какое еще препятствие?

Я заметил, что Смит впервые моргнул.

— Ваш выбор объектов. Прежде всего он слишком очевидный. Но не это главное. Главное в том, что ни у того, ни у другого не было мотива. Для всякого убийства нужен мотив, а для двух убийств — тем более. Применительно к мистеру Декстеру и мистеру Кейтсу его невозможно найти, так что я даже не буду пытаться. Вы изволили великодушно заметить, что меня нельзя назвать глупцом, но я действительно сваляю дурака, если попробую привлечь мистер Декстера или мистера Кейтса к ответственности, не говоря уже о том, чтобы позволить их осудить. — Вулф был непоколебим. — Нет, сэр. Но вы можете постараться найти кого-нибудь, кто рискнет попробовать. Как

насчет из сыскного агентства Бэскома?

— Но я же говорил, мы поможем вам получить некоторые доказательства.

— Не имеет значения. Отсутствие явного мотива сделает вашу затею нереальной, несмотря на наличие доказательств, которые так или иначе будут косвенными. А кроме того, к любым доказательствам, которыми вы сможете меня обеспечить, будет крайне предвзятое отношение, поскольку они направлены против человека из БРЦ, а также с учетом их возможного источника. Вы это должны понимать.

— Совершенно необязательно.

— Вы ошибаетесь. Это неизбежно.

— Нет. — Выражение лица Смита абсолютно не изменилось, хотя он явно принял решение показать свою карту, что и сделал не моргнув глазом. — Могу привести пример. Если водитель такси, который привез сюда Декстера, заявит, что видел, как тот прятал под пальто кусок железной трубы, обернутой шарфом, такое свидетельство не вызовет подозрений.

— Возможно, и нет, — согласился Вулф. — А у вас есть этот водитель такси?

— Нет. Я привел его в качестве примера. Мы же не можем отправляться на поиски водителя

такси или кого-то там еще, не придя к соглашению по поводу того… на кого конкретно должна пасть вина?

— Конечно не можете. А еще примеры у вас имеются?

Смит покачал головой. Тут он в чем-то напоминал Вулфа, поскольку также не видел смысла использовать для работы сто эргов, когда вполне хватило бы и пятидесяти. Вулф обычно склонял голову на одну восьмую дюйма вправо и ровно настолько же влево, и если к Смиту приложить линейку, то результат будет аналогичным. Однако Вулф все-таки несколько экономнее расходовал энергию. Он весил вдвое больше Смита, а потому расход энергии на фунт массы, что является наиболее корректным методом измерений, получался намного меньше.

— Вы явно забегаете вперед, — заявил Смит. — Я ведь сказал, что мы обсудим проблему доказательств, когда вы разработаете план действий. А план действий вы разработаете только тогда, когда примете наше предложение. Я правильно понял, что вы его приняли?

— Нет, неправильно. Все не так, как вы описали. Я его отклоняю.

Смит принял отказ, как джентльмен. Он ничего

не сказал. После затянувшегося молчания он тяжело сглотнул, впервые продемонстрировав слабость. Похоже, он сдался и был готов предложить новые условия сделки. Помолчав еще немного, он снова сглотнул, и все сомнения разом отпали.

— Но есть другой вариант, — сказал он. — И здесь вам нечего будет возразить. Я говорю о Доне О'Ниле.

— Мм… — промычал Вулф.

— Он тоже прибыл на такси. Мотив вполне очевидный и на самом деле почти доказанный, поскольку он уже широко обсуждается, злонамеренно и неправомерно, по всей стране. Кандидатура О'Нила, конечно, не настолько хорошо подходит для наших целей, как кандидатуры Декстера или Кейтса, однако это поможет переключить внимание негодующей общественности с организации или группы лиц на одного человека. Что полностью изменит картину.

— Мм…

— А кроме того, источник доказательств не вызовет подозрений.

— Мм…

— И таким образом можно существенно расширить круг свидетелей. Так, например, можно

будет получить показания человека — или даже нескольких человек, — которые видели, как у вас в прихожей О'Нил прятал шарф в карман пальто Кейтса. Насколько мне известно, ваш доверенный помощник Гудвин был там все время и…

— Нет! — оборвал его Вулф.

— Он вовсе не имел в виду, что меня там не было, — заверил я Смита с дружеской улыбкой. — Он только хотел сказать, что этот вариант мы уже рассматривали как чертовски подходящий. Вам следовало прийти сюда чуть раньше, и я с удовольствием обговорил бы с вами условия. Ведь О'Нил пытался подкупить меня в воскресенье, а по воскресеньям я не продаюсь…

Он метнул в мою сторону острый взгляд, но смотрел сквозь меня:

— Что О'Нил просил вас сделать?

Я покачал головой, возможно затратив тысячу эргов:

— Так не пойдет. А вам бы хотелось, чтобы я рассказал ему, что именно вы просили меня сделать?

Смит явно не собирался так просто отступать, что свидетельствовало о неутолимой жажде знаний, однако его вера в сохранение энергии, подкрепленная уже сложившимся обо мне

мнением, взяла верх. Он сдался без боя и снова сосредоточился на Вулфе.

— Даже если Гудвин и не может стать свидетелем, — сказал Смит, — наверняка есть хороший шанс взять показания у кого-то из присутствовавших.

— Только не у мистера Бреслоу, — заявил Вулф. — Он будет никудышным свидетелем. А вот мистер Уинтерхофф вполне подойдет. Мистер Эрскин-старший будет восхитительным свидетелем. Насчет Эрскина-младшего я не слишком уверен. Но лучше всех справится мисс Хардинг. Вы сможете с ней договориться?

— Вы снова опережаете события.

— Вовсе нет. Опережаю события? Подобные детали имеют архиважное значение.

— Я знаю, что имеют. Но все только после того, как вы согласитесь. Так вы принимаете мое предложение относительно О'Нила?

— Видите ли… — Вулф откинулся на спинку кресла, слегка приоткрыл глаза и сложил кончики пальцев на животе. — Сейчас я отвечу, мистер Смит. Пожалуй, лучше всего оформить все в виде сообщения или нескольких сообщений, предназначенных для мистера Эрскина. Передайте мистеру Эрскину…

— Я не представляю Эрскина. Я вообще не называл никаких фамилий.

— Разве? А мне показалось, вы упоминали мистера О'Нила, и мистера Декстера, и мистера Кейтса… Так вот, все дело в том, что полиция может с минуты на минуту найти десятый валик. И тогда, учитывая содержание сделанной на нем записи, все мы окажемся в дураках.

— Нет, если у нас будет…

— Прошу вас, сэр! Я не мешал вам говорить, не мешайте и вы мне. Если увидите где-нибудь мистера Эрскина, передайте, что я весьма признателен. Теперь я знаю, какой гонорар могу запрашивать, не рискуя его этим шокировать. Передайте, что я не менее признателен и за его старания оградить этот гонорар от посягательств налоговых органов, хотя подобное мошенничество меня совершенно не привлекает. Это, конечно, дело вкуса, но мне решительно не нравится. Передайте, что я отлично понимаю, что на счету каждая минута. Мне известно, что смерть мисс Гантер усилила возмущение общественности. Я читал передовицу в сегодняшнем номере «Уолл-стрит джорнал». Я слышал сегодня выступление Рэймонда Свинга по радио. Я знаю, что происходит. — Вулф открыл глаза еще шире. —

Но главным образом не забудьте сказать ему, что если эти идиотские мошеннические уловки не прекратятся и вы продолжите швыряться деньгами, в чем я буду бессилен, то я все равно выставлю вам счет и заставлю рассчитаться сполна. Вот теперь я убежден, что он либо убийца, либо круглый дурак, а может, и то и другое. Слава богу, он не мой клиент! Что же до вас… Как вы сами изволили выразиться, вы всего лишь мальчик на побегушках, но, насколько я понимаю, вы солидный юрист, занимающий высокое положение. А значит, давали клятву служить закону. Пф! Арчи, мистер Смит уходит.

Смит действительно встал с кресла и выпрямился. Но прежде чем уйти, произнес тем же тоном, каким по приходе сообщил мне, что желает видеть мистера Вулфа:

— Мне хотелось бы знать, могу ли я рассчитывать, что эта беседа останется между нами? Точнее, чего мне следует ожидать?

— Вы тоже круглый дурак! — огрызнулся Вулф. — Какое значение лично для вас имеет мой ответ? Я даже не знаю вашей фамилии. Я поступлю так, как считаю нужным.

— Если вы думаете… — начал было Смит, но не закончил, опасаясь, очевидно, выдать свои

истинные чувства, например клокочущую в груди ярость, что с учетом обстоятельств было бы неприемлемо.

Поэтому, полагаю, не будет большим преувеличением сказать, что Смит потерял дар речи. Он молча вышел и молча спустился с крыльца, даже не пожелав мне спокойной ночи.

Когда я вернулся в кабинет, Вулф уже позвонил, чтобы ему принесли пиво. Я определил это путем дедукции, поскольку почти сразу же появился Фриц с подносом в руках. Преградив ему дорогу, я произнес:

— Мистер Вулф передумал. Унеси пиво. Сейчас уже начало одиннадцатого, а накануне ночью он спал всего два часа, так что он отправляется в постель. Впрочем, так же, как и мы с тобой.

Вулф ничего не сказал, и Фриц унес поднос.

— Сегодняшняя история напомнила мне о картине, — сказал я, — которая висела у нас дома в столовой. На ней были изображены мужчина и женщина, мчащиеся в санях и швыряющие младенца стае волков, которая их преследует. Возможно, это не совсем точно в отношении Декстера или Кейтса, но непосредственно касается О'Нила. Командный дух, ну и ну! Господи, он же был председателем банкетной комиссии! В

детстве я часто размышлял над этой картиной. С одной стороны, жестоко, разумеется, бросать ребенка на растерзание волкам. Но с другой — если не принести эту жертву, они сожрут и младенца, и путников, и лошадей. Конечно, из саней могли бы выскочить мужчина или женщина. Помню, я тогда представлял, как целую жену с ребенком и бросаюсь прямо в гущу волков. Правда, в то время мне было всего восемь лет, и теперь я уже не считаю себя связанным тогдашним решением. Ну а что вы думаете об этих мерзавцах?

— Они в панике. — Вулф поднялся, одернул жилет и стал пробираться к двери. — Положение у них отчаянное. Спокойной ночи, Арчи. — И уже с порога он, не оборачиваясь, пробурчал: — Впрочем, такое же, как и у меня.

Глава 26

На следующий день, в среду, с утренней почтой пришли первые письма от Бэскома. Четыре — в час дня (о чем мне сообщили позже, чтобы я мог сделать соответствующие записи в журнале, поскольку меня не было дома) и еще девять — во второй половине дня, их принес посыльный. Тогда у меня еще не было ни малейшего представления, на какой рубеж выдвигается батальон Бэскома, так же как и о том, чем занимаются Сол Пензер и Билл Гор, поскольку они отчитывались по телефону лично Вулфу, причем мне было велено не брать вторую трубку. Письма от Бэскома доставлялись Вулфу нераспечатанными, как и было приказано.

Я выполнял лишь мелкие поручения. По распоряжению Вулфа я позвонил, например, в фирму «Стенофон» и договорился, что они дадут нам напрокат диктофон с громкоговорителем — вроде того, какой их менеджер привозил нам в воскресенье. Они откликнулись на мою просьбу не слишком охотно, и мне пришлось проявить настойчивость, чтобы добиться обещания срочной

доставки. И я действительно получил обещание, хотя, по моим понятиям, проигрывать нам было нечего. Час спустя машина прибыла, и я загнал ее в угол.

Еще одно утреннее поручение, которого я удостоился, состояло в том, чтобы позвонить Фрэнку Томасу Эрскину. Я поставил его в известность, что наши расходы растут как снежный ком и что мы при первой же возможности хотели бы получить от него чек еще на двадцать тысяч долларов. Эрскин воспринял это заявление как нечто само собой разумеющееся и тут же попросил меня договориться с Вулфом о встрече в одиннадцать часов, что я и сделал.

Самое интересное произошло, когда точно в одиннадцать прибыла вся честная компания: Бреслоу, оба Эрскина, Уинтерхофф и Хэтти Хардинг, а с ними еще и О'Нил! Это свидетельствовало о том, что они явно не собирались продолжать разговор, не законченный Джоном Смитом, поскольку основной идеей Смита было повесить на О'Нила парочку убийств, если только они не хотели подсластить пилюлю, предложив нам три подписанных экземпляра признания О'Нила, из которых один мы должны были подшить в дело. Но я слишком хорошо знал О'Нила, чтобы

рассчитывать на нечто подобное, так как в свое время именно он пытался меня лягнуть.

Эрскин привез с собой чек. Они пробыли у нас больше часа, но я так и не понял цель их визита — ну разве что продемонстрировать, как они расстроены. Никто, в том числе и сам Вулф, и словом не обмолвился о Джоне Смите. Примерно полчаса они потратили на попытки получить от Вулфа какой-то отчет о ходе расследования, что, естественно, оказалось пустой затеей. В течение другого получаса из него пытались выбить предварительный прогноз сроков раскрытия преступления и поимки преступника. Двадцать четыре часа? Сорок восемь? Три дня? Ради всего святого, когда? Эрскин категорически заявил, что каждый новый день задержки наносит непоправимый вред Соединенным Штатам Америки и всему американскому народу.

— Папа, ты так трогательно говоришь, что меня вот-вот слеза прошибет! — заметил Эрскин-младший.

— Заткнись! — рявкнул папа.

Все они тут же, не стесняясь нас, перессорились. Психологическое давление было слишком велико, и НАП больше не выступала единым фронтом. Глядя на них, я вспомнил предложение

Смита подыскать человека, готового показать, что видел кого-то, кто подсовывал шарф в пальто Кейтса. Такое показание, подумал я, любой из них даст против кого угодно. Может, только Эрскины не пойдут друг против друга, да и то сомнительно. В какой-то мере оправдывало этот визит лишь упоминание о том, что завтра, то есть в четверг, в двухстах вечерних и утренних газетах, издающихся более чем в ста городах, появится громадное, на всю полосу, объявление с предложением ста тысяч долларов тому, кто своими показаниями поможет властям арестовать убийцу или Чейни Буна, или Фиби Гантер, или обоих.

— Полагаю, общественность оценит наши усилия, как вы думаете? — без особой надежды спросил Эрскин.

Я не услышал, что ответил Вулф и чем закончилась беседа, так как поспешно поднялся в свою комнату, чтобы пройтись расческой по волосам и, быть может, помыть руки. У меня едва оставалось время, чтобы доехать и припарковать машину на Сорок девятой улице у входа в «Уолдорф» ровно в двенадцать пятьдесят. А что, если впервые за миллион лет женщина не опоздает на свидание, а явится раньше?

Глава 27

Нина Бун пришла в четырнадцать минут второго, и, поскольку это было еще по-божески, я воздержался от каких-либо замечаний. Я встретил Нину, как только она появилась на улице, увлек ее к месту парковки моего автомобиля, к западу от выхода из отеля, и открыл ей дверцу. Нина забралась внутрь. Я повернулся проверить обстановку, и, как я и думал, какой-то человек, вертевший головой по сторонам, явно следил за Ниной. Мы были незнакомы, и я, естественно, не знал его имени, но уже видел раньше, как он крутился поблизости. Я подошел к нему и сказал:

— Я Арчи Гудвин, подручный Ниро Вулфа. Если ты шел за дамой по пятам, то, значит, видел, как она садилась в мою машину. Я не могу предложить тебе поехать с нами, потому что я сейчас работаю с этой дамой, но хочу предложить несколько вариантов. Итак, я готов или подождать, пока ты поймаешь такси, но могу поспорить на пять баксов, что оторвусь от тебя меньше чем за десять минут, или подмазать тебя прямо сейчас, чтобы ты потерял след. Готов дать

четвертак. Пятнадцать центов сейчас и остальные десять, когда увижу копию твоего отчета. Если…

— Мне уже говорили, — ответил он, — что с тобой можно справиться только двумя способами. Первый — это пристрелить тебя на месте, но здесь слишком много народу. Остается второй. А значит, выкладывай пятнадцать центов.

— Отлично! — Выудив из кармана три монеты по пять центов, я вручил их ему. — Бери, мне не жалко. Все расходы за счет НАП. Мы едем в одно местечко под названием «У Рибейро». Это бразильский ресторан на Пятьдесят второй улице.

Я сел в машину рядом со своей жертвой, завел мотор и укатил.

Угловой столик в глубине зала ресторана «У Рибейро» — удобное место для задушевной беседы. Еда, конечно, не фонтан для того, кого Фриц Бреннер кормит три раза в день, но в остальном все в порядке: никакой музыки и можно вертеть вилкой во всех направлениях, не рискуя воткнуть ее в кого-то, кроме собственного соседа.

— Похоже, здесь меня никто не знает, — заметила Нина, после того как мы сделали заказ. — По крайней мере, никто открыто не пялится. Наверное, обычные люди думают, что это очень

лестно — быть знаменитостью, которую всюду замечают и на которую показывают друг другу в ресторанах и других общественных местах. Раньше я и сама так считала, а сейчас это меня уже просто достало. Хочется вскочить и наорать на них. Возможно, если бы мои фото появились в газетах, потому что я, скажем, кинозвезда или совершила нечто выдающееся, тогда я наверняка не чувствовала бы себя так неловко.

Ага, подумал я, кроме тети Луэллы, ей явно не с кем поговорить, а душу излить хочется! Что ж, пусть говорит.

— И все же, — заметил я, — на вас, несомненно, заглядывались и раньше, до всех этих событий. Уж кем-кем, а уродливой вас точно не назовешь.

— Да? — Она с трудом сдержала улыбку. — С чего вы взяли? Я сейчас ужасно выгляжу.

Я сделал вид, будто внимательно ее рассматриваю.

— Сейчас, конечно, не самый удачный момент, чтобы судить о вашей внешности. Глаза опухли, подбородок выпятился вперед — наверняка оттого, что вы постоянно стискиваете зубы. И все же в вас есть много такого, на что приятно взглянуть: выразительные скулы, красивый лоб и виски. А волосы вообще выше всяких похвал. Увидев

вас на улице со спины, один мужчина из трех непременно ускорит шаг, чтобы взглянуть на вас сбоку или спереди.

— Почему только один? А остальные двое?

— Боже мой! — возмутился я. — Зачем вам так много? Один из троих — это уже грандиозно. Я несколько преувеличил именно потому, что мне очень понравились ваши волосы, и лично я наверняка припустил бы за вами рысцой.

— Тогда в следующий раз сяду к вам спиной. — Она положила руку на колено, чтобы пропустить официанта. — Знаете, мне ужасно хочется у вас узнать, и вы просто обязаны мне ответить, кто велел вам спросить у меня, где находится Эд Эрскин?

— Давайте не будем спешить. Когда я встречаюсь с девушкой, то, согласно своему неписаному правилу, первые пятнадцать минут говорю исключительно о ее внешности. Ведь всегда есть шанс сказать что-то, что ей понравится, и тогда беседа пойдет как по маслу. И еще я считаю, что обрабатывать вас за едой — это дурной тон. Мне поручено выудить у вас абсолютно все, что вы знаете. И я, конечно, постараюсь выполнить поручение, но только после того, как нам подадут кофе. А к этому времени, если я, конечно, буду в

ударе, вы уже настолько расслабитесь, что даже позволите мне записать номер вашей карточки социального страхования.

— Не хотелось бы упустить такую возможность. — Нина выдавила улыбку. — Было бы интересно посмотреть, как вы это делаете, но я обещала тете к четырнадцати тридцати вернуться в отель и, кстати, привести вас с собой. Вы согласны?

— Встретиться с миссис Бун? — удивился я.

— Да.

— Она хочет видеть меня?

— Да. Возможно, всего на пятнадцать минут, чтобы обсудить ее внешность. Тетя не сказала зачем.

— Но для девушки старше пятидесяти хватит и пяти минут.

— Ей еще нет пятидесяти! Только сорок три.

— Все равно, хватит и пяти минут. Однако, так как времени у нас в обрез, лишь до половины третьего, боюсь, мне придется сразу брать быка за рога, не дожидаясь, пока удастся сломать ваше сопротивление. Как вы себя чувствуете? У вас, случайно, не возникло желания растаять, или расслабиться, или положить голову на мое мужественное плечо?

— Ни малейшего. — Ее тон звучал как приговор. — У меня сейчас единственное желание: как следует оттаскать вас за волосы.

— А вдруг случится чудо, — с раскаянием в голосе начал я, — и вы все же почувствуете себя достаточно непринужденно, чтобы сообщить мне свой размер обуви. Ну ладно, пусть нас сперва обслужат, а там посмотрим. Кстати, вы не допили свой коктейль.

Она допила. Официант поставил перед каждым из нас по тарелке дымящихся креветок с сыром и острым соусом и по миске салата, который был заправлен прямо при нас. Нина подцепила вилкой креветку, но, решив, что она слишком горячая, разделила ее пополам и только затем положила в рот. И хотя Нина была явно не расположена пробовать новые блюда, она все же заставила себя и тут же наколола на вилку вторую половину креветки.

— Мне нравится, — заявила она. — Ладно, начинайте выуживать из меня информацию.

— Моя техника несколько необычна, — сказал я, проглотив вторую креветку. — Сейчас не только ведется тщательное наблюдение за всеми присутствовавшими на той встрече, но и отцеживается через марлю, совсем как этот сыр,

прошлое каждого из десяти. Кстати, вам нравится этот сыр?

— Нравится. Ужасно нравится.

— Вот и прекрасно. Придется нам почаще здесь бывать. Так вот, человек сто — нет, пожалуй, больше — проверяют прошлое всех вас. Пытаются установить, например, не встречалась ли тайно миссис Бун с Фрэнком Томасом Эрскином где-нибудь на променаде в Атлантик-Сити. Не изнываете ли вы с Бреслоу от нетерпения в ожидании, когда жена согласится дать ему развод. Все это требует времени и денег. Поэтому я применяю иной подход. Лично я предпочитаю задать вопрос прямо в лоб. Ну так как насчет вас?

— Насчет меня? Не изнываю ли я?

— Да. От нетерпения поскорее стать женой Бреслоу.

— Чепуха! Я изнываю от нетерпения поскорее расправиться с этими креветками.

Проглотив очередную креветку, я продолжил:

— Видите ли, они зашли в тупик, включая Ниро Вулфа. Они не пытаются все усложнить просто так, без причины. Оптимальный выход из сложившейся ситуации, который устроит практически всех, включая самих расследователей, есть самый простой выход, а именно: согласить-

ся, что один из этих шестерых членов НАП убил Чейни Буна по объективной причине, после чего по той же самой причине убил Фиби Гантер. Но проблема в том, что, если все так и было, как узнать, кто из шестерых это сделал, не говоря уже о том, чтобы это доказать. Совершенно очевидно, что здесь даже не один шанс на миллиард. Полиция Нью-Йорка и ФБР уже неделю работают над этим делом, бросив на него лучшие силы, ну и чего, спрашивается, они добились? Ходят за вами хвостом.

— Ну… — Нина гоняла вилкой соус и сыр по тарелке. — А вы, значит, приглашаете меня на ланч.

— Совершенно точно, и я могу объяснить почему, если не считать ваши волосы и прочие личные подробности. Мы все увязнем, если не посмотрим на дело под новым углом. И я пришел к вам, поскольку не лишено вероятности, что вы, сами того не зная, можете подсказать нам, какой это угол. И я, естественно, полагаю, что вы тоже хотите, чтобы убийцу нашли и наказали. В противном случае…

— Хочу. Конечно хочу.

— Тогда я буду задавать вам прямые вопросы, а там посмотрим, что у нас получится. Итак, кого

из этих членов НАП вы знали лично?

— Никого.

— Никого из шести?

— Да.

— А как насчет представителей ассоциации вообще? Ведь на том обеде их было тысячи полторы.

— Глупый вопрос!

— Так отвечайте побыстрее, и все. Вы знали кого-нибудь из них?

— Нескольких, возможно, да. А точнее, сыновей и дочерей. Год назад я окончила колледж Смит. Во время учебы и позднее часто бывала в их обществе. Впрочем, если бы я припомнила каждую встречу и каждое сказанное тогда слово, вы вряд ли извлекли бы из этого хоть что-нибудь интересное для себя.

— Значит, получается, вас бесполезно расспрашивать?

— Совершенно верно. — Она взглянула на часы. — Да и времени не осталось.

— Хорошо. Мы еще к этому вернемся. А что вы можете сказать о своей тетушке? О ее свиданиях с Эрскином? Она действительно встречалась с ним?

— Спросите у нее сами. — Нина издала подо-

зрительный звук, который при других обстоятельствах вполне можно было бы принять за смех. — Возможно, она и хотела поговорить с вами на эту тему. Но если наше прошлое так тщательно изучили, как вы говорите, то, полагаю, к этому времени уже должны были установить, что тетя Луэлла сохраняла верность дяде и жила исключительно его интересами.

Я укоризненно покачал головой:

— Вы меня не поняли. В том-то все и дело. Хотите, приведу вам такой пример? А что, если Бун в тот вторник в Вашингтоне узнал нечто важное о том, что совершил Уинтерхофф, или нечто такое, что заставило Буна предпринять некие действия, влияющие на бизнес Уинтерхоффа, и что, если Бун рассказал об этом своей жене, когда они наконец встретились в номере отеля (что вы вполне могли слышать, поскольку тоже там находились), и что, если миссис Бун знает Уинтерхоффа — нет, не крутит с ним шашни, — а просто знает, и что, если чуть позже, в гостиной отеля, она во время третьего коктейля разговаривала с Уинтерхоффом и неосознанно намекнула ему о происходящем? Именно это я и имел в виду, когда говорил о необходимости посмотреть на дело под другим углом. Я могу придумать еще

тысячу примеров наподобие этого, но мы хотим установить истину. Именно поэтому меня так интересует круг знакомых вашей тетушки. Неужто это так дурно?

Нина Бун успешно справлялась с креветками, которые успели достаточно остыть, что облегчало Нине задачу.

— Нет, но советую обратиться к ней лично. Я могу говорить только за себя.

— Ну конечно. Вы добродетельны и благородны. Это видно по вашему подбородку. Вести ангельской внемли! Ставлю пятерку за поведение.

— Но чего вы от меня хотите?! Может, вы хотите, чтобы я сказала, будто видела, как тетушка уединялась в темном уголке с Уинтерхоффом или с кем-нибудь еще из этих кривляк? Так вот, ничего такого я не видела. А если бы и видела… — Она осеклась.

— А если бы видели, то сказали бы?

— Ни за что! Хотя, по-моему, моя тетка мне как кость в горле.

— Вы ее не любите?

— Терпеть не могу, не одобряю, да и вообще считаю нелепым пережитком прошлого. Но это мое личное дело.

— Так вы согласны с предположением Бреслоу,

что миссис Бун убила своего мужа, приревновав его к Фиби Гантер, а позже, в доме Вулфа, закончила свое грязное дело?

— Нет. А что, кто-то согласен?

— Не могу знать. — Разделавшись с креветками, я занялся салатом. — Я вот тоже не согласен. Но гипотеза о том, что миссис Бун ревновала мужа к Фиби Гантер, заслуживает внимания.

— Конечно ревновала. В Бюро регулирования цен работает несколько тысяч женщин и девушек, и тетка ревновала дядю к каждой из них.

— Ну да, руководствуясь исключительно нюхом. Но Фиби Гантер не была одной из тысячи, а явно особенной. Разве нет?

— Конечно была, — подтвердила Нина, бросив на меня быстрый взгляд, значения которого я не понял. — Она была весьма и весьма особенной.

— А она, случайно, не могла сделать такую тривиальную вещь, как забеременеть?

— Боже мой! — Нина отодвинула в сторону салат. — А вы ничего не упускаете из виду, да?

— Это не ответ. Так была она в положении?

— Нет. С таким же успехом тетушка могла ревновать мужа к кому-нибудь другому. Ее подозрения, что дядя был бабником, — полнейшая ерунда.

— Вы хорошо знали мисс Гантер?

— В общем-то, неплохо. Но мы не были близкими подругами.

— А она вам нравилась?

— Да, пожалуй, нравилась. Я действительно восхищалась ею. И конечно, завидовала. Мне хотелось работать на ее месте, но я не настолько глупа, чтобы не понимать, что это невозможно. Прежде всего я слишком молода, хотя не в этом дело. Фиби была не намного меня старше. Около года она работала на периферии и прекрасно себя зарекомендовала, а потом ее перевели в центральный офис, где она вскоре стала незаменимым сотрудником. Когда новый директор вступал в должность, то обычно начинал с перемещений. Дядя же не только оставил Фиби на прежнем месте, но и повысил ей жалованье. Если бы она была мужчиной и лет на десять старше, ее непременно назначили бы директором после… после смерти дяди.

— Сколько ей было лет?

— Двадцать семь.

— Вы знали ее до того, как поступили на службу в Бюро регулирования цен?

— Нет, но мы познакомились в первый же день. Дядя попросил ее присматривать за мной.

— И она присматривала?

— В какой-то мере. Когда у нее было свободное время. Она ведь занимала очень важное положение и не сидела сложа руки. К тому же она страдала лихорадкой под названием БРЦ.

— Да неужели? — От удивления я не успел поднести ко рту вилку с салатом, и она застыла в воздухе. — И насколько серьезен был случай ее болезни?

— Один из самых тяжелых из зарегистрированных.

— А какие основные симптомы?

— Это зависит от характера и темперамента человека. Простейшая форма подобного заболевания выражается в твердом убеждении, что Бюро регулирования цен всегда и во всем право. Существует целый ряд осложнений: от жгучей ненависти к НАП до мессианской потребности сеять разумное, доброе, вечное в зависимости от того, кем ты являешься — благодетелем человечества или борцом.

— Вас тоже не миновала эта болезнь?

— Конечно. Правда, не в такой острой форме. У меня она вызвана личными причинами. Я была очень привязана к дяде. — У мисс Бун дрогнул подбородок, однако она быстро справилась с

волнением. — Видите ли, я не помню своего отца, мне его заменил дядя Чейни. Я, наверное, много чего не знаю, но я действительно любила дядю.

— Ну а какие осложнения были у Фиби?

— Все, какие я уже называла. — (Подбородок снова был в порядке.) — Она была прирожденным бойцом. Не знаю, сколько врагов БРЦ, например из числа верхушки НАП, были реально в курсе всей нашей подноготной, но, если их разведка работала хорошо, они должны были знать о Фиби. Для них она представляла еще бóльшую опасность, чем мой дядя. По крайней мере, он сам так говорил. Он считал, что даже если в результате каких-то политических перестановок его заставят уйти из бюро, но пока там будет работать Фиби, ничего не изменится.

— Ничего не скажешь, здорово вы мне помогли, — проворчал я. — Никогда бы не подумал! Получается, с Фиби могли расправиться по тем же причинам, что и с вашим дядей. Если вы называете это «посмотреть под другим углом»…

— Я ничего и никак не называю. Вы спросили, я ответила.

— Да, спросил. Как насчет десерта?

— Не уверена.

— Настоятельно рекомендую. Вам, возможно,

весь день придется помогать мне обрабатывать вашу тетю, а десерт даст заряд дополнительной энергии, раз уж вы так не любите тетю. У них неплохой ореховый пудинг с корицей.

В конце концов Нина решила, что это хорошая идея, и я сделал заказ официанту. Грязную посуду унесли, и в ожидании пудинга с кофе мы продолжили разговор о Фиби Гантер, правда никаких потрясающих открытий больше не последовало. Я рассказал Нине о не найденном до сих пор десятом валике, и Нина даже вспыхнула от негодования, когда я высказал предположение, что Фиби поддерживала тайные контакты с кем-то из НАП и спрятала валик в надежном месте, поскольку содержание записи могло скомпрометировать этого человека. Потом я спросил, как она относится к предположению, что валик мог содержать материалы, компрометирующие Соломона Декстера или Элджера Кейтса. Чем плоха эта версия?

Нина замерла с ложкой в руке, энергично покачала головой и сказала, что это бред сумасшедшего. По ее словам, мысль о том, что Декстер мог нанести вред лично Буну, а тем более всему БРЦ, более чем абсурдна.

— Да и кроме того, — заявила Нина, — он же

находился в Вашингтоне и в Нью-Йорк в тот вечер приехал очень поздно, лишь после того, как его вызвали. Что касается мистера Кейтса… Боже мой, да вы только на него посмотрите! Это же не человек, а ходячий арифмометр!

— Черта с два! У него и выражение лица какое-то зловещее.

— Зловещее?! — изумилась мисс Бун.

— Ну, если не зловещее, то загадочное. Помните, в тот вечер у Вулфа Эрскин прямо обвинил его в том, что он убил вашего дядю, поскольку хотел жениться на вас, а дядя не соглашался. А Кейтс заявил, что с удовольствием сделал бы вам предложение, как, впрочем, еще сотни две влюбленных в вас молодцов из Бюро регулирования цен! Но в тот же вечер я узнал, что он уже женат и его благоверная находится во Флориде. Женатые арифмометры не домогаются руки очаровательных девушек.

— Да будет вам! Он просто старался быть галантным.

— Ходячим арифмометрам несвойственна галантность! И потом, откуда у него средства, чтобы при нынешней дороговизне отправить жену на курорт во Флориду, причем до конца марта?

— Ну и ну! — Нина даже положила ложку. — Я

не знаю, какой гонорар НАП согласилась выплатить Ниро Вулфу, но вы честно отрабатываете свои деньги. Насколько я понимаю, вы отчаянно пытаетесь обелить членов ассоциации, причем любыми средствами А может, миссис Кейтс выиграла деньги в бинго? Почему бы вам не проверить?

— Вы так очаровательно раскраснелись, — усмехнулся я, — что мне даже захотелось отказаться от зарплаты, выплаченной деньгами НАП. Когда-нибудь я расскажу вам, как жестоко вы заблуждаетесь, полагая, будто мы хотим повесить убийство на одного из ваших героев вроде Декстера или Кейтса. — Я взглянул на часы. — У нас остается времени ровно на то, чтобы вы могли докурить сигарету и допить кофе… Да, Карлос?

— Вас к телефону, мистер Гудвин. Средняя кабинка.

У меня возникала идея попросить Карлоса ответить, будто мы уже ушли, поскольку имелось сильное подозрение, что тот тип, которого я подмазал с помощью трех пятицентовиков, просто хочет узнать, как долго мы будем сидеть в ресторане, но, хорошенько подумав, я извинился и подошел к телефону, так как только еще один человек знал, где я сейчас нахожусь.

Оказалось, что звонил именно тот один человек.

— Гудвин слушает.

— Арчи, немедленно возвращайся домой!

— Зачем?

— Срочно!

— Но послушайте… Мы как раз собираемся отправиться к миссис Бун. Я уговорил ее встретиться со мной! Я возьму ее в такой оборот…

— Я сказал: сейчас же возвращайся домой!

Спорить было бесполезно. Он говорил так, будто прямо перед ним шесть тигров припали к земле и били хвостами, готовые прыгнуть. Я вернулся к столику и сообщил Нине, что наш день безнадежно испорчен.

Глава 28

Я отвез Нину Бун в отель «Уолдорф» — мой ручной взяточник сидел в такси у нас на хвосте — и помчался на Тридцать пятую улицу. Проклиная оживленное движение и проскочив несколько раз на красный сигнал светофора, я наконец добрался до нашего дома и с радостью убедился, что он пока еще не в огне. Однако в поле видимости имелись два чужеродных объекта: полицейская машина перед домом и какой-то сутулый мрачный тип на верхней ступеньке крыльца.

Вот его я знал. Некто Куэйл. Он подождал, пока я не поднялся на крыльцо, после чего решил продемонстрировать своеобразное дружелюбие:

— А, Гудвин! Надо же, какая удача! А что, в твое отсутствие на звонки никто не отвечает? Ладно, войду с тобой.

— Чем доставишь мне нежданное удовольствие.

Я вставил ключ в замочную скважину, повернул ручку и толкнул дверь. Дверь приоткрылась на два дюйма, и на этом все. Оказалось, она закрыта на цепочку, как всегда в мое отсутствие. Тогда

я нажал на кнопку звонка и позвонил условным звонком. Через минуту в прихожей раздались шаги Фрица.

— Арчи, там полицейский. Мистер Вулф не хочет… — шепнул в образовавшуюся щель Фриц.

— Конечно не хочет. Сними цепочку и не спускай с нас глаз. Офицер полиции рядом со мной с таким рвением выполняет свой служебный долг, что рискует потерять равновесие и свалиться с крыльца. Тогда тебе придется засвидетельствовать, что я его не толкал. Ведь он раза в два старше меня.

— Очень остроумно, сукин ты сын, — печально заметил Куэйл, снова усевшись на ступеньку.

Я вошел в дом и промаршировал прямо в кабинет. Вулф сидел, прямой как шомпол, в одиночестве за своим письменным столом; губы плотно сжаты, глаза, вопреки обыкновению, широко раскрыты, пальцы на столешнице скрючены так, будто он вот-вот вцепится кому-то в горло.

— Где тебя черти носят?! — крикнул он, бросая на меня сердитый взгляд.

— Минуточку, минуточку! — примирительно сказал я. — Из нашего разговора по телефону я понял, что вы не в себе, и, несмотря на транспортный поток, сразу помчался сюда. У нас тут

что, облава?

— Это невыносимо! Кто такой инспектор Эш?

— Эш? Вы должны его помнить. Капитан полиции. Служил в подчинении у Кремера с тысяча девятьсот тридцать восьмого по сорок третий год, а сейчас он начальник убойного отдела в Квинсе. Высокий, с костлявым лицом, пластмассовыми глазами, очень неподкупный и абсолютно без чувства юмора. Почему вы о нем спрашиваете? Что он такого натворил?

— Наша машина в хорошем состоянии?

— Естественно. А что?

— Отвезешь меня в полицейское управление.

— Господи помилуй! — только и мог воскликнуть я.

Значит, случилось нечто очень серьезное. Подумать только, он собирается выйти из дому, совершить поездку на машине, подвергая себя всевозможным уличным рискам, и вдобавок — неслыханное дело! — пропустить свидание с орхидеями с четырех до шести! И все это ради какого-то полицейского.

Потеряв дар речи, я опустился в кресло и вытаращился на Вулфа.

— Хорошо еще, что дверь оказалась запертой, когда пожаловал этот тип, — продолжил Вулф. —

Он заявил Фрицу, что должен отвезти меня к инспектору Эшу. А когда Фриц ответил надлежащим образом, полицейский показал ордер, предписывающий задержать меня как важного свидетеля по делу об убийстве мисс Гантер. Этот тип сунул ордер в щель, но Фриц вытолкнул бумагу обратно и захлопнул дверь, но через стеклянную панель увидел, как полицейский направился к телефону-автомату на углу, оставив автомобиль перед моим домом.

— Надо же! — иронически воскликнул я. — Уже одно это показывает, какой он нехороший человек! Оставить перед вашим домом машину, причем не свою, а служебную!

Вулф, похоже, меня не слышал.

— Я позвонил в офис инспектора Кремера, но получил ответ, что меня не могут с ним соединить. В конце концов к телефону подошел какой-то тип и от имени инспектора Эша заявил, что посланный ко мне человек уже доложил обо всем по телефону. Если я не впущу его в дом и не поеду с ним, полиция немедленно получит ордер на обыск в моем доме со всеми вытекающими отсюда последствиями. С большим трудом мне удалось связаться с комиссаром полиции. И что ты думаешь? У него явно не хватило духу. Сперва

он вилял, а потом пошел, так сказать, на уступки, разрешив приехать прямо к нему, а не к инспектору Эшу. Я ответил, что меня только силой можно усадить в автомобиль, которым будет управлять кто-либо, кроме Арчи. В ответ комиссар сказал, что будет ждать до половины четвертого, и ни минутой дольше. Иначе говоря, мне предъявлен самый настоящий ультиматум. Комиссар также сообщил, что дело об убийстве Буна и Гантер у Кремера отобрали, сам он снят с должности, а расследование теперь ведет инспектор Эш. Вот такие пироги. Это просто неприемлемо.

— Так, говорите, Кремера турнули?! — Я не мог прийти в себя от изумления.

— Во всяком случае, так мне сказал этот… как там его…

— Хомберт? Комиссар полиции?

— Да, чтоб ему пусто было! Я что, должен сто раз повторять одно и то же?

— Ради бога, не надо. Попытайтесь успокоиться. Будь я проклят, старина Кремер не у дел! — Я взглянул на часы. — Сейчас пять минут четвертого, а их ультиматум наверняка имеет жесткие временны́е рамки. Продержитесь еще минуту и старайтесь думать о чем-нибудь приятном. Я сейчас.

Я вышел в прихожую, отодвинул занавеску, посмотрел через стекло в двери и обнаружил, что у Куэйла появился напарник. Сладкая парочка сидела на крыльце спиной ко мне. Я открыл дверь и любезно поинтересовался:

— И что у нас теперь на повестке дня?

Куэйл резко повернулся:

— Мы получили другую бумагу. Я покажу, когда придет время. Это такой документ, который открывает двери всех домов — как сильных мира сего, так и сирых и убогих.

— Покажешь когда? В пятнадцать тридцать?

— А вот на-кася выкуси!

— Да ладно, скажи ему, — буркнул его напарник. — Лавров на этом деле точно не заработаешь.

— Остроумец чертов! — обиженно заявил Куэйл, снова повернувшись ко мне. — В пятнадцать тридцать мы снова сделаем звонок, чтобы получить инструкции.

— Вот это уже совсем другой разговор, — одобрительно заявил я. — Интересно, а что, если я появлюсь на крыльце с крупногабаритным грузом, смутно напоминающим Ниро Вулфа, запихну его в машину и отчалю? Вы станете махать первой бумажкой, чтобы мне помешать?

— Нет. Мы последуем за вами, если вы поедете прямиком до Сентр-стрит. Но если попытаетесь свернуть на Йонкерс — это уже совсем другое дело.

— Ладно. Положусь на твое честное слово. Но если ты забудешь о том, что говорил, и попытаешься его сцапать, я пожалуюсь в отдел здравоохранения. Он очень болен.

— Интересно чем?

— Домоседством. Хроническим. Это нечто прямо противоположное страсти к путешествиям. Вы же не хотите подвергать опасности жизнь человека, да?

— Да.

Удовлетворившись ответом, я закрыл дверь, вернулся в кабинет и доложил Вулфу:

— Все в порядке. Так как нас будет сопровождать почетный эскорт, я готов или ехать на Сентр-стрит, или рвануть в Канаду. Выбор за вами. О своем решении сообщите, когда сядем в машину.

Вулф еще крепче сжал губы и поднялся из-за стола.

Глава 29

— Вы не адвокат! — Инспектор Эш произнес эти слова подчеркнуто оскорбительным тоном, хотя само утверждение ничего оскорбительного не содержало. — Вы не адвокат, а потому все сведения, полученные вами от клиентов, с юридической точки зрения не являются конфиденциальными.

Собрание проходило вовсе не так, как я думал. Кроме нас с Вулфом, в нем участвовали Эш, комиссар полиции Хомберт и окружной прокурор Скиннер, так что огромный, шикарно обставленный кабинет выглядел пустынным, даже если считать Вулфа за троих. По крайней мере, Вулфу не пришлось испытывать физические неудобства, поскольку было найдено подходящее кресло, достаточно массивное, чтобы Вулф мог спокойно разместить там свои телеса.

Вулф твердо стоял на своем.

— Ваше замечание — это детский лепет, — непререкаемым тоном заявил он. — Предположим, мне сообщили нечто такое, о чем я не хотел бы ставить вас в известность. Неужели я признаюсь в том, что доверительный разговор

действительно имел место, после чего откажусь передавать вам его содержание, ссылаясь на конфиденциальность? Пф! Предположим, вы будете на меня давить. Тогда я просто-напросто наплету небылиц, и вы ничего со мной не сделаете.

Эш улыбнулся. Его странные, словно пластмассовые глаза отражали свет четырех огромных окон кабинета, не поглощая его.

— С вами, Вулф, одни проблемы, — сухо ответил он. — Мой предшественник инспектор Кремер окончательно вас испортил. Он не умел с вами обращаться! Вы терроризировали его, но у меня вы запоете по-другому. Начиная с этого момента вы не будете знать, останется у вас через месяц, через год лицензия или нет. Все будет зависеть от вашего поведения. — Эш ткнул себя пальцем в грудь. — Вы же знаете меня и, наверное, помните, как провалили дело Беддикера в Квинсе.

— Вздор! Я отказался от этого дела, еще не приступив к расследованию. А вот вы настолько отвратительно провели следствие, что у прокуратуры не оказалось достаточно улик, чтобы добиться осуждения убийцы, хотя его вина не вызывала сомнений. Мистер Эш, вы не только идиот, но и грубиян.

— Хотите и на мне испробовать свои трюки? —

усмехнулся Эш. — Не понимаю, зачем давать вам месяц, если можно аннулировать вашу лицензию прямо сейчас. Пожалуй…

— Довольно! — властно вмешался Хомберт.

— Слушаюсь, сэр! — почтительно произнес Эш. — Я ведь только хотел…

— Меня не волнует, чего вы хотели. Мы продолжаем топтаться на месте, и вот это меня действительно волнует. Если вам нужно допросить Вулфа по этому делу, ради бога. Остальным будете заниматься в другое время. Это ведь ваша идея, будто Вулф что-то скрывает и самое время взять его в оборот. Ну так действуйте. Я двумя руками за.

— Слушаюсь, сэр! — Эш перестал улыбаться и насупился. — Я только знаю, что всякий раз, как Вулф вмешивается в какое-нибудь расследование, где пахнет большими деньгами, он всегда умудряется получить что-то, что другим не под силу, и держится за это мертвой хваткой до тех пор, пока ему выгодно.

— Вы совершенно правы, инспектор, — сухо подтвердил окружной прокурор Скиннер. — Хочу только добавить, что он держится за дело мертвой хваткой лишь до тех пор, пока не припрет преступника к стенке.

— Да неужели? — парировал Эш. — Уж не по этой ли причине вы позволяете ему командовать всем полицейским управлением и прокуратурой?

— Хотелось бы узнать, — вмешался в их спор Вулф, — вы что, притащили меня сюда, чтобы обсуждать лично меня и методы моей работы? Вам не надоело заниматься пустой болтовней?

— Вас притащили сюда, — окончательно разъярился Эш, — чтобы вы сообщили нам все, абсолютно все, что знаете об этих преступлениях! Вы назвали меня идиотом. А вот я, со своей стороны, считаю, что вы отнюдь не идиот. И нисколько не удивлюсь, если вам, оказывается, известно нечто такое, что дает ясное представление о том, кто именно убил Чейни Буна и мисс Гантер.

— Да, известно. Так же, как и вам.

Все сразу заерзали и зашумели. Я же сидел и невозмутимо улыбался, стараясь создать впечатление, что не вижу особого повода для радости. Я не сомневался, что Вулф, пылая жаждой мести, выдает желаемое за действительное, а это добром не кончится. Он, со своей романтической натурой, нередко впадал в подобные крайности, и остановить его бывало довольно трудно, хотя и входило в мои обязанности. Царящее в ком-

нате возбуждение так и не улеглось, и я решил вмешаться.

— Мистер Вулф вовсе не имел в виду, — скороговоркой начал я, — что убийца уже сидит в нашей машине. Нам еще предстоит уточнить кое-какие детали.

Хомберт и Скиннер в ответ лишь слегка поморщились, а вот Эш вскочил и, с важным видом приблизившись к Вулфу, уставился на него. Эш стоял, заложив руки за спину, что, вообще-то, производило определенное впечатление, хотя если бы он, как Наполеон, скрестил руки на груди, то было бы гораздо эффектнее.

— Советую все же определиться, что он имел в виду, а что нет, — угрожающе заявил Эш. — Если это вранье, я заткну вам его обратно в глотку. А если нет, я заставлю вас впервые в жизни расколоться. — Он повернулся к Хомберту. — Позвольте увести его отсюда, сэр. В вашем кабинете это будет не совсем удобно.

— Идиот! — пробормотал Вулф. — Форменный идиот! — Он поднялся с кресла. — Я очень неохотно согласился на длинное и бесплодное обсуждение этой исключительно трудной проблемы, но категорически не желаю принимать участие в фарсе. Арчи, отвези меня домой!

— Как бы не так! — произнес Эш еще более угрожающим тоном, схватив Вулфа за руку. — Вы арестованы, мой дорогой, и на сей раз…

Зная, что Вулф иногда способен проявлять завидную подвижность и не терпит чужих прикосновений, я был готов к ответным действиям, увидев, как Эш схватил его за руку. Однако пощечина, которую он с ходу влепил Эшу, застала врасплох не только меня, но и инспектора. Эш не заметил приближения угрозы, пока не получил полновесную оплеуху открытой пятерней, сопровождаемую соответствующим шумовым эффектом. Глаза Эша недобро блеснули, он занес левый кулак, и я, подпрыгнув, ринулся вперед. Моя оперативность предотвратила кулачный бой, поэтому я просто вклинился между ними, и левая рука Эша врезалась в мое правое плечо, не набрав нужного импульса. Собрав всю свою волю, я даже не согнул руку в локте, а продолжал стоять между ними подобно живому щиту. И тут Вулф, неоднократно утверждавший, что не переносит драк, процедил сквозь зубы:

— Врежь ему, Арчи! Врежь как следует!

Однако над нами уже нависли Хомберт со Скиннером. Видя, что они явно голосуют против кровопролития, и не испытывая ни малейшего

желания оказаться в каталажке за насилие над инспектором полиции, я отошел в сторону. Вулф сердито посмотрел на меня и по-прежнему сквозь зубы произнес:

— Я арестован, а ты нет. Позвони мистеру Паркеру, пусть добьется, чтобы меня выпустили под залог.

— Гудвин останется тут. — Взгляд Эша не сулил ничего хорошего; у меня никогда не было особых поползновений послать ему открытку на день рождения, но сейчас я даже удивился, обнаружив, какая же он все-таки злобная сволочь. — Нет, вы оба идете со мной…

— А теперь послушайте! — Скиннер раскинул руки, словно защитник, пытающийся утихомирить толпу. — Это просто нелепо. Мы все хотим…

— Так я арестован или нет?

— Ой, забудьте об этом. Полагаю, чисто формально…

— Значит, все-таки арестован. Да идите вы все к черту! — Вулф вернулся к креслу и сел. — Мистер Гудвин сейчас же позвонит нашему адвокату. Я никуда отсюда не уйду. Можете выносить меня на руках. Если хотите продолжать деловой разговор, аннулируйте все ордера на арест и уберите отсюда Эша. Он действует мне на нервы.

— Я его арестую. Он ударил офицера полиции! — взвился Эш.

Скиннер и Хомберт переглянулись, посмотрели на Вулфа, потом на меня и снова переглянулись. Скиннер решительно кивнул, и Хомберт, снова покосившись на Вулфа, повернулся к Эшу:

— Вот что, инспектор, предоставьте дальнейший разговор с мистером Вулфом мне и окружному прокурору. Вы еще не успели настолько хорошо вникнуть в суть дела, чтобы… э-э-э… сориентироваться в обстановке. И хотя я действительно согласился с вашим предложением доставить сюда мистера Вулфа, у меня возникли сильные сомнения по поводу того, отдаете ли вы себе отчет о всех нюансах этого деликатного дела. Я ведь уже объяснял вам, что меня заставили отстранить инспектора Кремера от расследования, а значит, и от рычагов управления. А потому не стоит забывать, что клиентом Вулфа является Национальная ассоциация промышленников. И нам придется с этим считаться, хотим мы того или нет. Так что возвращайтесь к себе в кабинет, изучите материалы дела и продолжайте действовать! На данный момент над делом трудятся в общей сложности четыреста человек. Так что всем работа найдется.

У Эша заходили желваки и вспыхнули глаза.

— Как вам будет угодно, сэр, — с усилием выдавил он. — Как я говорил вам и как вы сами прекрасно знали, Вулфу уже много лет буквально все сходит с рук. Если вы и сейчас хотите, чтобы он остался безнаказанным после того, как у всех на глазах назвал идиотом одного из ваших подчиненных и, более того, применил к нему физическую силу…

— В данный момент мне наплевать, кто окажется безнаказанным, а кто нет. — Хомберт явно начал терять терпение. — Меня сейчас интересует одно: как можно быстрее закончить расследование и найти преступника. Если мы в ближайшее время этого не сделаем, может получиться так, что у меня вообще не будет подчиненных. Отправляйтесь к себе и позвоните мне, когда появятся новые данные.

— Слушаюсь, сэр. — Эш подошел вплотную к сидевшему в кресле Вулфу и тихо, но многозначительно произнес: — Придет день, и я еще помогу вам похудеть. — И быстро вышел из комнаты.

Я снова занял свое место. Скиннер уже успел вернуться на свое. Хомберт постоял, глядя на закрывшуюся за инспектором дверь, пригладил волосы, медленно покачал головой, сел за пись-

менный стол и снял трубку аппарата внутренней связи:

— Бэйли? Аннулируйте ордер на арест Ниро Вулфа как свидетеля. Прямо сейчас. Нет, просто отмените. Пришлите мне…

— И ордер на обыск тоже, — подсказал я.

— Аннулируйте и ордер на обыск дома Вулфа. Нет, это также отмените. Пришлите мне все бумаги. — Он положил трубку и взглянул на Вулфа. — Вот видите? Вам и на этот раз все сошло с рук. А теперь рассказывайте, что вам известно.

Вулф глубоко вдохнул. Стороннему наблюдателю Вулф показался бы спокойным и безмятежным, но мой натренированный глаз заметил, что Вулф постукивает средним пальцем по подлокотнику кресла, а значит, страсти еще не улеглись.

— Но сперва, — пробормотал он, — я хотел бы кое-что узнать. Почему мистер Кремер разжалован и дискредитирован?

— Вовсе нет.

— Вздор! Назовите это как угодно. Так почему?

— Формально — для перемены обстановки. А в действительности, но это строго между нами, потому что он потерял голову и перестал учитывать положение вовлеченных в это дело людей, чем поставил Полицейское управление Нью-Йорка

в весьма неприятное положение. Нравится нам или нет, но каждый должен знать свое место. С некоторыми людьми нельзя разговаривать как с шайкой портовых хулиганов.

— Кто оказал на вас давление?

— Разные круги. Я еще никогда ничего подобного не испытывал. Не буду называть имена. Во всяком случае, это не единственная причина. Кремер завалил дело. Впервые на моей памяти он окончательно запутался. А вчера утром у меня на совещании он вообще не смог найти разумный подход к проблеме. И буквально зациклился на второстепенной детали: не был ли десятый валик в том кожаном чемоданчике, который Бун перед смертью передал мисс Гантер?

— Выходит, мистера Кремера интересовал именно этот валик?

— По-видимому, да, если он бросил на его поиски пятьдесят человек и потребовал еще столько же.

— И это явилось одной из причин его отстранения?

— На самом деле не «одной из», а главной.

— Ха! — пробормотал Вулф. — Тогда и вы тоже форменный идиот. Я и не предполагал, что мистер Кремер сможет самостоятельно додуматься до

этого. Теперь я зауважал его вдвое больше. Найти десятый валик — наш единственный шанс, именно тот, что поможет распутать дело. Если мы его не найдем, то, скорее всего, не найдем и убийцу.

Скиннер презрительно фыркнул:

— Вулф в своем репертуаре! Я так и думал, что это была дымовая завеса. Вы ведь сказали, что уже добрались до преступника.

— Ничего подобного я не говорил.

— Вы сказали, что знаете, кто убийца.

— Нет! — Вулф рассвирепел. Возбужденный до такой степени, что был готов нанести оскорбление действием, он уже не мог успокоиться. — Я сказал, мне известно нечто такое, что дает ясное представление о личности убийцы. И добавил, что вам это тоже известно. Вы знаете много такого, что неизвестно мне. И не вздумайте утверждать, будто я обманул вас, обещая в обмен на отмену ареста и изгнание Эша назвать имя убийцы и снабдить вас доказательствами его вины. Ничего подобного я не обещал.

Хомберт и Скиннер переглянулись. Некоторое время в кабинете царило молчание. Потом Скиннер вяло заметил:

— Какой же вы все-таки мерзавец!

— Иными словами, — с возмущением добавил

Хомберт, — вы хотите сказать, что ничего нового сообщить не можете, ничего не знаете и вообще не в состоянии нам помочь.

— Я делаю все, что в моих силах. Например, плачу своему человеку двадцать долларов в день, чтобы он выяснил, не разломала ли мисс Гантер этот валик на маленькие кусочки, выбросив их в мусоропровод своей вашингтонской квартиры. Но это уже крайности, поскольку я сомневаюсь, что она его разломала. По-моему, она собиралась при случае использовать валик.

Хомберт нетерпеливо заерзал на стуле, словно ему была неприятна сама мысль о том, что придется искать какой-то паршивый валик, вероятно уже уничтоженный.

— Может, вы все-таки скажете, — заметил он, — что такого интересного мы все знаем и почему это дает ясное представление о личности убийцы? Не для протокола.

— Но это отнюдь не одна вещь.

— Мне плевать. Хоть дюжина. Я постараюсь их вспомнить. Так что именно?

— Нет, сэр, — покачал головой Вулф.

— Почему?

— Из-за вашего идиотского отношения к мистеру Кремеру. Если вы найдете озвученные

мной факты заслуживающими внимания, в чем я почти не сомневаюсь, то сейчас же передадите их Эшу. И лишь одному Богу известно, как он с ними поступит. Он может даже чисто случайно сделать нечто такое, что приведет к раскрытию дела, и я ни перед чем не остановлюсь, чтобы ему помешать. — Вулф снова принялся постукивать средним пальцем по подлокотнику кресла. — Способствовать триумфу мистера Эша? Боже упаси! — Он бросил хмурый взгляд на Хомберта. — Ну а кроме того, я уже дал вам хороший совет. Найдите валик! Поручите розыски еще сотне людей, а может, и тысяче. Во что бы то ни стало найдите валик!

— Да помним, помним мы о вашем проклятом валике! Вы лучше вот что скажите: как по-вашему, мисс Гантер знала, кто убил Буна?

— Безусловно.

— Вас, конечно, устраивает подобная версия, — не выдержал Скиннер, — поскольку в таком случае отпадают подозрения против ваших клиентов. Допустим, мисс Гантер знала, кто убийца. И если бы им оказался кто-то из НАП, она немедленно сообщила бы нам. Следовательно, убийцей, если она действительно знала его, может быть кто-то из четырех: Декстер, Кейтс, миссис Бун

или мисс Бун.

— Вовсе не обязательно, — возразил Вулф.

— Да пошло оно все к черту!

— Нет. — Вулф вздохнул. — Вы совершенно не учитываете одно важное обстоятельство. В этом деле имеется характерная особенность, которую мы имеем счастье наблюдать вот уже целую неделю. И какая именно? Да такая, что публика, не ожидая ареста убийцы и не пускаясь во всевозможные догадки о его личности, сразу же вынесла обвинительный приговор. Публика практически единодушно осудила не какого-то индивидуума, а целую организацию. Приговор гласил, что Чейни Буна убила Национальная ассоциация промышленников. Итак, что бы вы сделали, если бы оказались на месте мисс Гантер и точно знали, кто убил Буна? Не важно, откуда вы все узнали. Это уже другой вопрос. Суть в том, что вы знали. Я уверен, что она действительно знала. Допустим, ей стало известно, что убийство совершил молодой Эрскин. Но стала бы она его тут же выдавать? Нет. Она была горячо предана интересам своей собственной организации: Бюро регулирования цен. Она видела поднявшуюся волну негодования и возмущения НАП, которая со временем лишь набирала силу. И мисс Гантер

хорошо понимала, к чему это может привести, если какое-то время не открывать карты, а именно к полной дискредитации НАП, ее задач, политики и поставленных целей. Мисс Гантер, женщина очень и очень неглупая, хорошо понимала, что, если по обвинению в убийстве будет арестована отдельная личность, причем не важно кто, народное возмущение НАП как организацией в значительной мере потеряет остроту. — Вулф снова вздохнул и продолжил: — И как бы она поступила? Если бы у нее были улики, указывающие на мистера Эрскина или на кого-то другого, она бы их придержала, но не уничтожила, чтобы убийца в результате не избежал наказания. Она бы спрятала улики в надежное место и передала властям лишь после того, как Национальной ассоциации промышленников уже был бы причинен значительный ущерб. Возможно, мисс Гантер двигало не только чувство долга и верность интересам Бюро регулирования цен. Быть может, какую-то роль сыграла ее личная преданность Буну и желание отомстить за него. Но как? А лучшей местью, просто идеальной местью, было бы использовать убийство Буна и обстоятельства этого убийства для максимальной дискредитации НАП — организации, которая его ненавидела и отча-

янно пыталась обезвредить. Не сомневаюсь, мисс Гантер пошла бы на это. Она была замечательной женщиной. Но совершила серьезную ошибку, дав возможность убийце догадаться, что ей известно его имя, а вот как — это уже другой вопрос. За что и поплатилась жизнью.

Вулф энергично взмахнул рукой:

— И все же мисс Гантер даже своей смертью послужила тому делу, которое задумала. В течение двух последних дней общее возмущение НАП приобрело особый размах. И возмущение это настолько глубоко въелось в сердца людей, что избавиться от него будет не так-то просто. Да, мисс Гантер была замечательной женщиной. Нет, мистер Скиннер, тот факт, что мисс Гантер знала убийцу Буна, отнюдь не снимает подозрение с моих клиентов. Вообще-то, у меня нет какого-то индивидуального клиента. Чеки мне выписывает Национальная ассоциация промышленников, которая, не имея души, не может кого-то убить. Кстати, о чеках, — повернулся Вулф к Хомберту. — Я вспомнил про объявление ассоциации. Вы его тоже, конечно, видели. Тому, кто найдет десятый валик, обещана награда в сто тысяч долларов. Не мешало бы вам сообщить об этом своим людям.

— Да? — не скрывая скептицизма, спросил Хомберт. — Вы ничуть не лучше Кремера. Откуда такая уверенность насчет этого чертова валика? Он, случайно, не лежит у вас в кармане?

— Нет. Если бы!

— Но почему вы в него так вцепились?

— В двух словах не расскажешь.

— Что ж, времени у нас более чем достаточно.

— А разве мистер Кремер ничего вам не объяснил?

— Забудьте о Кремере. Он вышел из игры.

— Что вовсе не делает вам чести, сэр. — Вулф постарался чуть иначе распределить свои телеса в кресле, переместив центр тяжести, чтобы было удобнее сидеть; непривычное кресло всегда представляло для него неразрешимую инженерную задачу. — Вы действительно хотите, чтобы я вам все объяснил?

— Да.

— Мистер Скиннер?

— Да.

— Ну что ж, пожалуйста. — Вулф закрыл глаза. — Мне с самого начала было очевидно, что мисс Гантер лжет относительно кожаного чемоданчика. Это, конечно, не ускользнуло и от внимания мистера Кремера. Четыре человека

своими глазами видели, что она вышла из гостиной с чемоданчиком. Тогда они еще не могли знать, что его содержимое имеет какое-то отношение к убийству, если только сами не были к нему причастны, что стало бы явной натяжкой. А раз так, ни у кого из них не было причин лгать. Кроме того, миссис Бун едва удержалась, чтобы не обвинить мисс Гантер во лжи. Ведь они сидели в банкетном зале за одним столиком, и миссис Бун видела чемоданчик в руках Фиби. Итак, мисс Гантер сказала неправду. Вы согласны?

— Продолжайте! — проворчал Скиннер.

— Что я и собираюсь сделать. Так почему же мисс Гантер сочла нужным солгать, представить дело так, будто чемоданчик пропал? Да потому, что не хотела, чтобы содержание записей одного или нескольких валиков стало известно. Вряд ли эти записи касались каких-нибудь служебных тайн Бюро регулирования цен. Подобные тексты, как ей было известно, можно было вполне разрешить прослушать агентам ФБР, но она осознанно пошла на то, чтобы скрыть их. Значит, записи содержали нечто такое, что однозначно указывало на убийцу Буна. Она…

— Нет, — прервал Вулфа Хомберт. — Это исключено. Мисс Гантер придумала версию об

исчезновении чемоданчика еще до того, как узнала содержание записей. В среду утром, на следующий день после убийства Буна, она заявила нам, что оставила чемоданчик на подоконнике в гостиной, так и не успев прослушать записи. Следовательно, она не могла знать их содержание.

— Нет, могла.

— Разве она могла узнать содержание текста на валиках, не имея под рукой аппарата «Стенофон»?

— Конечно могла. По крайней мере одного из них. Мистер Бун рассказал, что записано на нем, передавая ей кожаный чемоданчик во вторник вечером в комнате, где ему суждено было умереть. Тут она тоже лгала; что поделаешь, ей пришлось. Она лгала, и очень убедительно, в моем кабинете в пятницу вечером. Мне следовало предупредить ее, что подобный авантюризм граничит с безрассудством, но я не стал. Поскольку понимал, что буду впустую сотрясать воздух. Осторожность и инстинкт самосохранения были не в ее характере, что подтвердили дальнейшие события. В противном случае она даже близко не подпустила бы к себе мужчину, способного на убийство, на ступеньках моего крыльца. — Вулф с закрытыми глазами покачал головой. — Мисс

Гантер действительно была незаурядным человеком. Хотелось бы узнать, где она прятала чемоданчик с валиками до второй половины четверга. Слишком рискованно было прятать их в квартире Кейтса, ведь полиция могла в любой момент нагрянуть туда с обыском. Возможно, она сдала его в камеру хранения на вокзале Гранд-Сентрал, хотя для нее это слишком банально. Во всяком случае, во второй половине четверга, когда она уехала с вашего разрешения в Вашингтон, чемоданчик был при ней.

— Разрешение на поездку ей дал Кремер, — буркнул Хомберт.

— Хочу обратить ваше внимание на то, — продолжил Вулф, пропустив его слова мимо ушей и слегка повысив голос, — что все сказанное мной, за исключением, быть может, хронологии и способов осуществления задуманного, отнюдь не является умозрительными заключениями. В Вашингтоне, у себя в кабинете, мисс Гантер прослушала все записи и установила, на каком из десяти валиков содержится то, о чем говорил Бун. Она наверняка хотела узнать, о чем идет речь, и одновременно упростить стоящую перед ней задачу. Довольно сложно спрятать от целой армии детективов предмет таких размеров, как чемо-

данчик. А вот спрятать валик куда проще. Более того, мисс Гантер разработала хитроумный план, чтобы замести следы. Девять остальных ненужных валиков она перенесла на свою квартиру в Вашингтоне и сунула в гардероб, в шляпную коробку. У себя в офисе она взяла еще десять использованных валиков, вложила в тот же чемоданчик, снова привезла в Нью-Йорк и сдала в камеру хранения на вокзале Гранд-Сентрал. Все это входило в задуманный ею план. Она, по всей вероятности, продолжила бы игру на следующий день, чтобы окончательно запутать полицию, если бы не приглашение собраться у меня. Мисс Гантер решила выждать и посмотреть на развитие событий. Я не знаю и не хочу гадать, почему она не воспользовалась моим приглашением. Тогда же, в пятницу вечером, мистер Гудвин поехал за мисс Гантер и привез ее ко мне. Она произвела на Гудвина сильное впечатление, да и мне показалась весьма незаурядной особой. Ее мнение о нас, видимо, было не столь лестным. Она решила, что нас провести даже легче, чем полицию. На следующий день, в субботу, она, назвавшись Дороти Унгер, позвонила мистеру О'Нилу, которому уже успела отправить в письме квитанцию камеры хранения, после чего прислала мне от имени

мистера Бреслоу телеграмму, где говорилось, что наблюдение за передвижениями мистера О'Нила может оказаться небесполезным. Мисс Гантер была явно не слишком высокого мнения о нас, и не ошиблась. Прекрасным воскресным утром мистер Гудвин, как и рассчитывала мисс Гантер, оказался у дома мистера О'Нила. Ну а что произошло дальше, вы знаете.

— Одного понять не могу, — вступил в разговор Скиннер, — почему О'Нил так легко поверил какой-то неизвестной ему Дороти Унгер? Неужели этот клинический идиот не заподозрил подставу?

— Чего не знаю, того не знаю, — покачал головой Вулф. — Возможно, дело в том, что мистер О'Нил на редкость упрямый и самоуверенный человек. Кроме того, нам ведь известно, что ему безумно хотелось узнать содержание записей на валиках. То ли потому, что он и есть убийца мистера Буна, то ли по какой-то иной причине, которую нам еще предстоит выяснить. Возможно, мисс Гантер знала, чего можно было от него ожидать. Как бы то ни было, ее план отчасти сработал. Пустившись по ложному следу, мы потеряли день или два. История с валиками в чемоданчике усложнилась. Один из руководителей

НАП оказался еще более скомпрометированным, хотя, как и желала мисс Гантер, не настолько, чтобы его обвинили в убийстве. Разоблачение истинного убийцы и оглашение соответствующих доказательств она приберегала, как я уже говорил, до наиболее подходящего, с ее точки зрения, момента.

— И все-то вы знаете! — иронически заметил Скиннер. — Интересно, почему тогда вы не пригласили ее к себе в кабинет, чтобы прочесть популярную лекцию о ее гражданском долге!

— Это оказалось невозможно. Ее уже не было в живых.

— Позвольте, значит, вы все узнали лишь после того, как ее убили?

— Конечно. А как иначе? Хотя нет, кое-что я знал и раньше. Однако все стало для меня очевидным, когда из Вашингтона сообщили, что там, в квартире мисс Гантер, найдено девять, а не десять валиков из тех, что мистер Бун надиктовал в день своей смерти. Все вопросы сразу отошли на второй план, кроме одного: где десятый валик?

— Как бы вы ни начинали предложение, — ворчливо пожаловался Хомберт, — оно непременно заканчивается этим треклятым валиком!

Вулф открыл глаза достаточно широко, чтобы

обозреть Хомберта целиком:

— Тогда попробуйте составить предложение, которое имело бы хоть какой-то смысл без слова «валик».

— Ну а если она выбросила его в реку? — спросил Скиннер.

— Она этого не сделала.

— А почему нет?

— Я ведь вам уже объяснил. Потому что она хотела использовать его в подходящий момент, чтобы наказать убийцу.

— А что, если вы сейчас впервые в жизни ошибаетесь и она все-таки выбросила валик в реку?

— Обшарьте дно реки. Все реки, возле которых мисс Гантер могла оказаться.

— Не придуривайтесь. Лучше ответьте на мой вопрос.

— В таком случае нам придется расписаться в собственном бессилии. Мы никогда не найдем преступника. — Вулф выразительно пожал плечами.

— По-моему, — многозначительно произнес Хомберт, — не лишено вероятности, что вы просто морочите нам голову. Хотя я и не утверждаю, что вы бессовестный лжец.

— А я и не говорил, что это не так, мистер Хом-

берт. Мы все стараемся не упустить подобный шанс, обмениваясь словами с другими людьми. Итак, я могу отправиться домой и…

— Минуточку! — не выдержал Скиннер. — Не означает ли это, что вы, как опытный детектив, рекомендуете нам отказаться от всех других линий расследования и сосредоточиться исключительно на поисках валика?

— Пожалуй, нет, — нахмурился Вулф. — Особенно если учесть, что в вашем распоряжении тысяча человек, а может, и больше. Правда, я не в курсе, что уже сделано, а что нет, но, хорошо зная мистера Кремера, не сомневаюсь, что он не пропустил ни одной мелочи. Взять, к примеру, тот кусок железной трубы. Полагаю, было сделано все возможное, чтобы установить, откуда он взялся. Я также не сомневаюсь, что тема прибывших ко мне в понедельник вечером гостей была досконально и качественно исследована. Жители всех домов в моем квартале по обеим сторонам улицы были, естественно, опрошены, поскольку всегда существует призрачный шанс, что в нашем тихом районе кто-нибудь из соседей что-то видел или слышал. Ну и еще один вопрос, где остается надеяться лишь на чистое везение. Опрос присутствовавших на обеде в

отеле «Уолдорф» наверняка заставил попотеть дюжину ваших людей, причем не меньше недели, хотя, возможно, вы и сейчас разрабатываете эту линию. Установление взаимных связей, как явных, так и скрытых, проверка и перепроверка алиби мистера Декстера — подобные вещи и тысяча других деталей, несомненно, были проделаны компетентно и тщательно. — Вулф погрозил Хомберту пальцем и продолжил: — И чего вы добились? Увязли в трясине ничего не значащих фактов и решили прибегнуть к таким мелким пакостям, как смещение мистера Кремера и назначение на его место этого идиота Эша, у которого хватило ума лишь на то, чтобы выписать ордер на мой арест! Мне хорошо известны методы работы полиции Нью-Йорка, но я никак не ожидал, что настанет день, когда начальник убойного отдела попытается раскрыть сложнейшее дело об убийстве, напав на меня, надев наручники, потащив в камеру и пригрозив устроить мне веселую жизнь!

— Вы несколько преувеличиваете. Это не камера, и я не…

— Но он собирался это сделать, — мрачно заявил Вулф. — И непременно сделал бы. Ну ладно. Вы просили моего совета. Так вот, я продолжил

бы разрабатывать все линии, по которым уже ведется расследование, и попробовал бы новые, если они обещают дать хоть какой-то результат, поскольку, независимо от того, что вы узнаете из записи на том валике, если вы его, конечно, найдете, вам непременно понадобятся любые дополнительные доказательства. Но ваша главная реальная зацепка, ваша единственная надежда — это валик. Рекомендую проделать следующее. Вы ведь были знакомы с мисс Гантер? Отлично. Тогда сядьте, закройте глаза и представьте, что дело происходит в четверг днем, вы мисс Гантер и находитесь в своем кабинете в вашингтонской штаб-квартире БРЦ. Вы уже решили, как поступите с кожаным чемоданчиком и девятью оставшимися валиками, а значит, об этом можно забыть. Сейчас у вас в руке *один* валик, и вопрос в том, что с ним делать. Перед вами стоит следующая задача: вы хотите сохранить валик в целости, и вы хотите, чтобы он был под рукой на случай, если вам понадобится, и вы хотите быть уверены, что, сколько бы человек его ни искали, пусть даже один, но очень упорный и изобретательный, никто из них так и не сумеет найти валик. — Вулф перевел взгляд с одного лица на другое. — Итак, у вас небольшая пробле-

ма, мисс Гантер. Простейшие варианты, такие как попытка спрятать валик здесь, в офисе БРЦ, даже не рассматриваются. Нет, нужно придумать нечто более хитрое, проделать все более тонко. Ваша собственная квартира отпадает, это было бы просто нелепо, что вы и продемонстрировали, спрятав там девять оставшихся валиков. А что, если спрятать валик в квартире надежного друга или коллеги, которому доверяешь? Но это убийство; дело крайне опасное и чрезвычайно важное. Можно ли впутывать в него постороннего человека? Вы уже готовы уезжать, но сперва нужно заскочить в свою квартиру, после чего сесть на самолет до Нью-Йорка. Вы пробудете в Нью-Йорке, возможно, несколько дней. Ну и как: вы возьмете валик с собой или оставите в Вашингтоне? Если да, то тогда где? Где? Где? — Вулф взмахнул рукой. — А вот это уже вопрос к вам, господа. Сумеете ответить на него так же, как ответила мисс Гантер, — и все ваши проблемы решены. — Вулф встал. — Я трачу тысячу долларов в день, пытаясь узнать, как мисс Гантер на него ответила. — И это отнюдь не было наглой ложью. Вулф просто вдвое преувеличил сумму, да и тратил он не свои деньги. — Пошли, Арчи. Я хочу домой.

Но даже тогда они не хотели его отпускать, что являлось лучшим свидетельством того, в каком жалком состоянии они находились. Они, несомненно, были в тупике, в замешательстве и чувствовали себя абсолютно выдохшимися. Вулф великодушно снабдил их на прощание несколькими красиво составленными предложениями, со всеми подлежащими, сказуемыми и придаточными предложениями, каждое из которых ничего не значило, после чего торжественно вышел из кабинета. Я прикрывал его с тыла. Насколько я успел заметить, он оттянул свой уход до того момента, когда вошедший в кабинет клерк положил на стол Хомберта какие-то бумаги, причем как раз тогда, когда Вулф велел комиссару полиции и окружному прокурору закрыть глаза и представить, что они мисс Гантер.

На обратном пути Вулф, как обычно, сидел на заднем сиденье, крепко держась за ручку, поскольку, согласно его теории, если, не дай бог, автомобиль вильнет в сторону и врежется в какой-нибудь неподвижный объект, на заднем шансы остаться в живых, сколь бы призрачны они ни были, все-таки чуть выше, чем на переднем. Когда мы еще ехали туда, на Сентр-стрит, я по просьбе Вулфа вкратце описал ему свое свида-

ние с Ниной Бун, и вот теперь, по дороге домой, я заполнил пробелы. Уж не знаю, нашел ли Вулф в моем рассказе хоть крупицу чего-то полезного, потому что я сидел к нему спиной и не видел его лица в зеркале заднего вида, а также потому, что эмоции, переполнявшие его в движущемся транспортном средстве, уже не оставляли места для менее значительных чувств.

Когда Фриц впустил нас в дом, а я помог Вулфу снять пальто и шляпу, он выглядел почти довольным. Он отделался малой кровью и благополучно вернулся домой, и вообще было всего шесть вечера — время пить пиво. Однако Фриц сразу испортил нам настроение, объявив, что в кабинете Вулфа ожидает посетительница. Вулф нахмурился и злобным шепотом спросил:

— Ну кто еще?

— Вдова мистера Буна.

— Боже мой! Опять эта истеричная бабуля!

Что было совершенно несправедливо. Миссис Бун посетила нас только дважды, причем в обстановке, которую явно нельзя было назвать спокойной, и тем не менее я не заметил у нее ни малейших признаков истеричности.

Глава 30

Я имел возможность длительное время изучать отношение Вулфа к женщинам. Основной касающийся женщины факт, который, казалось, раздражал его больше всего, заключался в том, что она была женщиной, причем за весь продолжительный период наблюдений я не обнаружил ни единого исключения, хотя время от времени и отмечались отдельные незначительные отклонения. Если женщина как таковая раздражала Вулфа, то можно было ожидать, что ему будет неприятно именно то, что свойственно исключительно женщинам, но иногда я замечал: Вулф так ставит кресло для нашей гостьи, чтобы письменный стол не мешал видеть ее ноги, что нельзя было объяснить чисто профессиональным интересом и тем, что Вулф судил о характере женщины по ее ногам, поскольку чем старше и бесформеннее была представительница слабого пола, тем меньше внимания Вулф уделял тому, где конкретно она сидит. Это очень сложный вопрос, и когда-нибудь я посвящу ему целую главу. Еще одна небольшая деталь: Вулф куда более чув-

ствителен к женским носам, нежели к мужским. Я никогда особо не замечал, чтобы экстремумы и отклонения от нормы мужских носов оказывали бы на Вулфа хоть какое-то воздействие, чего нельзя было сказать о женских носах. Вулф особенно не любил курносые носы или ярко выраженную впадину на переносице.

Миссис Бун была курносой, и ее нос был явно мал для столь крупного лица. Я заметил, как Вулф, откинувшись на спинку кресла, смотрит на ее нос. Вулф поглядел на нее и произнес ворчливым, невежливым, чуть ли не грубым тоном:

— Мадам, я могу уделить вам не более десяти минут.

Миссис Бун, даже если и не обращать внимания на ее нос, выглядела на редкость непривлекательно. Она явно нанесла на лицо компактную пудру, но с полным пренебрежением к результату, да и вообще ее лицо явно нуждалось в умелых руках высококлассного специалиста по макияжу. Вдобавок она была измучена, что ее тоже не украшало.

— Вас, конечно, удивляет мой визит. — Миссис Бун управлялась с голосом куда успешнее, чем с лицом.

— Совершенно верно, — подтвердил Вулф.

— Я хочу сказать, вы недоумеваете, почему я пришла к вам, зная, что вы находитесь… по другую сторону баррикад. Это потому, что сегодня утром я звонила своему брату и он многое о вас рассказал.

— А я не в другом лагере, — сухо заметил Вулф. — И вообще ни в каком. Я взялся найти убийцу. Я знаю вашего брата?

— Это генерал Карпентер. Он мой двоюродный брат. Сейчас он в больнице, восстанавливается после операции, а иначе непременно приехал бы помочь мне разобраться с убийством мужа. Он посоветовал мне не верить ни единому вашему слову, но делать все, что вы порекомендуете. Он сказал, что у вас имеется собственный набор правил и раз уж вы взялись за дело об убийстве, то кто-кто, а убийца может не сомневаться, что вы оправдаете доверие клиентов. Поскольку вы знакомы с моим братом, вы наверняка понимаете, что он хотел сказать. Лично я уже привыкла к его манере выражаться.

Она замолчала, посмотрела на меня, потом на Вулфа, затем вытерла носовым платком уголки рта и нижнюю губу, отчего стало не намного лучше. Затем миссис Бун снова положила руку с платком на колени и судорожно сжала его, слов-

но из опасения, что платок отнимут.

— И?.. — подсказал Вулф.

— Ну, вот я и пришла за советом. Или, точнее, решилась попросить у вас совета. Мне очень нужно хоть с кем-нибудь посоветоваться, а я не знаю… — Она посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Вулфа и горестно взмахнула той рукой, что не сторожила носовой платок. — Думаю, вам не нужно говорить, почему я не хочу обращаться в ФБР или в полицию.

— Мадам, вы вообще не обязаны мне что-либо говорить и тем не менее делаете это уже три или четыре минуты.

— Да, я знаю. Кузен предупреждал, что вы невероятный грубиян. Тогда не буду ходить вокруг да около и сразу скажу, что, мне кажется, именно я виновата в смерти Фиби Гантер.

— Что и говорить, ощущение не из приятных! — пробормотал Вулф. — Почему оно у вас возникло?

— Именно это я и хочу вам рассказать и, наверное, действительно расскажу, а иначе я бы сюда не пришла, хотя, уже сидя тут, раз десять порывалась уйти, но оставалась сидеть. Я не знаю, что мне делать, а этой ночью вообще едва не сошла с ума. В нашей семье важные решения

всегда принимал муж. Я не хочу ничего говорить полиции или ФБР, так как не уверена, что не совершила никакого преступления. Полагаю, глупо рассказывать вам, как мой покойный супруг относился к НАП, впрочем я испытываю к членам НАП те же чувства, а вы ведь работаете на них, а значит, находитесь на их стороне. Наверное, мне следовало пойти к адвокату, и у меня полно знакомых адвокатов, но ни одному из них я не могу рассказать то, что знаю. Они все говорят и говорят, но я никогда не понимаю о чем.

Покаянный тон миссис Бун, видимо, несколько смягчил Вулфа. Он даже не посчитал за труд повторить, что не находится ни на чьей стороне.

— Независимо от того, как относятся к убийству Буна и Гантер другие, на мой взгляд, это отнюдь не акт личной мести, — заявил он. — А какое преступление вы совершили?

— Не знаю… Не знаю, совершила ли.

— И что вы сделали?

— Ничего не сделала — вот в чем суть. Однако мисс Гантер рассказала мне, что сделала она. Я обещала никому не говорить об этом и не говорила. У меня вдруг возникло ощущение… — Она остановилась и через минуту продолжила: — Нет, я не совсем точно выразилась. Это не ощущение,

а уверенность.

— Уверенность в чем?

— Если бы я сообщила полиции то, что рассказала мне мисс Гантер, ее наверняка не убили бы. Но я не обратилась в полицию, потому что, как объяснила мисс Гантер, она делала лишь то, что шло на пользу Бюро регулирования цен и наносило вред Национальной ассоциации промышленников. А ведь именно этого мой покойный супруг желал больше всего на свете. — Миссис Бун не спускала глаз с Вулфа, словно пыталась прочесть его мысли. — И мисс Гантер была совершенно права. Я до сих пор не уверена, стоит ли вам об этом рассказывать. Что бы вы там ни говорили, мой муж был в одном лагере, НАП — в другом, а вы, как ни крути, работаете на НАП. Однако, побеседовав с моим кузеном, я решила прийти и послушать, как вы на это отреагируете.

— А как я отреагирую?

— Ну, я не знаю. — Рука миссис Бун слегка затрепетала. — Я действительно не знаю.

Некоторое время Вулф, нахмурившись, смотрел на нее, потом тяжело вздохнул и повернулся ко мне:

— Арчи!

— Слушаю, сэр?

— Возьми свой блокнот и запиши текст письма. Отправь сегодня вечером, чтобы его доставили завтра утром. «Национальной ассоциации промышленников и лично мистеру Фрэнку Томасу Эрскину. Господа, развитие событий вынуждает меня поставить вас в известность, что настоящим я отказываюсь представлять интересы вашей организации в деле об убийстве мистера Чейни Буна и мисс Фиби Гантер. При сем прилагаю чек на тридцать тысяч долларов, полученных в качестве аванса, тем самым прекращая всякое сотрудничество с вами. С уважением…»

Записав все это, я взглянул на Вулфа:

— Выписать чек?

— Разумеется. Иначе что же ты приложишь к письму? — Вулф перевел взгляд на нашу посетительницу. — Вот так-то, миссис Бун. Теперь, надеюсь, ничто не помешает вам говорить откровенно? Если, положим, я и был в другом лагере, то теперь я абсолютно нейтрален. Так что же, по словам мисс Гантер, она делала?

Вдова не сводила с Вулфа изумленного взгляда.

— Тридцать тысяч долларов? — недоверчиво спросила она.

— Да, — усмехнулся Вулф. — Солидная сумма, не так ли?

— И это все, что заплатила НАП? Только *тридцать тысяч*? А я думала, они отвалят вам раз в двадцать больше! У них же сотни миллионов… нет, миллиарды!

— Это был только аванс, — раздраженно ответил Вулф. — Повторяю, теперь я человек нейтральный. Так что же мисс Гантер вам сообщила?

— Да, но теперь… теперь вы вообще ничего не получите! — Миссис Бун была явно озадачена. — Кузен рассказал, что во время войны вы безвозмездно выполняли задания правительства, но с частных лиц берете крупные суммы. Должна заранее вас предупредить, что я не в состоянии обещать вам крупное вознаграждение. Я могу… — она замялась, — я могу выписать вам чек на сто долларов.

— Не нужно мне от вас никаких чеков! — рассердился Вулф. — Если в этом деле я не могу иметь клиента, не будучи обвиненным в том, что принял чью-то сторону в кровавой вендетте, тогда я отказываюсь от такого клиента. Проклятье, так что сказала вам мисс Гантер?!

Миссис Бун взглянула на меня, и у меня возникло неприятное ощущение, что она ищет во мне какое-то сходство с покойным мужем, который

отошел в мир иной и потому не может принять за нее важное решение. Я подумал, что, возможно, стоит немного ей помочь, ободрительно кивнув. Что я и сделал. Кажется, это и в самом деле помогло, так как она снова обратилась к Вулфу:

— Мисс Гантер знала, кто убил моего мужа. Мой муж что-то сказал Фиби в тот день, когда отдал ей кожаный чемоданчик, а следовательно, она была в курсе. И еще он надиктовал на один из этих валиков соответствующую информацию. Таким образом, валик стал уликой, и улика эта находилась у Фиби Гантер. Она спрятала ее у себя и собиралась отнести в полицию, но решила потянуть время, чтобы разговоры, слухи и общественное негодование нанесли как можно больший ущерб НАП. Она во всем мне призналась, так как я пришла к ней и обвинила во лжи, сказав, что собственными глазами видела кожаный чемоданчик возле нее в банкетном зале и что я больше не собираюсь ее покрывать. Тогда она объяснила, зачем это делает, и попросила не обращаться в полицию.

— А когда это было? В какой день?

Миссис Бун наморщила лоб, припоминая, но потом растерянно покачала головой:

— Знаете, у меня все дни перепутались.

— Понимаю, миссис Бун. В пятницу вечером вы впервые были у меня вместе с другими и уже почти решили все рассказать, но передумали. К мисс Гантер вы приходили до этого или после?

— После. На следующий день.

— Следовательно, в субботу. Чтобы у вас не оставалось сомнений, напомню, что в субботу утром вы получили по почте конверт, в котором находились ваша свадебная фотография и техпаспорт на автомобиль. Ну как, припоминаете? Это было в тот же день?

— Да, — кивнула миссис Бун, — конечно. Я сообщила ей о конверте, а мисс Гантер сказала, что написала письмо ему — убийце моего мужа. Она знала, что муж всегда носил в бумажнике нашу свадебную фотографию, а бумажник исчез. Он носил ее при себе двадцать лет. Нет, двадцать три года.

Голос миссис Бун дрогнул, она умолкла, несколько раз судорожно глотнула воздуха, понурилась и снова судорожно глотнула воздуха. Если бы она полностью потеряла самоконтроль и начала бы хлюпать носом и рыдать, то я даже не знаю, что сделал бы Вулф. Вероятно, он попытался бы проявить человечность, что было бы невыносимо для всех нас. Поэтому я решил

вмешаться и резко сказал:

— Хорошо, миссис Бун, постарайтесь успокоиться. А когда успокоитесь, объясните, зачем мисс Гантер написала письмо убийце. Чтобы он вернул вам свадебную фотографию?

Вдова кивнула и, вернув себе способность говорить, пробормотала:

— Д-да.

— Разумеется, — пришел ей на помощь Вулф.

Вдова снова кивнула:

— Она сказала, что знает, как мне будет не хватать этой фотографии, и поэтому написала ему, сообщив, что ей все о нем известно, и попросив вернуть мне фото.

— А что еще она ему написала?

— Не знаю. Больше она ничего не сказала.

— Но она назвала вам его имя?

— Нет. — Миссис Бун снова на секунду запнулась, но затем продолжила: — Она сказала, что не назовет мне имени убийцы, так как не может рассчитывать, что я не выдам себя своим поведением. Она сказала, чтобы я не думала, будто он может уйти от наказания, нет, не уйдет, но больше она ничего мне не скажет, так как не хочет подвергать мою жизнь опасности. Вот потому-то я и говорю, что поступила неправильно

и отчасти виновата в смерти Фиби. Ведь если это представляло опасность для меня, значит было опасно и для нее, особенно после того, как она написала убийце письмо. Я должна была заставить Фиби все сообщить полиции, а раз уж она этого не сделала, мне следовало нарушить обещание и самой пойти в полицию. Тогда ее не убили бы. Так или иначе, она объяснила мне, что, скрывая информацию и важную улику, она нарушает закон, и теперь меня мучают сомнения, что, покрывая Фиби, я тоже нарушила закон.

— Ну по крайней мере об этом можете не беспокоиться, — заверил ее Вулф. — Я говорю о нарушении закона. С этим все в порядке. Или будет в порядке, как только вы расскажете мне, ну а я в свою очередь — полиции, где мисс Гантер спрятала валик.

— В том-то и дело, что я не знаю. Она мне этого не сказала.

Вулф моментально раскрыл глаза.

— Вздор! — прикрикнул он на миссис Бун. — Конечно сказала!

— Нет, не сказала. И это еще одна причина, почему я пришла к вам. Она только предупредила, чтобы я не думала, будто преступник останется безнаказанным. Но если этот валик — единствен-

ное доказательство…

Вулф снова закрыл глаза. Наступило долгое молчание. Миссис Бун посмотрела на меня, рассчитывая, видимо, опять найти сходство с покойным мужем, однако, судя по выражению ее лица, так ничего и не нашла. Тогда она обратилась к Вулфу:

— Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мне нужен ваш совет…

Вулф чуть-чуть приоткрыл веки, отчего глаза превратились в щелочки. Лично я на его месте был бы благодарен за дополнительные свидетельства, но, похоже, он был слишком угнетен тем, что ему так и не удалось узнать, где же находится валик.

— Сожалею, мадам, — ответил Вулф тоном, лишенным даже намека на сожаление, — но я ничем не могу вам помочь. Я ничего не могу сделать для вас. Впрочем, вы пришли ко мне за советом. Что ж, могу вам его дать. Сейчас мистер Гудвин отвезет вас в отель. Оттуда вы немедленно позвоните в полицию и скажете, что у вас есть для них важная информация. Как только приедут полицейские, повторите им все, что рассказали мне, и постарайтесь самым подробным образом ответить на все их вопросы. Не бойтесь, что к вам

отнесутся как к человеку, нарушившему закон. Я полностью с вами согласен: если бы вы нарушили обещание, данное мисс Гантер, она наверняка осталась бы в живых. Но она ведь сама взяла с вас обещание, а значит, вся ответственность лежит на ней. — Он поднялся из-за стола. — До свидания, мадам.

Итак мне действительно пришлось везти из нашего офиса в отель даму по фамилии Бун, но, к сожалению, не Нину. Поскольку вдова рассказала нам все, что знала, и на данный момент не представляла для нас особого интереса, я не удосужился проверить, не сел ли ей кто-то на хвост, решив ограничиться скромной ролью шофера. Миссис Бун была явно не расположена к разговору, что значительно упрощало дело. Благополучно высадив ее у входа в «Уолдорф», я поехал назад в центр города. Машину я вел чисто автоматически, работы на данный момент у меня не было, мысли ничем не заняты, поэтому я мысленно вернулся к своим встречам с Фиби Гантер. Я вспоминал, как она говорила, как вела себя, и, учитывая свои нынешние знания того, что она, оказывается, тогда делала, пришел к выводу, что она была в полном порядке. У меня возникло желание проанализировать свои промахи, но не

успел я приступить к составлению списка, как уже подъехал к дому. Войдя в кабинет, я обнаружил, что Вулф пьет пиво.

— Пожалуй, поднимусь к себе и вымою руки. Мне всегда хочется это сделать после общения с некоторыми представителями полиции вроде Эша, и я… — сказал я.

— Иди сюда. Нужно отправить письмо и чек.

— Что?! — Я не поверил своим ушам. — Вы о письме в НАП?

— Да.

— Господи помилуй, вы же не собираетесь и вправду его посылать?

— Естественно. Разве я не обещал этой женщине, что отправлю письмо? Разве не поэтому она поделилась с нами информацией?

Я сел за свой стол и долго смотрел на Вулфа.

— А знаете что, — сурово сказал я, — теперь это уже не просто эксцентричная выходка. Это бред сумасшедшего. А как насчет нашей платежной ведомости? И с чего это вдруг вы засомневались? Да и потом, она ведь не сообщила нам самого главного… — Я помолчал, затем вкрадчиво произнес: — К сожалению, сэр, должен вам сообщить, что наша чековая книжка куда-то исчезла.

— Выпиши чек и напечатай письмо. Жи-

во! — Вулф указал на пачку конвертов на моем столе. — Потом просмотри отчеты людей мистера Бэскома. Их только что принес посыльный.

— Но у нас ведь теперь нет клиента! Я сейчас позвоню Бэскому и попрошу прекратить…

— Определенно нет.

Я достал из сейфа чековую книжку, заполнил чек и после этого заметил:

— По данным статистики, сорок два и три десятых процента гениев рано или поздно сходят с ума.

Оставив мое замечание без комментариев, Вулф молча потягивал пиво. Теперь, когда мне наконец разрешили узнать, чем занимаются люди Бэскома, Вулф не хотел даже пальцем пошевелить, чтобы открыть конверты. Как бы то ни было, он явно собирался платить из собственного кармана, что уже было неплохо. Словно в тумане, я настучал текст на пишущей машинке. Передавая письмо вместе с чеком на подпись Вулфу, я жалобно произнес:

— Простите, что напоминаю, но сотня долларов миссис Бун была бы сейчас совсем нелишней. Похоже, теперь это и есть наш уровень. Она сказала, что вполне может позволить себе такую сумму.

Вулф промокнул чернила пресс-папье:

— Лучше отнеси это на почту. У меня имеется сильное подозрение, что почту из нашего ящика по вечерам забывают вынимать.

Итак, мне снова пришлось сеть за руль, хотя до почтового отделения на Девятой авеню идти было минут десять, но я что-то был не в настроении гулять. Откровенно говоря, я люблю гулять лишь тогда, когда передо мной открывалась какая-то перспектива. Вернувшись домой, я поставил машину в гараж, поскольку вечер обещал быть тусклым и унылым.

Вулф по-прежнему был в офисе. Он посмотрел на меня, затем на часы и снова на меня:

— Арчи, присядь на минутку. Ты еще успеешь вымыть руки перед обедом. Ну а несколько позже к нам зайдет доктор Волмер. Сейчас ты получишь от меня кое-какие указания.

Глава 31

Доктор Волмер обещал прийти в десять вечера. Без пяти десять в спальне Вулфа к представлению все было готово. Вулф лежал в постели при свете ночника, а я сидел в его кресле с журналом в руках. Надо сказать, Вулф в постели представляет весьма примечательное зрелище даже для такого привычного человека, как я. Сперва низкое изножье, желто-коричневое с темно-коричневыми прожилками, затем — черное шелковое покрывало, переходящее в необъятный верх от желтой пижамы и, наконец, розовая плоть лица. По-моему, Вулф отлично знал, что сочетание желтого с черным слишком вульгарное, но использовал его исключительно для того, чтобы доказать: каким бы кричащим ни было оформление задника, Вулф всегда будет переключать все внимание на себя. Я частенько думал, что интересно было бы посмотреть, как он обыграет розовый и зеленый. Все остальное — мебель, ковры и шторы — было вполне ничего: массивное, удобное и уместное.

Док Волмер, которого впустил Фриц, хорошо ориентировался в доме и поэтому сам поднялся

по лестнице на второй этаж и вошел в спальню, оставив открытой дверь. Как всегда, он держал в руках саквояж. У него было круглое лицо, круглые уши, и уже года два-три назад он прекратил бесплодные попытки выпячивать грудь, чтобы скрыть солидный животик. Мы обменялись рукопожатием, после чего док подошел к кровати и дружески поприветствовал Вулфа. Вулф долго рассматривал протянутую ему руку, после чего проворчал:

— Нет уж, благодарю покорно! Ну и сколько могут расти цены? Я уже вообще ничего не хочу.

Стоя у изножья кровати, я торопливо начал:

— Мне следовало заранее объяснить…

Однако Вулф меня прервал и обрушился на Волмера:

— Вы согласны платить два доллара за фунт масла? Пятьдесят центов за шнурки для ботинок? Доллар за бутылку пива? Двадцать долларов за орхидею, за какую-то паршивую полуувядшую Laeliocattleya? Отвечайте, черт бы вас побрал! — после чего Вулф перестал бушевать и принялся что-то невнятное бормотать.

Волмер опустился на краешек стула около кровати, поставил на пол саквояж и, растерянно моргая, взглянул сначала на Вулфа, а потом на

меня.

— Уж не знаю, что у него такое — нервная дрожь или что-то еще, — пробормотал я.

— Вы обвиняете меня в том, что я обманом заманил вас сюда! — снова заговорил Вулф. — Вы обвиняете меня в попытке занять у вас денег! Вы обвиняете меня в этом только потому, что я попросил взаймы пять долларов до начала следующей войны! — Он угрожающе помахал пальцем перед носом изумленного Волмера. — И позвольте заметить, сэр, вы следующий на очереди! Да, со мной все кончено, меня довели до этого! Они сломали меня, погубили меня и не оставляют в покое… — Он снова перешел на крик. — А вы, дурак, надеетесь спастись! Арчи сказал, вы маскируетесь под доктора… Ба! Все равно вас разденут донага и исследуют каждый дюйм вашей кожи, как они сделали со мной! О, они найдут метку! — Он бессильно опустил голову на подушку, закрыл глаза и забубнил нечто неразборчивое.

Волмер посмотрел на меня, и в его взгляде появился веселый огонек.

— Кто сочинил ему этот сценарий, а? — спросил он меня.

Еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, я в отчаянии покачал головой:

— Он уже несколько часов в таком состоянии, с тех пор как я привез его домой.

— Он что, выезжал из дому?!

— Да. И с трех пятнадцати до шести вечера находился под арестом.

— Ну что ж, — решительно заявил Волмер, повернувшись к Вулфу, — я должен обеспечить постоянное медицинское наблюдение за мистером Вулфом. И нужно немедленно вызвать сиделку. А иначе придется отвезти его в больницу. Где у вас телефон?

— Все верно! — подхватил я. — Дело срочное. Мы должны действовать.

Вулф тотчас открыл глаза.

— Что?! Вызвать сиделку? — фыркнул он. — Пф! Вы что, не врач? Сами, что ли, не в состоянии распознать нервный срыв?

— Нет, почему же, могу, — отрезал Волмер.

— Так в чем же дело?

— Ваш случай… э-э… представляется мне нетипичным.

— Ошибаетесь! — огрызнулся Вулф. — Вам просто не хватает практики, когда речь идет о больном, страдающем манией преследования.

— Кто вас преследует?

Вулф устало закрыл глаза:

— О боже! Кажется, снова накатывает. Арчи, расскажи.

— Ситуация, док, чрезвычайно серьезная. Как вам известно, мистер Вулф по поручению НАП занимался расследованием убийства Буна и Гантер. Руководству не понравилось, как вел расследование инспектор полиции Кремер, и его заменили бабуином по фамилии Эш.

— Знаю. Читал в вечерней газете.

— Итак, а завтра в вечернем выпуске вы прочтете и о том, что Ниро Вулф отказался вести расследование по поручению ассоциации и вернул полученный аванс.

— Господи Исусе! И почему?

— Именно это я и хочу вам рассказать. Эш так возненавидел Вулфа, что охотнее перерезал бы ему вены, а не горло, чтобы продлить агонию. Сегодня он выписал ордер на арест Вулфа как важного свидетеля, и мне пришлось везти его на Сентрал-стрит. Хомберт, по своим причинам, аннулировал ордер, правда в основном потому, что Вулф работает на НАП, и если ассоциация, не дай бог, оскорбится и разозлится еще больше, они вполне способны уволить мэра, да и всех остальных тоже, объявив Нью-Йорк монархией. Так вот, вернувшись домой, Вулф с ходу принял

решение порвать все отношения с ассоциацией. С утренней почтой они получат соответствующее письмо и приложенный к нему чек на выданный аванс. Завтра разразится грандиозный скандал. Мы понятия не имеем, что предпримет ассоциация. Да нас это, пожалуй, и не волнует, точнее, мистера Вулфа это не волнует. Но мы чертовски хорошо знаем, как будут действовать копы. Во-первых, впредь они не станут цацкаться с мистером Вулфом, поскольку он уже расстался с НАП. Во-вторых, им хорошо известно, что среди клиентов Ниро Вулфа никогда не было убийц, а также и то, насколько трудно заставить его расстаться с деньгами, да еще с такой суммой, как тридцать тысяч баксов. Из всего этого они, естественно, сделают вывод, что один из парней НАП — убийца и Вулф знает, кто именно.

— И кто же?

Я покачал головой:

— Понятия не имею, а поскольку мистер Вулф сошел с ума, его теперь тоже ни о чем не спросишь. Коль скоро обстановка складывается таким образом, можно без труда предсказать будущее. После десяти часов, а может и раньше, у наших дверей появится тюремный автобус, присланный за Вулфом. Жаль, конечно, разочаровывать копов,

но ничего не поделаешь. Придется предъявить им заключение известного врача о том, что Ниро Вулфа в его теперешнем состоянии опасно не то что перевозить, но и допрашивать. — Я обреченно махнул рукой и продолжил: — Вот такие дела. Лет пять назад Вулф оказал вам небольшую услугу, когда этот жулик — Гриффин, кажется, — пытался вас шантажировать. Вы тогда сказали Вулфу, что если ему когда-нибудь хоть что-нибудь понадобится, то ему стоит лишь только вас попросить. Хотя я и предупреждал вас, что вы об этом горько пожалеете. Ну вот, дружище, этот день наступил.

Волмер, почесав подбородок, погрузился в раздумье. Наконец он посмотрел на Вулфа и сказал:

— Вы, конечно, понимаете, меня так и подмывает задать вам кучу вопросов. Но полагаю, ответов я так и не получу?

— Боюсь, что нет. Во всяком случае, от меня. Я и сам толком ничего не знаю. Попробуйте обратиться к пациенту.

— На какой срок вам нужно медицинское заключение?

— Понятия не имею. Проклятье, я вообще не в курсе!

— Если дела настолько плохи, что придется

запретить все визиты к мистеру Вулфу, я должен буду посещать его по меньшей мере дважды в день. А еще для достижения нужного результата ему понадобятся сиделки.

— Нет! — отрезал я. — Совершенно с вами согласен, что без сиделок не обойтись, но Вулф натурально озвереет. Значит, сиделки отпадают. Что касается вас, заходите сколько угодно. Мне наверняка будет одиноко. И непременно подготовьте фактическую бумагу. Чтобы на них подействовало. Напишите, что если кто-то, чья фамилия начинается на букву «Э», попытается хоть посмотреть в сторону Вулфа, то это его непременно убьет.

— Что ж, я найду подходящие слова, необходимые для ваших целей. Заключение принесу минут через десять. — Волмер встал и взял саквояж. — Я действительно тогда сказал, что сделаю все, о чем бы ни попросил меня Вулф. — Он посмотрел на Вулфа. — Мне будет крайне приятно, если вы тоже меня о чем-нибудь попросите. Ну, что скажете?

Вулф застонал.

— Они наступают ордами, — отчетливо, но фальшиво произнес он, — на четырехколесных повозках под кичливыми знаменами инфляции!

Пять долларов за фунт говядины! Десять долларов за софу! Шестьдесят центов…

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Волмер, направляясь к дверям.

Глава 32

Надо сказать, я не был одинок в течение этих двух с половиной суток, с четверга по субботу, пока действовало предписание врача. Газетчики, копы, фэбээровцы, сотрудники НАП — все понимали, как мне тяжело, и отчаянно пытались развлечь. Должен признаться, что если в обычное время Вулф платит мне лишь половину того, что я заслуживаю, то за эти шестьдесят с лишним часов он недоплатил мне во много раз больше.

В продолжение всей осады Вулф не покидал постели, дверь в его спальню была постоянно заперта, один ключ находился у меня, другой у Фрица. Отказ от посещения кухни, столовой и кабинета уже сам по себе был для Вулфа тяжким испытанием, но самой большой жертвой стала невозможность два раза в день наведываться в оранжерею. Чтобы доказать необходимость этой жертвы, мне пришлось долго растолковывать Вулфу, что к нам в любое время может нагрянуть полицейский наряд с ордером на обыск и мы с Вулфом даже не успеем дойти до постели. Теодор ночевал у себя дома, а поскольку он не

был предателем, то мог по простоте душевной проговориться, что его внезапно занеможивший хозяин среди орхидей становится вполне нормальным. Именно по этой причине я запретил Теодору входить в спальню для консультаций. Итак, в четверг или в пятницу, не помню, когда точно, я заявил Вулфу:

— Вы продолжаете ломать комедию. Отлично. Мои аплодисменты. Если обстоятельства требуют, чтобы вы временно отошли от дел, в результате чего все легло на меня, тогда и правила буду устанавливать я. Ведь я уже и так чувствую себя умственно неполноценным, поскольку вообще не в курсе, что, черт возьми, вы задумали!

— Вздор! — отрезал Вулф. — Все ты знаешь и все понимаешь. Этот валик ищут для меня двадцать человек. Без него ничего сделать невозможно. Я просто предпочитаю ждать результата у себя дома, а не в тюремной камере.

— Бред! — Я был расстроен, так как только что провел жаркие тридцать минут в кабинете с очередной делегацией из НАП. — Почему вы порвали всякие отношения с ассоциацией еще до того, как решили тянуть резину, лежа в постели? Допустим, это совершил один из них и вы об этом знаете, в чем теперь никто уже не сомневается, но

вы должны все же сказать мне, какой смысл был возвращать им деньги, чтобы убийца не оказался вашим клиентом, если, по вашему собственному утверждению, в данном случае вашим клиентом является не какой-то отдельный человек, а вся Национальная ассоциация промышленников. Зачем, ради всего святого, вы вернули им деньги? И если вся эта история с валиком нужна не для того, чтобы потянуть время, а действительно, как вы сами говорите, имеет первостепенное значение, что будет, если нам так и не удастся его найти? И что в таком случае вы будете делать? Лежать до конца жизни в постели, заставляя доктора Волмера раз в месяц выписывать вам новую справку?

— Валик будет найден, — смиренно ответил Вулф. — Он не уничтожен, он существует и поэтому будет найден.

Я с подозрением взглянул на Вулфа, пожал плечами и вышел. Разговаривать с ним, когда он вдруг ни с того ни с сего становится кротким, — пустой номер. Я спустился в кабинет, сел и скорчил свирепую гримасу стоявшему в углу диктофону фирмы «Стенофон». Мы платили за его прокат по доллару в день, и это вселяло в меня надежду, что Вулф действительно верил в

возможность найти пропавший валик.

Впрочем, не только это. Билл Гор и еще двадцать парней из агентства Бэскома землю носом рыли, чтобы найти валик. Вулф поручил мне просматривать поступающие от них отчеты, и, должен сказать, они открывали новую главу в истории сыска. Билл Гор с напарником опрашивали не только приятелей, но и случайных знакомых Фиби Гантер в Вашингтоне, а еще двое — в Нью-Йорке. Еще троим пришлось добираться самолетом в самые дальние уголки нашей страны, где жили знакомые Фиби Гантер, которым чисто теоретически она могла отправить посылкой валик, хотя теория эта не выдерживала никакой критики, поскольку, как утверждал Вулф, Фиби хотела, чтобы валик на всякий пожарный находился у нее по рукой. Так что заявление Вулфа, что он тратит на поиски штуку в день, было сделано отнюдь не для красного словца. Кто-то из сыщиков, прознав, что в пятницу днем Фиби ходила в салон красоты, перевернул его вверх дном. Еще трое попытались проверить все камеры хранения, но обнаружили, что эту тему уже отрабатывают облеченные властью копы и агенты ФБР, так что пришлось копать в другом месте. Они пытались отыскать или угадать лю-

бые возможные маршруты, которые Фиби могла пройти пешком, после чего буквально истоптали ноги, проверяя все на свете вплоть до цветочных ящиков с землей, где Фиби могла сделать закладку. Остальные пробовали то одно, то другое. В пятницу вечером, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, я попытался прикинуть, что именно они могли пропустить. Я битый час ломал голову, но безуспешно. Они определенно обеспечили покрытие всей территории.

Итак, в поисках валика участвовал двадцать один высокооплачиваемый бесспорный специалист, но в данный момент мне не давали покоя мысли о Соле Пензере. Какой бы спектакль мы ни разыгрывали, Сол Пензер всегда выступал в нем в качестве приглашенной звезды, однако сейчас в числе задействованных людей Сола не было. И, как мне с большим трудом удалось узнать, Сол не проявлял ни малейшего интереса к валикам. Сол звонил каждые два часа — не знаю откуда. По указанию Вулфа я тут же переключал Сола на установленный у кровати параллельный аппарат, а сам клал трубку. За это время Сол побывал у нас дважды: утром в четверг и в пятницу во второй половине дня, причем в обоих случаях минут пятнадцать оставался наедине с Вулфом,

после чего отчаливал. К этому времени я уже был настолько одержим валиками, что у меня начали возникать некие подозрения, что Сол занимается оснащением мастерской где-то в бруклинском подвале, чтобы мы могли наладить собственное производство.

По мере продолжения осады частота и интенсивность моих стычек с Вулфом увеличивались. Одна, в четверг днем, произошла из-за инспектора Кремера. Вулф позвонил мне по внутренней линии и, заявив, что хочет поговорить по телефону с Кремером, велел мне его разыскать. Я категорически отказался. По моему глубокому убеждению, как бы ни был обижен на начальство Кремер и как бы ни хотелось ему облить Эша концентрированным раствором ДДТ, коп всегда остается копом, а потому ему нельзя доверять, и если ему покажется, что Вулф говорит вполне разумно, а голос его звучит нормально, Кремер может нас заложить, поставив под сомнение медицинское заключение доктора Волмера. В результате мы с Вулфом сошлись на том, что я просто узнаю, где сейчас находится инспектор Кремер и доступен ли он, а это оказалось совсем несложно. Лон Коэн сообщил мне, что Кремер взял двухнедельный отпуск, чтобы подуться, и

когда я набрал номер, к телефону подошел сам Кремер. Беседа была короткой и по существу, так что, переговорив с Кремером, я позвонил Вулфу по внутренней линии:

— Кремер взял отпуск и сидит дома, зализывает раны, возможно прикованный к постели. Он не сказал. В любом случае дозвониться до него можно в любое время, но он не слишком любезен. У меня доже появилось желание послать к нему доктора Волмера.

— Хорошо. Подойди сюда. У меня опять проблемы с этим окном.

— Черт с ним! Вам нужно лежать в кровати и держаться подальше от окон!

Одна из особенностей нашего спектакля состояла в том, что я не должен был отказывать ни одному законному посетителю. Это создавало впечатление, будто остальные обитатели дома Вулфа не прячутся от людей, вовсе нет, хотя и подавлены обрушившимся на них горем. Особенно доставалось мне от газетчиков и шпионов, но самыми надоедливыми оказались, конечно же, деятели из НАП и копы. В четверг около десяти утра позвонил Фрэнк Томас Эрскин. Он хотел поговорить с Вулфом, но, разумеется, у него ничего не получилось. Я как мог разъяснил ситуацию,

но с таким же успехом можно было объяснять умирающему от жажды, что вода мне нужна для стирки. Менее чем через час они заявились к нам всей честной компанией: оба Эрскина, Уинтерхофф, Бреслоу, О'Нил и Хэтти Хардинг. Я был крайне любезен, провел их в кабинет, усадил, после чего сообщил, что разговор с Вулфом на повестке дня определенно не стоит.

Судя по их тону и манере поведения, я был для них не собратом по разуму, а чем-то вроде таракана. Временами мне было трудно за ними угнаться, поскольку все они так и фонтанировали идеями и брызгали словами для их выражения и никто не брал на себя роль председателя, чтобы давать слово для выступления и следить, чтобы участники друг друга не перебивали. Их основной претензией было, во-первых, то, что, вернув деньги, Вулф совершил акт предательства; во-вторых, что если он сделал это из-за болезни, то ему следовало так и указать в письме; в-третьих, он должен немедленно объявить во всеуслышание о своей болезни, чтобы положить конец ползущим слухам о том, что он прекратил все отношения с НАП, получив неопровержимое свидетельство того, что один из членов НАП является убийцей; в-четвертых, если у Вулфа действительно имеет-

ся свидетельство, что один из НАП — убийца, они хотят знать кто, и причем немедленно, в течение пяти минут; в-пятых, они не верили в болезнь Вулфа; в-шестых, а кто его лечит; в-седьмых, если он болен, то когда поправится; в-восьмых, отдаю ли я себе отчет в том, что за два дня и три ночи, прошедшие с момента второго убийства, Фиби Гантер, ущерб, причиненный НАП, стал невосполнимым; в-девятых, пятьдесят-шесть-десят юристов единодушно придерживаются мнения, что сам факт оставления Вулфом дела без предварительного уведомления многократно увеличивает ущерб, а потому дает основания для судебного преследования; в-десятых, в-один-надцатых, в-двенадцатых, и так далее и тому подобное.

За долгие годы работы у Вулфа я встречал в его кабинете немало несчастных, отчаявшихся или страдающих людей, но сборища подобных субъектов мне еще не доводилось видеть. Насколько я понимал, их снова объединила общая беда и угроза возникновения раскола в их рядах миновала. В какой-то момент их единодушное стремление встретиться с Вулфом лицом к лицу достигло такого размаха, что Бреслоу, О'Нил и молодой Эрскин уже начали подниматься по

лестнице, и мне пришлось орать им вслед, что дверь заперта, а если они ее взломают, то Вулф их просто-напросто пристрелит. В результате они остановились и, круто развернувшись, решили удовлетвориться моим обществом.

Впрочем, я допустил одну ошибку. По простоте душевной пообещав им, что если у Вулфа паче чаяния наступит хотя бы временное просветление, то я с разрешения лечащего врача оперативно извещу об этом Эрскина, чтобы тот седлал коней и галопом мчался сюда для разговора с Вулфом. Мне следовало предвидеть, что теперь они не только будут день и ночь висеть на телефоне, справляясь о здоровье Вулфа, но и в одиночку, парами и по трое врываться к нам и торчать в кабинете, ожидая обещанного просветления. В пятницу некоторые из них провели у нас полдня, а в субботу утром все началось по новой. Если уж говорить об их проклятых деньгах, то я заработал не меньше тридцати штук, развлекая всю эту компанию.

После их первого визита, в четверг утром, я поднялся наверх и подробно доложил обо всем Вулфу, добавив, что не счел нужным рассказывать им о гончих, которых Вулф за собственный счет пустил по следу валика. На что Вулф лишь

пробормотал:

— Это не имеет значения. Рано или поздно они об этом узнают.

— Ага. Научное название вашей болезни «острый злокачественный оптимизм».

Что касается копов, Вулф поручил мне предупредить лавину путем добровольного предоставления своевременной информации. Именно поэтому в четверг в восемь тридцать утра, когда в НАП еще не распечатали корреспонденцию, я позвонил в секретариат комиссара полиции. Хомберт еще не появился, так же как и его секретарь, но я описал ситуацию какой-то шестерке и попросил передать информацию. Час спустя нам позвонил сам Хомберт. Разговор прошел словно по заранее написанному мной сценарию. Хомберт выразил сожаление по поводу того, что Вулф сломался, не выдержав напряжения, и сообщил, что официальному представителю полиции, который в скором времени зайдет к Вулфу, будет строго-настрого велено вести себя дипломатично и деликатно. А когда я сообщил, что лечащий врач категорически запретил пускать к Вулфу посетителей и даже страховых агентов, Хомберт повел себя бестактно, потребовав назвать ему полное имя врача и его адрес, что я охотно сделал.

Хомберт поинтересовался, сообщил ли я представителям прессы об отказе Вулфа от дела, на что я ответил «нет», и Хомберт сказал, что попросит проследить за тем, чтобы все было представлено в нужном свете. После чего он высказал мнение, согласно которому поступок Вулфа — отказ от клиента — является бесспорным доказательством того, что Вулф знает, кто убийца, и, возможно, располагает нужными уликами, а поскольку я доверенный помощник Вулфа, то можно смело предположить, что я тоже владею искомой информацией, а потому должен осознавать все риски несвоевременного предоставления этих сведений полиции. Не знаю, удовлетворило ли Хомберта мое объяснение. В любом случае я говорил правду, а поскольку у меня не слишком хорошо получается говорить правду, то трудно было ожидать, что он мне поверит.

Не прошло и получаса, как у нас появился лейтенант Роуклифф в сопровождении угрюмого сержанта уголовной полиции, и я пригласил их в кабинет. Роуклифф трижды внимательно прочел заключение доктора Волмера, и я даже предложил снять копию для дальнейшего изучения. Роуклифф вел себя сдержанно, прекрасно понимая, что в данном случае бесполезно метать

громы и молнии. Затем он попытался меня уговорить, что Вулфу ничуть не повредит, если он, Роуклифф, на цыпочках пройдет в его спальню и бросит сочувственный взгляд на распростертого соотечественника и, если можно так выразиться, коллегу. Я объяснил, что с удовольствием удовлетворил бы его просьбу, но, увы, доктор Волмер никогда мне этого не простит. Роуклифф ответил, что, так как прекрасно понимает мое положение, почему бы мне самому не поделиться имеющейся информацией? Я и рад бы, да не могу, сказал я, так как у меня иссяк источник информации. Роуклифф поверил мне не больше, чем Хомберт, но ничего не мог с этим поделать, поскольку не имел возможности отвезти меня в управление и опробовать на мне кусок резинового шланга — идея заманчивая, но в данный момент труднореализуемая.

Когда они наконец распрощались, Роуклифф сел в патрульную машину и укатил, а сержант принялся прогуливаться по тротуару перед домом. Очень демонстративно. Им не было нужды снимать комнату с окнами на дом Вулфа, поскольку они знали, что мы знаем, что за нашей дверью будут непрерывно следить. Итак, теперь до самого конца у нас перед домом будет стоять

караул.

Я так никогда и не понял, почему они не предприняли более решительных мер, чтобы переломить ситуацию, но подозреваю, что причина была в наличии определенных трений между инспектором Эшем и высоким начальством. Уже гораздо позже, когда все было позади, я попытался разузнать у Пэрли Стеббинса, что, собственно, тогда происходило, но Стеббинс ограничился парой ворчливых фраз, возможно руководствуясь желанием навсегда стереть из памяти время правления Эша. Док Волмер знал куда больше, чем я. И вводил меня в курс дела, когда приходил навещать пациента. Во время первого посещения, в четверг утром, я проводил его в спальню Вулфа, но, когда тот принялся развлекаться, тыча дрожащим пальцем в стену, по которой, если верить его словам, ползали большие черные черви, покрытые знаками доллара, мы с доктором предпочли убраться из спальни. После этого Волмер даже близко не подходил к пациенту, предпочитая болтать со мной в кабинете, причем достаточно долго, чтобы наш часовой успел сделать звонок. Доктора полиция тоже пасла, но он лишь ловил от этого кайф. Роуклифф позвонил ему в четверг утром, сразу как вышел от нас, и в

тот же день полицейский врач посетил кабинет Волмера, чтобы получить информацию о Вулфе уже на профессиональном уровне. А в пятницу утром Волмеру нанес визит лично инспектор Эш, и двадцать минут, проведенных с Эшем, лишь усилили энтузиазм Волмера относительно оказываемой Вулфу услуги. Тогда же в пятницу, но ближе к вечеру, к Волмеру явился другой полицейский врач. Он явно заставил нашего доктора попотеть, и тот несколько растерял прежнюю самоуверенность.

Гром грянул в субботу. Произошло то, чего я опасался с самого начала всей этой комедии и чего, кстати говоря, не исключал и Волмер. Об этом я узнал по телефону. В двадцать минут первого нам позвонил Роуклифф. Я был один в кабинете, когда раздался телефонный звонок, и, повесив трубку, почувствовал себя еще более одиноким. Я взлетел на второй этаж, перемахивая сразу через две ступени, отпер дверь спальни Вулфа и объявил:

— Ну ладно, паяц, наконец-то нам привалила удача! Вам предстоит участвовать в настоящем спектакле! Знаменитый невролог Грин, приглашенный городскими властями Нью-Йорка, прибудет к вам сегодня в семнадцать сорок пять

с предписанием, выданным судом. — Я сердито посмотрел на Вулфа и добавил: — Ну и что теперь? Если вы и с ним намерены разыграть ту же комедию, что и с Волмером, я в семнадцать сорок пять подаю в отставку.

— Так-так. — Вулф закрыл книгу, заложив ее пальцем. — Вот чего мы все время боялись. — Он положил книгу на одеяло обложкой вверх. — Но почему именно сегодня? Какого черта ты согласился на такое время?!

— Потому что мне пришлось. Я что, по-вашему, Иисус Христос? Они вообще хотели приехать прямо сейчас, и я сделал все, что мог. Сказал, что при осмотре непременно должен присутствовать лечащий врач, а он освободится лишь после обеда, в девять вечера. Они ответили, что консультация должна состояться до восемнадцати часов и ответ «нет» не принимается. К черту, я выторговал лишние пять часов, и мне еще пришлось побороться!

— Прекрати орать на меня! — проворчал Вулф, опуская голову на подушки. — Ступай вниз. Мне надо подумать.

Но я твердо стоял на своем:

— Вы что, хотите сказать, что до сих пор не придумали, как выйти из положения? А ведь я

начиная с четверга предупреждал вас, что все так и будет!

— Арчи, убирайся! Я не могу думать, когда ты стоишь рядом и причитаешь.

— Отлично. Я буду в кабинете. Позвоните, когда что-нибудь придумаете.

Я вышел, закрыл за собой дверь, запер ее и спустился вниз. В кабинете звонил телефон. Это был всего лишь Уинтерхофф. Справлялся о здоровье моего босса.

Глава 33

Я пытаюсь в ходе своего повествования не выпускать ни одной важной детали, и поскольку рассказ веду именно я, то считаю свое душевное состояние на различных этапах этой истории крайне важной деталью. Но в субботу в течение двух часов — с двенадцати тридцати до четырнадцати тридцати — я находился в самом гнусном настроении, в какое только может впасть человек. Смутно припоминаю, что я дважды ел ланч, хотя Фриц из вежливости это отрицает. По его словам, Вулф съел ланч, как обычно. Фриц в час дня отнес наверх полный поднос и через час забрал его пустым, при этом все было нормально, разве что Вулф, ушедший в свои мысли, забыл похвалить омлет.

Свой месячный запас самых энергичных выражений я израсходовал за эти два часа. И вовсе не потому, что видел в перспективе только нашу позорную капитуляцию. В конце концов, это очень неприятно, но еще не трагедия. Меня бесила мысль о трюке, который, как я понимал с самого начала, мог придумать только маньяк. Регулярно

просматривая все донесения Билла Гора и людей Бэскома, я считал, что хорошо знаю состояние дел на всем фронте расследования, за исключением участка Сола Пензера. Но что бы там ни делал Сол, это не могло ни объяснить, ни тем более оправдать дурацкую комедию с сумасшествием. Сол позвонил, как обычно, в два часа. У меня возникло сильнейшее желание наброситься на него с расспросами, но я понимал, что это бесполезно, и переключил его на спальню Вулфа. Однако из всех соблазнов, которым я когда-либо успешно противостоял, этот был самым мучительным. Меня непреодолимо тянуло подслушать, о чем они говорят. Однако, согласно негласной договоренности между мной и Вулфом, я никогда не нарушал инструкции, за исключением тех случаев, когда мог более объективно оценивать обстоятельства, неизвестные Вулфу и требующие решительных действий, но сейчас был отнюдь не тот случай, и не стоило себя обманывать. А мои инструкции заключались в том, что я не имел никакого касательства к Солу впредь до дальнейших указаний, и поэтому я положил трубку на рычаг и принялся расхаживать по кабинету, засунув руки в карманы.

Звонили различные люди, впрочем не важно,

чего они хотели, и я действительно нарушил одну инструкцию, а именно принимать всех посетителей. И дальнейшие обстоятельства определенно подтвердили мою правоту. Я был на кухне, помогал Фрицу точить ножи, вероятно исходя из принципа, что во время кризиса мы инстинктивно ищем общества товарищей по несчастью, и тут кто-то позвонил в дверь. Я подошел к парадной двери и, отодвинув занавеску, увидел Бреслоу. Чуть-чуть приоткрыв дверь, я рявкнул в образовавшуюся щелочку:

— Никаких посторонних! Это дом скорби, черт бы вас всех побрал!

Я захлопнул дверь и направился в кухню, но не дошел. Проходя мимо лестницы, я услышал какой-то шум и остановился посмотреть на его источник. По лестнице спускался Вулф в одной пижаме — восемь ярдов желтого шелка. У меня глаза полезли на лоб, ибо вверх и вниз Вулф перемещался исключительно на лифте.

— Как вам удалось выйти? — требовательно спросил я.

— Фриц дал мне ключ.

Спустившись вниз — я заметил, что он, по крайней мере, надел шлепанцы, — Вулф скомандовал:

— Пусть Фриц и Теодор сейчас же придут ко мне в кабинет!

За долгие годы нашей совместной работы я еще ни разу не видел Вулфа за дверью спальни в пижаме. Значит, случилось нечто из ряда вон выходящее. Распахнув дверь кухни, я переговорил с Фрицем, после чего вернулся в кабинет, по внутренней линии связался с Теодором, работавшим в оранжерее, и велел ему быстро спускаться вниз. К тому времени как Теодор рысцой сбежал вниз, Вулф уже сидел за письменным столом, а мы с Фрицем стояли рядом.

— Как поживаешь, Теодор? Мы не виделись уже три дня.

— Я в порядке. Спасибо, сэр. Мне вас не хватало.

— Не сомневаюсь. — Вулф перевел взгляд с него на Фрица, потом на меня и медленно и отчетливо произнес: — Я безмозглый дурак!

— Совершенно верно, сэр, — охотно согласился я.

Вулф нахмурился:

— Впрочем, так же, как и ты, Арчи. В дальнейшем ни ты, ни я не вправе претендовать на то, что в своем умственном развитии мы хоть как-то ушли от человекообразных обезьян. Я

записал тебя в свою компанию, потому что ты присутствовал при моем разговоре с Хомбертом и Скиннером. Ты читал донесения людей Бэскома. И вообще знаешь обо всем, что происходит. И боже правый, тебе даже в голову не пришло задуматься над простым фактом, что в тот вечер, когда ты привел сюда, в кабинет, мисс Гантер, она оставалась одна добрых три минуты, если не все пять! Да и сам-то я подумал об этом только сегодня. Пф! И я еще имел наглость целых тридцать лет использовать свое право голоса! — Он фыркнул. — У меня мозги как у моллюска!

— Ага. — Я уставился на Вулфа во все глаза. Конечно, я помнил, что, когда в вечер пятницы привез сюда Фиби, я действительно оставил ее в кабинете и отправился на кухню за Вулфом. — Значит, вы думаете…

— Нет! Теперь я не имею права утверждать, что способен думать. Это утверждение несостоятельно. Фриц! Теодор! Молодая женщина оставалась здесь одна три-четыре минуты. У нее в кармане или в сумочке находился предмет, который ей нужно было во что бы то ни стало спрятать. Черный валик длиной шесть дюймов и диаметром три дюйма. Она не знала, сколько у нее времени, так как в любую минуту в кабинет мог кто-то

войти. Будем исходить из предположения, что она спрятала валик где-нибудь здесь, в кабинете, и попытаемся его найти. Поскольку она умна и сообразительна, я не исключаю, что она спрятала валик у меня в столе. Я сам там проверю.

Вулф отодвинул кресло, с трудом нагнулся и открыл нижний ящик. Я тоже принялся открывать ящики своего стола.

— Что нам делать? Разделить комнату на секторы? — спросил меня Фриц.

— К черту! — бросил я через плечо. — Просто начинай искать. Вот и все.

Фриц подошел к дивану и стал снимать подушки. Теодор начал с двух ваз для цветов на шкафчике с картотекой, в которых по сезону стояли ветки вербы. Мы работали молча, на разговоры у нас не оставалось времени. Я не могу рассказать во всех подробностях, как проходил поиск у Фрица с Теодором, так как сосредоточился на своем фронте работ и только время от времени поглядывал в их сторону. Но я не переставал внимательно наблюдать за Вулфом. Целиком и полностью разделяя его мнение о сообразительности мисс Гантер, я тоже не исключал, что она могла спрятать валик в его столе. Это было бы вполне в духе Фиби, тем более если она нашла

ящик, куда явно давно не заглядывали. Однако самое тщательное обследование стола ничего не дало. Вулф поставил свое кресло на прежнее место и пробормотал:

— Будь проклята эта женщина! — Затем уселся поудобнее и принялся озирать кабинет, словно полководец поле боя.

— Мистер Вулф, это то, что мы ищем? — послышался голос Фрица.

Он стоял на коленях перед самой нижней и самой длинной книжной полкой. Около нее высилась стопка томов энциклопедии, снятых с полки, и теперь на том месте, всего в нескольких дюймах от пола, зияло пустое пространство. В вытянутой руке Фриц держал то, что мы так долго и тщетно искали.

— Оно самое, — одобрительно произнес Вулф. — Она действительно была особенной девушкой. Отдай валик Арчи. А ты, Арчи, выкати из угла аппарат. Теодор, я, видимо, сегодня же поднимусь к тебе в оранжерею, но несколько позже, а уж завтра утром обязательно, и в обычное время. Поздравляю, Фриц! Ты начал с нижней полки, что было вполне разумно.

Фриц, сияя от гордости, передал мне валик и направился к выходу в сопровождении Теодора.

— Ну вот, — заметил я, включая диктофон. — Возможно, это как раз то, что нам нужно. А может, и не то.

— Давай запускай, — проворчал Вулф, постукивая пальцем по подлокотнику. — Что ты копаешься? Не получается?

— Обязательно получится, только не торопите меня. Ведь у меня мозг… как вы там говорили? Как у моллюска.

Я включил диктофон и сел. Послышался голос Чейни Буна, тот самый голос, который мы так отчетливо слышали, когда проигрывали другие десять валиков. Минут пять мы сидели неподвижно. Я не отрываясь смотрел на динамик, Вулф, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Как только запись закончилась, я выключил аппарат.

Вулф глубоко вдохнул, открыл глаза и выпрямился в кресле.

— В наш язык нужно внести кое-какие исправления, — заявил он. — Например, выражение «мертвые молчат» определенно устарело. Мистер Бун мертв. Мистер Бун умолк. И все же он говорит.

— Да-да! — откликнулся я. — Умолкнувший оратор. Наука творит чудеса, однако я знаю пар-

ня, которого это вряд ли обрадует. Пойти за ним?

— Нет. Полагаю, мы можем все устроить по телефону. У тебя есть номер телефона мистера Кремера?

— Разумеется.

— Вот и хорошо. Но прежде свяжись с Солом: Манхэттен пять, три-два-три-два.

Глава 34

Без десяти четыре наши гости уже сидели в кабинете. Один из них был наш старый приятель и противник инспектор Кремер, второй — бывший клиент Вулфа Дон О'Нил, третий — сравнительно недавний знакомый — Элджер Кейтс, а вот четвертый оказался совершенно новым человеком — вице-президент фирмы «О'Нил и Уордер» Генри А. Уордер. Сол Пензер, скромно примостившийся в уголке за глобусом, был, естественно, не гостем, а своим человеком, членом нашей семьи.

Кремер, сидя в красном кожаном кресле, словно ястреб, следил за Вулфом. О'Нил, едва только вошел и увидел своего вице-президента, взвился чуть не до потолка, но спохватился и взял себя в руки. Высокий и плотный, Генри А. Уордер выглядел так, как будто он нуждался в контрфорсе. Судя по его поведению, ему, единственному в этой комнате, явно не помешала бы нюхательная соль, поскольку он был явно напуган. Элджер Кейтс не сказал ни слова, когда я открывал ему дверь, и продолжал упорно молчать — ни дать ни взять учитель воскресной школы, попавший

в воровской притон.

Вулф впервые с вечера среды был одет. Он уселся и окинул присутствующих взглядом.

— Джентльмены, — начал он, — то, что вы услышите, не доставит ни малейшего удовольствия троим из вас, поэтому не стану вас томить, буду краток. Видимо, самое целесообразное — дать вам прослушать сделанную на диктофоне запись. Но сначала я должен объяснить, как она попала ко мне. Час назад валик с этой записью был обнаружен здесь, у меня в кабинете, вон на той книжной полке. Его спрятала там мисс Гантер, когда приходила ко мне неделю назад в пятницу вечером.

— Не была она здесь! — прохрипел О'Нил. — Не приходила она сюда!

Вулф холодно взглянул на него:

— Похоже, вы не хотите сэкономить нам время.

— Черт, очень даже хочу! Чем быстрее, тем лучше.

— В таком случае не прерывайте. Само собой разумеется, что все сообщаемое мной полностью соответствует действительности и может быть доказано без всякого труда. В противном случае я не стал бы ничего говорить. В тот вечер, когда все

разошлись, мистер Гудвин доставил сюда, в кабинет, мисс Гантер. В течение нескольких минут она оставалась одна. Я никогда не прощу себе, что не вспомнил об этом раньше и не обыскал кабинет. Это был ужасный сбой интеллекта, который обычно функционирует вполне приемлемо. И все же. — Он резко взмахнул рукой. — Пусть это останется между мной и мирозданием. А теперь послушаем запись, сделанную мистером Буном в последний день его жизни у себя в кабинете в Вашингтоне. Прошу не прерывать прослушивания. Арчи, включай.

Я включил аппарат. Сначала послышались шорохи, а через несколько секунд раздался голос умолкнувшего оратора Чейни Буна:

— Мисс Гантер, эта запись предназначается только для нас с вами, и ни для кого больше. Позаботьтесь об этом. Напечатайте текст в двух экземплярах. Первый передайте мне, второй храните у себя в папке с секретными документами.

В номере гостиницы я только что беседовал с Генри А. Уордером, вице-президентом и казначеем фирмы «О'Нил и Уордер». Это он пытался связаться со мной через вас, отказавшись при этом назвать свою фамилию. В конце концов он все же застал меня дома, и мы договорились

встретиться с ним сегодня, двадцать шестого марта. Он сообщил мне следующее…

— Довольно! — взвизгнул Уордер и, вскочив, бросился к диктофону.

Учитывая его размеры и внешность, было бы уместнее сказать, что он заорал или зарычал, однако это был самый настоящий визг. Предвидя столь неадекватную реакцию, я поставил аппарат возле своего стола, всего в четырех футах от себя, а потому мне не представило труда отразить атаку. Преградив Уордеру путь, я повернул тумблер и твердо сказал:

— Никаких резких телодвижений. А ну-ка назад и сядьте на место! — Я продемонстрировал пистолет, который достал из кармана пиджака. — По мере прослушивания эта запись вам троим будет нравится все меньше. Но если, не дай бог, вам одновременно что-то взбредет в голову и вы попытаетесь предпринять какие-то действия, я вас подстрелю, и с превеликим удовольствием.

— Я же разговаривал с ним конфиденциально! — Уордер дрожал как осиновый лист. — Бун мне обещал!

— Перестаньте! — Кремер, встав с места, подошел к Уордеру, после чего повернулся ко мне. — Вы их обыскали?

— Они не вооруженные бандиты! — огрызнулся Вулф. — Они предпочитают наносить удары по голове, по крайней мере один из них.

Кремер не обратил на слова Вулфа никакого внимания. Начав с Уордера, он быстро, но тщательно его обыскал и, дав ему знак посторониться, сказал О'Нилу:

— Встать! — Но так как О'Нил не шелохнулся, Кремер отрывисто рявкнул: — Вы что, хотите, чтобы я поднял вас силой?!

О'Нил поднялся и тяжело задышал, почувствовав на себе опытные руки Кремера. Когда очередь дошла до Кейтса, то на него даже не пришлось давить. Он выглядел ошеломленным, но даже не пытался возмущаться. Закончив с Кейтсом, Крамер подошел к аппарату, положил руку на корпус и буркнул:

— Продолжайте, Гудвин.

Так как я не был специалистом по диктофонам, то, опасаясь повредить валик, я поставил его с начала. Через минуту мы вернулись к тому месту рассказа Буна, где нас прервал Уордер.

— *Он сообщил мне следующее: ему, Уордеру, несколько месяцев назад стало известно, что президент его фирмы Дон О'Нил платит одному из работников Бюро регулирования цен за*

предоставление конфиденциальной информации. Уордер обнаружил это не случайно и не в ходе какого-то секретного расследования. О'Нил сам рассказал ему об этом и даже похвалялся на сей счет. Уордер же как казначей обеспечивал его необходимыми суммами, снимая деньги со специального счета в банке. Уордер заявляет, что был вынужден идти на это, несмотря на свои протесты. Повторяю, это версия Уордера, но склонен ему верить, так как он пришел ко мне сам. Конечно, нужно будет проверить в ФБР, есть ли там какие-нибудь данные на этот счет относительно О'Нила и особенно Уордера. Однако в ФБР не следует упоминать, что Уордер сделал мне настоящее заявление. Я ему это обещал. Только при таком условии он согласился сообщить упомянутые сведения. И я бы не хотел, чтобы мое обещание было нарушено. Подробно я переговорю с вами завтра, но интуиция подсказывает мне, а как вам известно, она меня не подводит, и потому я безотлагательно делаю эту запись на валике диктофона.

Кремер не то фыркнул, не то чихнул. Сразу три пары глаз с укоризной уставились на него. Я же не испытал особого раздражения, так как уже слышал все это раньше и теперь меня интересо-

вала только реакция слушателей.

— ...По словам Уордера, платежи начались в сентябре прошлого года и к настоящему времени общая сумма их составила шестнадцать тысяч пятьсот долларов. Как объяснил Уордер, ко мне он пришел потому, что, придерживаясь в жизни определенных принципов, категорически осуждает взяточничество, особенно когда в роли взяточников выступают государственные служащие. Уордер якобы не решался занять твердую позицию в отношении О'Нила, поскольку О'Нилу принадлежит свыше шестидесяти процентов акций фирмы, а ему, Уордеру, менее десяти и, таким образом, О'Нил мог в любую минуту вышвырнуть его. Проверить это утверждение не так уж сложно. Беседуя со мной, Уордер очень нервничал и выглядел испуганным. У меня сложилось впечатление, что рассказ Уордера соответствует действительности и что его приход вызван угрызениями совести. Впрочем, не исключено, что подлинная причина кроется в его желании скомпрометировать О'Нила из каких-то пока неизвестных нам соображений. Правда, Уордер клялся, что он просто хочет ознакомить меня с этими фактами и тем самым дать мне возможность отделаться от подчиненного-взяточника.

В какой-то мере это подтверждается требованием Уордера дать ему обещание, что против О'Нила не будет возбуждено уголовное дело.

Вы удивитесь, как удивился и я, узнав имя человека, подкупленного О'Нилом. Кейтс, Элджер Кейтс. Вы знаете мое мнение о нем. И как мне кажется, вы придерживаетесь такого же мнения. Уордер утверждает, что ему якобы неизвестно, какую информацию Кейтс продавал О'Нилу, но это, в конце концов, не суть важно. Мы знаем, что Кейтсу в силу занимаемой должности было что предложить, впрочем, так же, как и любому не столь высокопоставленному члену нашей организации, и, по моему глубокому убеждению, он передавал информацию О'Нилу, а тот, в свою очередь, всей этой банде коррупционеров из НАП. Надеюсь, вы понимаете, какое отвращение у меня все это вызывает. За какие-то жалкие шестнадцать тысяч! Полагаю, что, если бы меня предала какая-нибудь высокопоставленная змея за миллионы долларов, это было бы не так обидно, но при мысли о Кейтсе меня просто начинает тошнить. Я считал его скромным маленьким человеком, преданным работе и нашим общим целям. Я не знаю, для чего Кейтсу понадобились деньги, да меня это, собственно, и не интересует.

Я еще не решил, как уладить это дело. Правильнее всего было бы обратиться в ФБР, напустив фэбээровцев на Кейтса и О'Нила. Но меня держит обещание, данное Уордеру. Я подумаю, а завтра мы с вами это обсудим. Если бы мне пришлось прямо сейчас встретиться с Кейтсом, боюсь, я не смог бы себя сдержать. На самом деле я больше не желаю его видеть. Все слишком далеко зашло, и если бы он вошел в мой кабинет прямо сейчас и я встретился бы с ним лицом к лицу, полагаю, я мог бы задушить его голыми руками. Вы меня знаете. Это я фигурально.

И все же в данный момент важен не сам Кейтс, а то, о чем свидетельствует эта история. С моей стороны было безумием доверять всем подряд, за исключением, конечно, вас и Декстера. В дополнение к уже имеющейся мы должны создать какую-то особую систему предупреждения утечки секретных данных. Частично мы можем поручить это ФБР, но одновременно следует усилить систему безопасности путем создания соответствующей структуры с подходящими кадрами, которые будут подчиняться непосредственно нам. Подумайте над своими предложениями. Завтра обсудим вместе с вами и Декстером. Лично я считаю, что руководство

этой структурой вам придется взять на себя, отложив все остальные дела. Мне будет трудно без вашей постоянной помощи, но это жизненно важно. Обдумайте мое предложение. Завтра утром мне предстоит выступать на заседании комиссии сената. Я возьму эту запись с собой в Нью-Йорк и передам вам. Пока я буду занят в Вашингтоне, вы прослушаете ее, осмыслите, а во второй половине дня мы займемся обсуждением.

Голос умолк, из громкоговорителя слышалось только слабое потрескивание, и я выключил диктофон.

В кабинете воцарилось тяжелое молчание, которое нарушил Вулф.

— Ну что скажете, мистер Кейтс? — невинным тоном поинтересовался он. — Когда вы вошли в комнату с новыми данными для речи мистера Буна и мистер Бун встретился с вами лицом к лицу, он что, действительно попытался задушить вас голыми руками?

— Нет! — взвизгнул Кейтс; его голос звучал возмущенно, впрочем писклявым голосам это свойственно.

— Не вмешивайтесь не в свое дело, Кейтс! Сядьте и заткнитесь! — резко бросил О'Нил.

— Ну, знаете, мистер О'Нил, это же просто

великолепно! — хмыкнул Вулф. — Просто великолепно! То же самое, слово в слово, вы говорили ему в тот вечер, когда впервые пришли ко мне: «Не вмешивайтесь не в свое дело, Кейтс! Сядьте и заткнитесь!» Не сказал бы, что вы поступили очень умно, поскольку ваш окрик прозвучал как грубый приказ начальника подчиненному, что, в сущности, так и было. Тогда я заставил одного хорошего человека потратить целых три дня, чтобы попытаться установить связь между вами и Кейтсом. Однако вы оказались очень осторожны. — Вулф быстро перевел взгляд на Кейтса. — Я не зря спросил, не пытался ли мистер Бун задушить вас голыми руками. Тогда вы могли бы утверждать, что действовали в порядке самообороны. Опытный адвокат непременно использовал бы этот аргумент, но ведь еще была и мисс Гантер. Я очень сомневаюсь, что присяжные вам поверят, если вы станете уверять, будто она пыталась задушить вас на моем крыльце. Между прочим, меня интересует одна деталь. Мисс Гантер сказала миссис Бун, что написала письмо убийце с требованием вернуть свадебную фотографию. Я в это не верю. Сомневаюсь, чтобы мисс Гантер рискнула доверить нечто подобное бумаге. По-моему, она взяла у вас фотографию

и техпаспорт на автомобиль и сама отправила миссис Бун, так?

И тут Кейтс выкинул трюк, который удивил даже меня, хотя, казалось бы, я навидался всякого на своем веку. Он взвизгнул, причем на сей раз явно негодующе, однако его возмущение было направлено не на Вулфа, а на инспектора Кремера. Кейтс трясся от негодования, буквально повторяя тот драматический момент, когда обвинил Бреслоу в нарушении норм общественной морали.

— Полиция проявила полнейшую некомпетентность! Не поленись она потратить нескольких часов, то без труда узнала бы, откуда появился тот кусок водопроводной трубы. А взят он из кучи старья в подвале дома на Сорок первой улице, где размещается НАП!

— Господи Исусе! Нет, вы только послушайте! — прорычал Кремер. — Да он больной на всю голову!

— Да он же болван! — О'Нил обрушился с праведным гневом на ни в чем не повинный диктофон. — Форменный кретин! Такого даже трудно заподозрить в убийстве. — И, обращаясь к Кейтсу, добавил: — Боже правый, вот уж не думал, что вы способны на это!

— Я тоже не думал. — Кейтс перестал трястись,

выпрямился и словно одеревенел. — Пока этого не случилось. А когда случилось, я стал лучше себя понимать. Во всяком случае, я оказался не таким уж дураком. Уж по крайней мере умнее Фиби. Ей бы следовало знать, на что я способен. А она не захотела даже обещать, что никому ничего не скажет и уничтожит валик с записью. Даже обещать! — Он не сводил с О'Нила немигающих глаз. — Мне следовало убить и вас в тот же вечер. Я вполне мог это сделать. Вы тогда боялись меня, боитесь и сейчас! Никто из них не боялся, а вы боитесь. Вот вы говорите, что даже не подозревали меня в убийстве, хотя все прекрасно знали.

О'Нил хотел возразить, но Кремер знаком приказал ему молчать и спросил Кейтса:

— И откуда же он узнал?

— Я сам ему рассказал. — Если визг Кейтса так же драл ему горло, как резал нам слух, значит ему было действительно больно. — Но лучше бы я ему не говорил! Он назначил мне встречу и…

— Ложь! — Голос О'Нила звучал холодно и строго. — Вот теперь вы откровенно лжете.

— Хорошо, дайте ему закончить. — Кремеру явно хотелось закончить с Кейтсом. — Когда это произошло?

— На следующий день, в среду. В среду, во вто-

рой половине дня. Во время нашей встречи.

— Где?

— На Второй авеню, между Пятьдесят третьей улицей и Пятьдесят четвертой. Мы разговаривали прямо на тротуаре. Он дал мне денег и сказал, что, если что-нибудь произойдет, если меня арестуют, он позаботится, чтобы я ни в чем не нуждался. Он уже тогда боялся меня. Следил за моими руками.

— Сколько вы пробыли вместе?

— Минут десять. По моим прикидкам, не более десяти минут.

— В котором часу?

— В десять вечера. Мы договорились встретиться в десять часов. Я пришел вовремя, а он опоздал минут на пятнадцать и объяснил, что должен был проверить, нет ли за ним слежки. Полагаю, у умного человека нет с этим проблем.

— Мистер Кремер, — вмешался Вулф, — вам не кажется, что это пустая трата времени? Ведь в полиции все равно придется повторять допрос и в присутствии стенографистки. По-моему, Кейтс готов признаться во всем.

— Он готов, — подхватил О'Нил, — сам сесть на электрический стул и при этом оклеветать других людей!

— На вашем месте я бы так из-за этого не переживал, — иронично блеснул глазами Вулф. — По крайней мере, он больший философ, чем вы. При всей своей испорченности он способен достойно принять неизбежное, соблюдая приличия. Вы же, напротив, пытаетесь вилять. Судя по взглядам, которые вы бросаете на мистера Уордера, я могу сделать вывод, что вы отлично понимаете, что вам грозит. Ему придется взять на себя руководство фирмой в ваше отсутствие.

— Мне не в чем признаваться, и отсутствовать я не собираюсь.

— Неужели? Но вам придется. Отсюда вы отправитесь прямиком в тюрьму… — Вулф повернулся к Уордеру. — Ну что скажете, мистер Уордер? Неужели вы будете опровергать ваш разговор с мистером Буном, тем самым вынуждая жюри присяжных считать вас лжецом? Или, быть может, вы все-таки проявите благоразумие?

Уордер теперь уже не выглядел испуганным, его голос звучал твердо и решительно.

— Да, я намерен говорить только правду.

— Является ли правдой то, что мистер Бун записал на этом валике?

— Да, это чистая правда.

Вулф метнул острый взгляд в сторону О'Нила:

— Вот такие дела, сэр. Взятка является уголовным преступлением. Так что вам непременно понадобится мистер Уордер. Определение степени вашей вины как соучастника убийства будет зависеть от ловкости вашего адвоката. Начиная с этого момента бал правят адвокаты. Мистер Кремер, уведите их отсюда поскорее. Мне тошно на них смотреть. Арчи, упакуй валик. Мистер Кремер возьмет его с собой.

— Гудвин, посторожи-ка их. Мне нужно позвонить. — Кремер направился к телефону.

Пока Кремер набирал нужный ему номер и разговаривал, я сидел лицом к аудитории, не выпуская из рук пистолета на случай, если у кого-нибудь не выдержат нервы. Я с интересом обнаружил, что Кремер позвонил не в свой бывший отдел уголовной полиции, которым теперь заправлял Эш, и даже не его начальнику, а самому Хомберту. Выходит, у Кремера мозгов все же было больше, чем у моллюска.

— Комиссар Хомберт? Инспектор Кремер. Да, сэр. Нет, я звоню из кабинета Ниро Вулфа. Нет, сэр, я вовсе не собираюсь вмешиваться, но если позволите… Да, сэр… Я понимаю, это нарушение дисциплины, однако если вы уделите мне несколько минут… Да, конечно, я здесь с Вулфом.

Нет, я не вламывался к нему, но у меня есть преступник, есть доказательства и есть признание. Именно это я и пытаюсь вам сказать. Нет, я не пьяный и не сошел с ума. Пришлите… Погодите минутку…

Вулф отчаянно жестикулировал, пытаясь привлечь внимание Кремера.

— Скажите ему, — велел Вулф, — чтобы не присылал своего проклятого доктора!

Кремер продолжил разговор:

— Хорошо, комиссар. Пришлите… Ой, да ничего, просто Вулф несет какой-то бред насчет доктора. Вы что, посылали к нему доктора? Ему не нужен доктор и, по-моему, вряд ли понадобится. Пришлите три машины и шесть человек к дому Вулфа. Нет, я не знаю, но собираюсь привезти троих в управление. Вы сами увидите, когда я туда доберусь. Да, сэр, говорю вам, дело закрыто, все сходится и никаких неясностей. Конечно, я везу их прямо к вам… — Он положил трубку.

— Вы же не станете надевать на меня наручники? — пискнул Элджер Кейтс.

— Мне нужно позвонить своему адвокату, — ледяным голосом произнес О’Нил.

А Уордер сидел молча.

Глава 35

Итак, пропустив более тысячи второстепенных деталей того уик-энда типа появления у нас известного невролога доктора Грина — его, естественно, забыли предупредить, — который прибыл к нам ровно в семнадцать сорок пять, буквально через несколько минут после того, как Кремер уехал со своей добычей, и которому сообщили, что о судебном предписании можно забыть, поскольку дело закрыто, перехожу сразу к событиям утра понедельника. Вулф, спустившись в одиннадцать часов из оранжереи, уже знал, что у него посетитель. Кремер, заранее договорившийся о встрече, ждал Вулфа в кабинете, в красном кожаном кресле. На полу рядом с Кремером стоял завернутый в бумагу из цветочного магазина какой-то бесформенный предмет, который Кремер категорически не позволил мне убрать. Кремер обменялся с Вулфом приветствиями и, подождав, пока тот не устроится поудобнее, сообщил, что Кейтс подписал признание в обоих убийствах, о чем уже даже написано в утренних газетах.

— Глупый и неадекватный человек этот Кейтс. Но с интеллектом, — кивнул Вулф. — Кстати, одну деталь преступления он придумал блестяще.

— Вот именно. И я бы сказал, даже не одну. Вы имеете в виду уловку с шарфом, который он сунул в карман своего пальто, вместо того чтобы подбросить кому-нибудь другому?

— Да, сэр. Трюк, заслуживающий внимания.

— И сам он давным-давно заслуживал внимания, — согласился Кремер. — На самом деле он еще тот фрукт. Знаете, есть нечто такое, о чем он не хочет ни говорить, ни давать письменные показания. Может, вы думаете, он боится, что это нечто поможет посадить его на электрический стул? Отнюдь! Мы никак не добьемся от него, зачем ему нужны были деньги. Жене, спрашиваем, на расходы? На ее поездки во Флориду?.. Смотрит на нас как на пустое место, трясет упрямо подбородком или кричит: «Оставьте мою жену в покое! Не смейте даже упоминать о моей жене!» Между прочим, она вчера вернулась в Нью-Йорк, но он отказался встретиться с ней. По-моему, он считает ее святой и не хочет впутывать в эту историю.

— Неужели?

— Вот именно. Зато обо всем остальном рассказывает охотно. Например, о том, как прикончил

Буна. Кейтс вошел в комнату и протянул Буну бумаги, а Бун высказал ему прямо в глаза все, что он о Кейтсе думает, и, велев катиться ко всем чертям, повернулся к нему спиной. Кейтс схватил разводной ключ и ударил Буна. Он подробно пересказал свой разговор с ним, потом долго читал и перечитывал свои показания на предмет неточностей. То же самое с убийством Фиби Гантер. Кейтс не хотел, чтобы у нас остались неясности. По его словам, он хочет, чтобы мы отчетливо понимали, что он не договаривался о встрече, когда Фиби ему позвонила, а просто ждал ее в доме напротив, в подъезде. Увидев Фиби, он подошел, и они вместе поднялись на крыльцо. Отрезок трубы был спрятан у него в рукаве и обернут шарфом. Шарф он вытащил из кармана пальто Уинтерхоффа три дня назад, когда они были здесь в первый раз. Тогда Кейтс еще не представлял, для чего ему этот шарф, но полагал, что рано или поздно представится случай подбросить его, чтобы скомпрометировать Уинтерхоффа — члена НАП.

— Разумеется. — Вулф поддерживал разговор только из вежливости. — И все для того, чтобы отвлечь от себя внимание. Напрасные усилия, поскольку я уже взял его на заметку.

— Да неужели? — недоверчиво усмехнулся

Кремер. — С чего это вдруг?

— Главным образом на основании двух фактов. Во-первых, из-за того тона, каким О'Нил прикрикнул на Кейтса вечером в пятницу. Таким тоном отдают распоряжение человеку, от которого ожидают безоговорочного повиновения. Во-вторых — и это значительно важнее, — из-за истории с отправкой по почте свадебной фотографии миссис Бун. Многие мужчины способны на подобный жест, но ни один из известных мне пяти руководителей НАП к ним не относится. А мисс Хардинг слишком холодная женщина и явно не способна на подобные проявления милосердия. Алиби мистера Декстера проверялось и не вызывает сомнений. Миссис Бун и ее племянница вне подозрений, по крайней мере для меня. Оставались только мисс Гантер и мистер Кейтс. Теоретически мисс Гантер могла убить Буна, но уж никак не покончить с собой с помощью отрезка трубы. Кроме того, из всех, кого я перечислил, только она была способна в той обстановке вспомнить о свадебной фотографии и отослать ее миссис Бун. Но если это так, где она могла взять снимок? Конечно, у убийцы. Кто же он? Все обстоятельства дела указывали на Кейтса. — Вулф развел руками и продолжил: — Но все это до поры до времени от-

носилось к области умозрительных заключений. Нужны были неоспоримые доказательства. И все это время они лежали у меня здесь, на книжной полке! Да уж, пришлось проглотить горькую пилюлю. Пива хотите?

— Нет, спасибо. — Кремер нервничал и явно чувствовал себя неловко. Он взглянул на часы и соскользнул на краешек кресла. — Ну, мне надо бежать. Я ведь на минутку. — Он поднялся и одернул брюки. — Дел невпроворот. Вы, наверное, уже слышали? Меня вернули на прежнее место. Инспектор Эш переведен в округ Ричмонд в Статен-Айленде.

— Да, сэр. Поздравляю!

— Премного благодарен. Ну а коли так, вам придется вести себя осторожно. Имейте в виду: я не дам вам спуску, если вы попытаетесь выкинуть какой-нибудь трюк.

— Ну что вы! Разве я похож на человека, способного выкинуть трюк?!

— Вот и отлично. Значит, мы поняли друг друга.

Кремер направился к двери, но я остановил его:

— Эй, ваш пакет!

— Ой да, совсем забыл, — пробормотал Кремер,

полуобернувшись и немного замедлив шаг. — Это для вас, мистер Вулф. Надеюсь, вам понравится. — И судя по времени, которое у него ушло на то, чтобы захлопнуть за собой входную дверь, Кремер действовал вдвое быстрее обычного.

Я подошел и, подняв с пола пакет, положил его Вулфу на стол, после чего разорвал бумагу, продемонстрировав содержимое. Керамический горшок был покрыт тошнотворной зеленой глазурью. Земля как земля. Растение находилось в хорошем состоянии, но на нем было всего два распустившихся цветка. Я уставился на горшок в благоговейном ужасе.

— Боже мой! — наконец воскликнул я. — Да он притащил вам в подарок орхидею!

— Brassocattleya thorntoni, — промурлыкал Вулф. — Очень красивая.

— Бред! — Я решил вернуть Вулфа на грешную землю. — У вас их тысячи, и все лучше этой. Разрешите выбросить?

— Нет, конечно. Отнеси сейчас же Теодору. — Вулф погрозил мне пальцем. — Арчи, один из самых крупных твоих недостатков — это полное отсутствие сентиментальности.

— Да неужели? — ухмыльнулся я. — Вы будете удивлены. В этот самый момент меня буквально

душат слезы благодарности судьбе, вернувшей нам Кремера при всей его несносности. С Эшем нам наверняка жизнь медом не показалась бы.

— Удачи! — фыркнул Вулф.

Глава 36

Нет, что ни говори, но рано или поздно мне следовало доказать Вулфу, что не такой уж я идиот. Я ждал лишь подходящего случая. Он наступил во второй половине того же понедельника, примерно через час после ланча, вскоре после телефонного звонка Фрэнка Томаса Эрскина. Вулф разрешил соединить его с ним, а мне велел слушать по параллельному аппарату.

Суть разговора сводилась к тому, что чек на сто тысяч долларов будет выслан Вулфу сегодня же, что, вероятно, и должно было быть основным пунктом короткого телефонного разговора. Все остальное было набором банальностей. Дескать, НАП весьма признательна Вулфу за все, что он сделал для нее, но отказывается понять, почему он вернул уже полученные деньги. НАП немедленно выплатит Вулфу полную сумму обещанного в объявлении вознаграждения без выполнения особых условий, в знак благодарности, а также с учетом того, что в свете подписанного Кейтсом признания эти условия выполняются чисто автоматически. Ассоциация с большой радостью

возместит Вулфу все понесенные расходы, если он назовет точную сумму. Руководство НАП обсудило аспекты этого дела с инспектором Кремером, и инспектор заявил, что не претендует даже на часть вознаграждения, поскольку его целиком и полностью заслужил Вулф.

В общем, весьма милый телефонный разговор.

— Вот это, я понимаю, по-деловому — выплатить такую сумму без проволочек! — самодовольно ухмыльнулся Вулф.

Я бросил на Вулфа хитрый взгляд:

— Да неужели? По-моему, мистер Эрскин далеко не все знает.

— Не все знает? О чем это ты?

Я небрежно закинул ногу на ногу и поудобнее уселся в кресле. Момент, которого я так долго ждал, наступил.

— Видите ли, — заявил я, — все можно делать по-разному. Можно, к примеру, положить кусочек масла в рот и ждать, пока оно само растает. Лично я предпочитаю сказать вам прямо все, что думаю. А точнее, спросить, поскольку предпочитаю представить все в форме вопросов, на которые я потом сам дам ответы.

— О чем, черт бы тебя побрал, ты говоришь?!

— Нет уж! Вопросы задаю я. Вопрос первый:

когда вы в действительности нашли валик? В субботу днем, когда ввалились сюда в пижаме и разразились длинной тирадой о своем скудоумии? Ничего подобного! Вы знали, где спрятан валик, дня за три-четыре до этого. Вы нашли его или во вторник утром, пока меня терзали у Кремера, или в среду, когда я отправился на ланч с Ниной Бун. Скорее всего, во вторник. Хотя, быть может, и в среду.

— Пожалуй, не стоит раскачивать лодку, — пробормотал Вулф.

— Только не прерывайте. Вопрос второй: почему вы так настойчиво расспрашивали миссис Бун, где находится валик, если уже знали это? Ответ: хотели убедиться, что ей действительно ничего не известно. Если бы ей было известно, она бы сообщила об этом в полицию еще до того, как вы «нашли» валик, и вознаграждение получила бы она, а уж во всяком случае не вы. Фиби Гантер многое ей рассказала. Могла рассказать и о валике. Кроме того, мучая миссис Бун расспросами о валике, вы стремились создать впечатление, будто не знаете, где он, и готовы отдать что угодно, лишь бы узнать.

— И мне действительно удалось создать такое впечатление, — пробормотал Вулф.

— Еще бы! В подтверждение могу привести еще кучу мелких фактов. Например, тот, что именно в среду утром вы заказали диктофон. Это и навело меня на мысль, что валик вы нашли во вторник. Однако давайте перейдем к третьему вопросу: зачем вам все это понадобилось? Почему вы сразу не сказали, что нашли валик? Вы хотите, чтобы я ответил сам? Пожалуйста. Пойти на такое нарушение профессиональной этики вас заставила крайняя неприязнь к НАП. Ваше отношение к ней разделяет подавляющее большинство людей, в том числе и я. Так вот, зная об этом, вы решили помалкивать о том, что нашли валик, затянуть расследование и тем самым позволить вони, идущей от этих убийств, усилить всеобщее недовольство. Ради этого вы даже позволили запереть себя на целых трое суток в спальне. Впрочем, свою роль сыграла и ваша любовь к искусству ради искусства. Вы всегда готовы разыграть хороший спектакль при условии, что будете премьером.

— У тебя все?

— Я почти закончил. Ответить на четвертый вопрос, почему вы отказались от клиента и вернули деньги, проще простого. Ведь не исключена вероятность, что в один прекрасный день вы передумаете и захотите попасть в рай, а если

незаметно скрестите пальцы — это точно поможет делу. Поэтому вы не могли оставить у себя деньги НАП и по-прежнему считать ассоциацию своим клиентом, одновременно усиленно толкая ее в пропасть. Тут я позволю себе стать циником. А что, если бы ассоциация не назначила вознаграждение за поимку преступника? Вы и тогда стали бы ломать комедию? Я мог бы и сам ответить на этот вопрос, но воздержусь. Кстати, об этике. Чем, собственно, гонорар от клиента отличается от вознаграждения?

— Вздор! О выдаче вознаграждения при выполнении определенных условий было объявлено сотне миллионов человек. Я выполнил условия и потому имею полное право получить вознаграждение, как и любой другой на моем месте.

— Ладно. Я ведь упомянул об этом между прочим. Я ведь не подвергаю сомнению ваше желание отправиться в рай, коль скоро оно у вас возникло. Но вы тоже не без греха. А что, если попросить Сола Пензера рассказать под присягой, чем он занимался со среды до субботы? И он ответит, что не спускал глаз с Генри А. Уордера, чтобы в соответствии с указаниями мистера Вулфа в случае необходимости немедленно доставить этого человека к нему. А не кажется ли вам, что вы

не сразу найдете ответ, если в полиции спросят, а зачем, собственно, вам мог понадобиться Генри А. Уордер. Правда, хорошо зная Сола, я убежден, что подобной ситуации не возникнет, но все же. Ну-с, давайте посмотрим. Думаю, на этом у меня все. Я просто хочу, чтобы вы знали, что мне решительно не нравится, когда вы презрительно отзываетесь о своих умственных способностях.

Вулф что-то проворчал. В кабинете повисло тяжелое молчание. Потом Вулф приоткрыл глаза и пробормотал:

— Ты упустил из виду одно обстоятельство…

— Какое же?

— Возможный вторичный мотив. А может, и основной. Если условно, только в виде рабочей гипотезы, принять все то, что ты тут наговорил, следует задать вопрос: какая основная мысль могла мной руководить в прошлый вторник, шесть дней назад, когда я, предположим, и в самом деле нашел валик?

— Именно это я и пытался объяснить. Кроме того, не могла, а действительно руководила.

— И все же ты не учел одного — мисс Гантер.

— А она-то тут при чем?

— Она умерла. А как ты знаешь, я ненавижу впустую растрачивать силы. Она проявила неза-

урядное упорство, отвагу и даже воображение, использовав убийство мистера Буна для той цели, которую он перед собой ставил и всячески продвигал. Но в середине всей этой истории мисс Гантер сама была убита. И конечно, ее смерть не должна была быть напрасной. Мисс Гантер имела полное право что-то из этого получить. И я нашел — чисто гипотетически — идеальный способ закончить начатое ею дело. Именно это ты и упустил.

Я уставился на Вулфа:

— Тогда у меня тоже есть гипотеза. Если мотив был именно таким — не важно, основным или вторичным, — тогда черт с ней, с профессиональной этикой!